

ISSN 2949-5059 (print)

2024 / № 1

ISSN 2949-5075 (online)

ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Название журнала до сентября 2023 г.: Вестник Московского государственного
областного университета. Серия: Лингвистика

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (см.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по филологическим наукам: 5.9.6 Языки народов зарубежных стран (германские и романские языки); 5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

The peer-reviewed journal was founded in 1998

Journal is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into "the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree" (see: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) in Philology: 5.9.6 Languages of the Peoples of Foreign Countries (Germanic and Romance); 5.9.8 Theoretical, Applied and Comparative Linguistics.

ISSN 2949-5059 (print)

2024 / № 1

ISSN 2949-5075 (online)

KEY ISSUES OF CONTEMPORARY LINGUISTICS

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

Выходит 6 раз в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Ахренова Н. А. – д-р филол. наук, доц., Государственный университет просвещения

Заместитель главного редактора:

Максименко О. И. – д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения

Ответственный секретарь:

Тарасова М. С. – канд. филол. наук, Государственный университет просвещения

Члены редакционной коллегии:

Александрова О. В. – д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Викулова Л. Г. – д-р филол. наук, проф., Московский городской педагогический университет;

Вишнякова О. Д. – д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Гринев-Гриневич С. В. – д-р филол. наук, проф., Университет в Белостоке (Республика Польша);

Епифанцева Н. Г. – д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Жирова И. Г. – д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Иванов Н. В. – д-р филол. наук, проф., МГИМО МИД России;

Калинин О. И. – д-р филол. наук, проф., Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ;

Карабулатова И. С. – д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Карпова О. М. – д-р филол. наук, проф., Ивановский государственный университет;

Коста Петер – доктор философских наук, профессор, Университет Потсдам (Федеративная Республика Германия);

Красноперова Л. С. – канд. филол. наук, доц., Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ;

Левченко М. Н. – д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Малюга Е. Н. – д-р филол. наук, проф., Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы;

Маслова В. А. – д-р филол. наук, проф., Витебский государственный университет им. П. М. Машерова (Республика Беларусь);

Николаева О. В. – д-р филол. наук, доц., Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток);

Пан Кё Ён – д-р филол. наук, проф., Университет иностранных языков Хангук (Республика Корея);

Пешкова Н. П. – д-р филол. наук, проф., Башкирский государственный университет;

Прохорова О. Н. – д-р филол. наук, проф., Белгородский государственный национальный исследовательский университет;

Прошина З. Г. – д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Скуратов И. В. – д-р филол. наук, доц., Государственный университет просвещения;

Сулейманова О. А. – д-р филол. наук, проф., Московский городской педагогический университет;

Тер-Минасова С. Г. – д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Филиппова И. Н. – д-р филол. наук, доц., Государственный университет просвещения;

Хабаров А. А. – д-р филол. наук, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ;

Хухуни Г. Т. – д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Чеснокова О. С. – д-р филол. наук, проф., Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ISSN 2949-5075 (online)

ISSN 2949-5059 (print)

Рецензируемый научный журнал «Вопросы современной лингвистики» – печатное издание, в котором публикуются статьи российских и зарубежных учёных по теории языка, сравнительно-историческому, типологическому и сопоставительному языкознанию, теории и практике перевода, германистике, романскому языкознанию.

Журнал адресован учёным-лингвистам, преподавателям вузов, аспирантам, магистрантам, учителям-исследователям, переводчикам.

Журнал «Вопросы современной лингвистики» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73342.

Индекс журнала «Вопросы современной лингвистики» по Объединённому каталогу «Пресса России» – 40713.

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), его текст доступен в научных электронных библиотеках “eLibrary” (www.elibrary.ru) и «КиберЛенинка» (с 2017 г., www.cyberleninka.ru), а также на сайтах Вестника Московского государственного областного университета (www.journals-gup.ru, www.linguamgou.ru).

При цитировании ссылка на журнал «Вопросы современной лингвистики» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вопросы современной лингвистики. – 2024. – № 1. – 142 с.

© Государственный университет просвещения, 2024.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

сайт: www.linguamgou.ru

Founder:
Federal State University of Education

————— Issued 6 times a year —————

Editorial board

Editor-in-chief:

N. A. Akhrenova – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Federal State University of Education

Deputy editor-in-chief:

O. I. Maksimenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education

Executive secretary of the series:

M. S. Tarasova – Cand. Sci. (Philology), Federal State University of Education

Members of Editorial Board:

O. V. Alexandrova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

L. G. Vikulova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Moscow City University;

O. D. Vishnyakova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

S. V. Grinev-Grinevich – Dr. Sci. (Philology), Prof., Bialystok University (Poland);

N. G. Yepifantseva – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education;

I. G. Zhirova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education;

N. V. Ivanov – Dr. Sci. (Philology), Prof., Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation;

O. I. Kalinin – Dr. Sci. (Philology), Prof., Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation;

I. S. Karabulatova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

O. M. Karpova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Ivanovo State University;

Kosta Peter – Dr. Sci. (Philology), Prof., University of Potsdam (Germany);

L. S. Krasnoperova – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation;

M. N. Levchenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education;

E. N. Malyuga – Dr. Sci. (Philology), Prof., Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia;

V. A. Maslova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Republic of Belarus;

O. V. Nikolaeva – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Far Eastern Federal University (Vladivostok);

Pang Gyo-Youn – Dr. Sci. (Philology), Prof., Hankuk University of Foreign Studies (Korea);

N. P. Peshkova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Bashkir State University;

O. N. Prokhorova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Belgorod National Research University;

Z. G. Proshina – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

I. V. Skuratov – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Federal State University of Education;

O. A. Suleimanova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Moscow City University;

S. G. Ter-Minasova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

I. N. Filippova – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Federal State University of Education;

A. A. Khabarov – Dr. Sci. (Philology), Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

G. T. Khukhuni – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education;

O. S. Chesnokova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

ISSN 2949-5075 (online)

ISSN 2949-5059 (print)

The reviewed scientific journal "Key Issues of Contemporary Linguistics" is a printed edition that publishes articles by Russian and foreign scientists about the theory of language, comparative-historical, typological and comparative linguistics, the theory and practice of translation, Germanic and Romance linguistics.

The journal's target audience is linguists, university professors, graduate students, undergraduates, research teachers, translators.

The journal "Key Issues of Contemporary Linguistics" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (mass media registration certificate No. FS 77-73342).

Index of journal "Key Issues of Contemporary Linguistics" according to the Union catalog "Press of Russia" – 40713.

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, and its full texts are available through scientific electronic libraries "eLibrary" (www.elibrary.ru) and "CyberLeninka" (since August 2017; www.cyberleninka.ru), as well as on the journal's sites (www.journals-gup; www.linguamgou.ru).

When citing, the reference to the journal is required. All publications are licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY).

The authors bear all the responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the authors. Manuscripts are not returned.

Key Issues of Contemporary Linguistics. – 2024. – № 1. – 142 p.

© Federal State University of Education, 2024.

The Editorial Board address:

10A build 2 Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phone: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

site: www.linguamgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

<i>Бен Шушан А. А.</i> Оппозитивность прагматических признаков эмпатийных иллюкутивных типов	6
<i>Волошина Т. Г.</i> Нигерийский вариант английского языка: лингвокультурологическая адаптация	15
<i>Гальцов П. И., Мигдаль И. Ю.</i> Стендап как нарратив личного опыта	25
<i>Карабулатова И. С., Ко Ч., Сунь Ц., Иванова-Якушко М. М.</i> Метафорическая эвфемизация нейрпсихофизиологической коммуникации в терминологии традиционной китайской медицины	33
<i>Ма Л.</i> Понятийная составляющая лингвокультурного типажа «учитель» в китайском языке	52
<i>Маджаева С. И., Башкина О. А., Гречухина З. Р.</i> Особенности педиатрического дискурса	65
<i>Сидорова Н. А., Федулова М. Н., Долженков В. Н.</i> К вопросу исследования содержания неискренних текстов	81
<i>Трушина М. К.</i> Особенности локализации внутриигровых диалогов, содержащих идиомы, устойчивые выражения и их вариации.	93
<i>Тугуз Т. Р.</i> Особенности функционирования глаголов движения в фоновом терминале когнитивной сцены (на материале произведений Г. Джеймса «Бостонцы» и Г. Зудермана «Фрау Зорге»)	106
<i>Ширяева Т. А., Катермина В. В.</i> Гендер в зеркале афоризма: сущность, язык, эволюция	114

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН (ГЕРМАНСКИЕ И РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ)

<i>Комалова А. С.</i> Аббревиатурные неологизмы в современной французской военной терминологии.	127
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Научная деятельность диссертационного совета 72.2.020.04 в свете новых требований ВАК	139
---	-----

CONTENTS

THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

<i>A. Ben Shushan.</i> Oppositivity of Pragmatic Features of Empathic Illocutionary Types	6
<i>T. Voloshina.</i> Nigerian English: Language and Cultural Adaptation Process	15
<i>P. Gal'tsov, I. Migdal.</i> Stand-Up as a Narrative of Personal Experience	25
<i>I. Karabulatova, Ch. Kuo, Q. Sun, M. Ivanova-Yakushko.</i> Metaphorical Euphemization of Neuropsychophysiological Communication in the Terminology of Traditional Chinese Medicine	34
<i>L. Ma.</i> The Conceptual Component of the Linguocultural Type "Teacher" in Chinese	52
<i>S. Madzhaeva, O. Bashkina, Z. Grechukhina.</i> Features of Pediatric Discourse	65
<i>N. Sidorova, M. Fedulova, V. Dolzhenkov.</i> On the Issue of Studying the Content of Insincere Texts	82
<i>M. Trushina.</i> Peculiarities of Localization of In-Game Dialogues Containing Idioms, Set Expressions and Their Variations	94
<i>T. Tuguz.</i> Verbs of Movement Functioning in the Background Terminal of the Cognitive Scene (In H. James's "The Bostonians" and H. Sudermann's "Dame Care")	106
<i>T. Shiryayeva, V. Katermina.</i> Gender in the Mirror of Aphorism: Essence, Language, Evolution	114

LANGUAGES OF THE PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES (GERMANIC AND ROMANCE)

<i>A. Komalova.</i> Abbreviation Neologisms in Modern French Military Vocabulary	127
--	-----

ACADEMIC LIFE

Scientific Activity of the Dissertation Council 72.2.020.04 in the Light of New Requirements of the Higher Attestation Commission	139
---	-----

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'1:316.613.4:316.454.52

DOI: 10.18384/2949-5075-2024-1-6-14

ОППОЗИТИВНОСТЬ ПРАГМАТИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ ЭМПАТИЙНЫХ ИЛЛОКУТИВНЫХ ТИПОВ

Бен Шушан А. А.

Уфимский университет науки и технологий

450076, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выявление ценностных характеристик иллокутивных типов вербальной эмпатии в рамках речеактового подхода.

Процедура и методы. В работе использовались общенаучные и частные методы: коммуникативно-прагматический анализ, лингвистическое описание.

Результаты. Выделены качественные признаки эмпатийных высказываний в биполярной дихотомии. Отмечена взаимозависимость рассматриваемых признаков в процессе эмпатического общения. Сопоставлены коммуникативно-прагматические маркеры эмпатийных речевых актов с базовыми типами психологического феномена эмпатии.

Теоретическая значимость состоит в развитии теории речевой деятельности и теории речевого воздействия. Эмпатические характеристики объединяют области исследования речевой коммуникации с психологией речевого поведения. Практическая ценность полученных знаний в их использовании в качестве коммуникативного регулятора взаимоотношений межличностного общения.

Ключевые слова: когнитивно-аффективный, конгруэнтность, позитивно (негативно) ориентированный, прагматическая экологичность, сопереживание, сорадование, эмпатический иллокутивный тип

OPPOSITIVITY OF PRAGMATIC FEATURES OF EMPATHIC ILLOCUTIONARY TYPES

A. Ben Shushan

Ufa University of Science and Technology

ulitsa Zaki Validi 32, Ufa 450074, Republic of Bashkortostan, Russian Federation

Abstract

Aim. To reveal and analyse the significant characteristics of verbal empathic illocutionary types through speech-acting approach.

Methodology. General and special scientific methods were used in the work: communicative and pragmatic analysis, linguistic description.

Results. Qualitative signs of empathic statements in a bipolar dichotomy are highlighted. The interdependence of the considered features in the process of empathic communication is revealed. The communicative and pragmatic markers of empathic speech acts are compared with the basic types of the psychological phenomenon of empathy.

Research implications. The article contributes to the development of the theory of speech activity and the theory of speech influence. Empathic characteristics combine the fields of speech communication research with the psychology of speech behavior. The practical value of the acquired knowledge lies in its use as a communicative regulator of interpersonal communication relationships.

Keywords: cognitive-affective, compassion, congruence, co-rejoicing, empathic illocutionary type, positively (negatively) oriented, pragmatic environmental friendliness

Введение

Современные исследования феномена эмпатии охватывают целый ряд гуманитарных и естественнонаучных областей, среди которых психология, социология, педагогика, экономика, информационные технологии и др. Учёных привлекает изучение понятийного поля эмпатии, различных процессов её функционирования и механизмов проявления в теоретическом и прикладном аспектах. Наше внимание к феномену эмпатии обращено, главным образом, к вербальному проявлению эмпатии в межличностном общении.

Прагматический подход к изучению эмпатического коммуникативного поведения позволяет представить эмпатийные высказывания в речевой номинации как речедействия с иллокутивной силой, направленной на разделение чувств и эмоций с собеседником для оказания ему психологической поддержки. В процессе речевого общения имплементация эмпативов (термин заимствован: Е. И. Григорьев [4, с. 95], К. Х. Кохнович [5]) может варьировать в зависимости от ряда дифференциальных признаков, составляющих прагматический аспект вербальной эмпатии: 1) иллокутивное намерение эмпатического высказывания; 2) наличие/отсутствие фактора эмоциональности; 3) конгруэнтность в ситу-

ации, требующей речевого содействия; 4) перлокутивный эффект и др. Недостаточная изученность и систематизация знаний в области вербального проявления эмпатии в межличностном коммуникативном взаимодействии актуализирует значимость данного исследования.

Качественная оценка речевой ситуации для определения эмпатийных сфер сопереживания и сорадования

Основопологающим критерием, согласно которому эмпатийные речевые акты могут быть дифференцированы в процессе intersubjectivного общения, является *качественный показатель оценки речевой ситуации*, не каузирующий коммуникативный сбой. Выделены две полярнозаряженные эмпатийные сферы, в которых речевые поступки распределены согласно ситуации, требующей психологической поддержки по поводу негативного события в жизни адресанта, а именно, вербальной сферы сопереживания, и ситуации, обуславливающей эмпатийное речевое содействие в связи с радостным событием, т. е. сферы сорадования [1, с. 9].

Типизация иллокутивных типов по эмпатийным сферам осуществляется согласно базовому механизму эмпатии, основанному на разделении эмоций с

партнёром по общению. В сферу сопереживания входят следующие экспрессивные иллокутивные типы, заимствованные в классификации речевых актов Дж. Серля [7]: соболезнование, (сочувственное) понимание, сочувствие и утешение, выражающие совместное проживание негативных эмоций каждого из коммуникантов. Кроме этого, последнее речедействие представлено иллокутивными типами психологической поддержки адресата Л. А. Азнабаевой [2]: успокоение, оправдание, ободрение [10] и разубеждение. Таким образом, разграничение испытываемых коммуникантами эмоций по знаку напрямую обуславливает иллокутивное намерение говорящего и выбор эмпатийного высказывания.

В частности, в негативной ситуации эмоциональной тревоги, когда обеспокоенный адресант сообщает о неприятном событии в своей жизни, вербальное проявление эмпатии зависит, в значительной степени, от иллокутивного намерения говорящего. Согласно Дж. Серлю, иллокутивная цель – это установка на определённую ответную реакцию адресата, которая сообщается ему в высказывании [7, с. 182]. Так, если автор сообщения стремится реализовать интенцию сочувствия и понимания, речевая эмпатизация может быть вербализована прямо перформативными глаголами «сочувствовать», «понимать» эмпатийной сферы сопереживания:

(Адресант)

– Мой парень, с которым я встречалась 3 года сейчас вернулся из армии, но поехал не ко мне, а домой! Я так расстроена ((((((¹

(Адресат)

– О, подруга по несчастью... такая же фигня и у меня была... Очень тебе сочувствую! Так тебя понимаю!²

В случае стремления реагирующего коммуниканта утешить взволнованного адресанта, прибегнув к разубеждению в невиновности в сложившемся или оправдания испытываемых им негативных чувств, говорящий эмпатизирует прямо речевыми актами разубеждения, успокоения и (оправдывающего) утверждения, реализующего митигативную стратегию генерализации.

(Адресат)

– Это не твоя вина! Успокойся! Любой бы на твоём месте тоже переживал!³

Иллокутивная интенция сорадования в процессе эмпатического общения представлена речевыми актами поздравления, похвалы, одноимённого речевого акта сорадования и доброго пожелания. Общим стремлением эмпатирующего адресата является вербализация совместной радости с собеседником с участием иллокутивных типов этой сферы. Так, в ситуации, когда говорящий сообщает об успешной сдаче выпускного экзамена, эмпатирующий может поддержать его эмоциональный фон при помощи фразы:

(Адресант)

– Урааааа!!!!!! Сдала на права, сегодня получаю. Наконец-то!!!⁴

(Адресат)

– Молодец! Искренне поздравляю!!!! Желаю стать хорошим участником дорожного движения!!!!⁵

Иллокутивной интенцией речевого поведения реагирующего адресата является стремление поддержать адресанта, сделав ему коммуникативный подарок при помощи сочетания прямовыраженных речевых актов похвалы, поздравления и (благо)пожелания. Как видим, эмпатическое сообщение эмпатирующего в ситуации сорадования обладают значительной степенью сочетаемости иллоку-

³ Там же.

¹ Ответы Mail.ru: я ждала парня с армии и дождалась, но когда он... [Электронный ресурс]. URL: <https://otvet.mail.ru/question/19423498> (дата обращения: 03.04.2023).

² Там же.

⁴ Ответы Mail.ru: сдала на права.сегодня получаю. поздравите? [Электронный ресурс]. URL: <https://otvet.mail.ru/question/50421896> (дата обращения: 06.04.2023).

⁵ Там же.

тивных типов данной сферы, что может объясняться устойчивым характером речевого сценария при реализации вербального содействия в ситуации радости.

Эмотивно-эмоциональный показатель эмпатийности иллокутивных типов

Критерий, определяющий *степень эмоциональной насыщенности* эмпатийных высказываний или их альтернативный *характер эмотивности*, также является важным маркером вербальной эмпатии в межличностном общении. Данный критерий обнаруживает себя при выявлении коммуникативной функции эмпатийно ориентированных речевых актов, в том числе вербальных средств реализации экспрессивного компонента высказывания. Так, доминирование эмотивного фона эмпатического сообщения свидетельствует о выполнении фатической функции высказывания. Преобладание различных способов экспрессии при вербализации эмпатии указывает, в свою очередь, на реализацию эмоциональной функции в речевом послании. В процессе межличностного общения контактоустанавливающая функция проявляется в вербализации нарочитости и направленности эмпатического потенциала в сторону адресата. Эмоциональная функция, напротив, способствует адресантоцентричному эмпатированию [1].

Если дихотомическое деление на речевые сферы эмпатии обусловлено позитивно/негативно маркированной речевой ситуацией, то выделение эмотивного/эмоционального признака эмпатийных высказываний является показателем фактора эмпатической включенности коммуникантов и уровня интенсивности эмоционального заряда высказывания. Именно поэтому, как отмечают исследователи, проявление эмпатии исключает облигаторность наличия ярко выраженного эмоционального фона вербального intersубъектного взаимодействия [9, с. 544].

Примером, иллюстрирующим эмоциональное выражение эмпатии, может служить реактивное высказывание на инициальное сообщение адресанта о несостоявшейся свадьбе:

(Адресант)

– Не могу молчать! Меня душит обида, разочарование... Мой парень решил прекратить со мной отношения, хотя мы уже готовились к свадьбе!!!!¹

(Адресат)

– Ой, как я тебе сочувствую! Это просто ужасно! Когда все уже готово к свадьбе и тут вдруг такое! Да как он мог так поступить?! Не представляю даже, что ты сейчас чувствуешь! Держись и не отчаивайся! Уверенна, что ты найдешь достойного человека! А этот, раз так поступил, все равно тебя бросил бы, так уж лучше сейчас, чем потом...²

Эмоциональное выражение эмпатического соучастия вербализовано отрицательно-оценочными экскламативами, направленными на передачу эмоций, связанных с душевными переживаниями. В сочетании с прямым речевым актом сочувствия, косвенным речевым актом (сочувственного) понимания и ободрения, а также речевыми тактиками «позитивного прогноза» в форме уверения и «негативного предсказания», говорящий имплицитно позитивный характер сложившейся ситуации.

В качестве примера вербальной эмотивности в высказывании эмпатического типа могут выступать речевые акты вербальной сферы сопереживания или сорадования, с целью поддержания самого процесса общения, что проявляется, прежде всего, на языковом уровне.

Так, на инициальное сообщение о предстоящей свадьбе эмотивная реплика реагирующего адресата может быть нераспространённым простым выска-

¹ Парень решил расстаться из за ссор.. [Электронный ресурс] // Woman.RU: [сайт]. URL: <https://www.woman.ru/reactions/men/thread/4844999/> (дата обращения: 10.04.2023).

² Там же.

званием и включать сочетание конвенциональной речевой формулы прямовыраженного речевого акта поздравления с косвенновыраженным речевым актом (благо)пожелания:

(Адресант)

– Замуж выхожу :))) за чудного, весёлого, хорошего... просто прелесть...¹

(Адресат)

– Поздравляю!!! Желаю всех благ, всего самого доброго и светлого в семейной жизни, СОВЕТ да ЛЮБОВЬ!!! Совет вам да любовь!²

Фактор конгруэнтности в эмпатической вербальной коммуникации

Показатель конгруэнтности в эмпатических высказываниях необходимо рассматривать совместно с маркером эмотивности/эмоциональности, которые служат для характеристики иллокутивного намерения эмпатирующего коммуниканта и того эффекта, который он оказывает на эмоциональный фон слушающего.

Несмотря на то, что общелингвистическое значение этого термина трактуется как тождество языковых форм, в нашем понимании коммуникативная конгруэнтность представляет собой соответствие и уместность внутреннего эмоционально-чувственного содержания говорящего с внешним эмоционально-речевым поведением коммуниканта в конкретной ситуации общения [3, с. 2174]. В процессе эмпатического общения конгруэнтность помогает создать доверительную коммуникационную среду межличностного взаимодействия.

Одно из наиболее типичных проявлений конгруэнтности в эмпатическом речевом поведении можно наблюдать при использовании церемониальных [8] рече-

действий в конвенциональной ситуации, требующей выполнения речевого ритуала. Заметим, что конвенциональность эмпатических сфер сопереживания и сорадования представлена иллокутивными типами «соболезнование» и «поздравление». Кроме этого, среди ритуализованных речевых актов Н. А. Трофимова выделяет речевой акт пожелания [8, с. 62], который мы, в свою очередь, различаем по типу речевой ситуации выражения эмпатии как «(благо)пожелание» по поводу негативного события или позитивной ситуации.

Ввиду высокой степени ситуативной зависимости ответной реплики эмпатирующего коммуниканта в процессе эмоционального отклика на трагические события, типичный ритуал речевого соболезнования, как правило, выражен прямо и может выражаться клишированными фразами: «Примите мои соболезнования» или «Соболезнуем вашей утрате и скорбим вместе с вами» и др. Реплики такого типа являются конгруэнтными в ситуации траура, поскольку проявление, чрезмерной эмоциональности или употребление фраз, выражающих стремление говорящего утешить адресата, скорее неуместны при выражении скорби.

Рассмотрим реактивное эмпатическое высказывание, обращённое к собеседнику, сообщившему об уходе близкого человека: «Он так болел! Рано или поздно это бы произошло. Отмучился!». Генеральная иллокутивная интенция, определяющая реакцию адресата, представлена намерением речевого содействия, демонстрацией сонастроенности с горем, успокоения горящего, что даёт возможность отнести данную фразу к эмпатично заряженным. В то же время употребление данной фразы нельзя назвать конгруэнтным, поскольку стратегии «обесценивания горя» или эмпатичная речевая тактика «Во благо» о произошедшем не могут быть допустимы в ситуации траура.

Необходимо также уточнить, что близким понятием для конгруэнтности

¹ Ответы Mail.ru: Принимаю поздравления!!! Замуж выхожу :))) [Электронный ресурс]. URL: <https://otvet.mail.ru/question/8780623> (дата обращения: 11.04.2023).

² Там же.

является понятие искренности. Однако мы склонны полагать, что эти термины не являются равнозначными. Конгруэнтное выражение вербальной эмпатии возможно без проявления значительной искренности, как в случае со сдержанной формой соболезнования. Неконгруэнтным речевым актом при соболезновании можно назвать директивный речевой акт призыва, например, к возмездию «Убивать надо таких врачей!». Стратегия «поиска и наказания виновника произошедшего» не сможет воскресить умершего и утешить скорбящего, а подобные требования могут ввести страдающего в состояние агрессии.

Таким образом, проблема конгруэнтности/неконгруэнтности эмпатических высказываний коррелирует со следующим маркером проявления вербальной эмпатии и ориентирована на слушающего коммуниканта. Речь идёт о перлокуции высказывания, подразумевающей воздействие на адресата, влекущее изменения в его эмоциональном состоянии или поведении в результате понимания этого высказывания. В ситуации эмпатической коммуникации взволнованный адресант должен обрести эмоциональное равновесие и надежду на позитивный исход события в негативном речевом контексте. Эмпатическая реакция в позитивной ситуации общения, в свою очередь, направлена на поддержку и усиление позитивных эмоций собеседника при помощи вербального поощрения в виде похвалы или ободрения. Одним из факторов нивелирования негативных эмоций и поддержания позитивного настроения является оппозитивный показатель экологичности/неэкологичности эмпатического послания.

Показатель экологичности/ неэкологичности эмпатических посланий

В разных областях научного знания понятие экологичности отличается схожестью интерпретации, суть которой

заключается в непричинении вреда и гармонизации отношений между субъектами¹. В нашем исследовании под экологичностью подразумевается иллокутивная сила высказываний, выражающая разделение чувств между коммуникантами, без установки на последующее развитие негативных эмоций и нарушение психологического равновесия эмпатируемого. Г. Г. Молчанова употребляет термин «лингвотоксичность», определяя его как элемент, затрудняющий и/или искажающий коммуникативное взаимодействие и влияющий на психологическое состояние коммуникантов [6, с. 49]. Среди неэкологичных эмпатических посланий можно перечислить речевой акт согласия в негативной ситуации общения, репрезентативные речевые акты утверждения с очевидной негативной эстетимацией виновника случившегося, речевой тактикой приведения личного примера, гипотетически описывающего негативное поведение самого эмпатирующего в сложившейся ситуации и некоторые другие.

Неэкологичная эмпатическая реплика реагирующего адресата на сообщение, в котором адресант жалуется на обидевшего его друга, может представлять собой сочетание эксплицитного речевого акта согласия с речевым актом утверждения, подтверждающим негативный характер сложившейся ситуации. Последовательность репрезентативного речевого акта, негативно оценивающего виновника события, и совета совершить негативный поступок способствует нагнетанию отрицательного заряда речедействия:

(Адресант)

– Дружили долго, понимали с полу слова, с полу взгляда... Но, увы и ах...
Дружба потерпела фиаско!²

¹ См.: Экологизация // Словарь терминов по экологии / сост. А. Е. Шадже, Э. А. Сиротюк, А. И. Шадже. Майкоп: ФГБОУ ВО «МГТУ», 2016. С. 84.

² Что чувствует человек, который бросает друга [Электронный ресурс] // Большой вопрос: [сайт]. URL: <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/1500334-cto-chuvstvuet-chelovek-kotoryj-brosaet-druga.html> (дата обращения: 05.05.2023).

(Адресат)

– Согласен с тобой – очень обидно, когда лучший друг предает тебя! Да он вообще не заслуживает твоей дружбы. Бросай таких друзей и беги!!!¹

Как видим, характеристику экологичности/неэкологичности можно отнести скорее не к одному эмпатическому высказыванию, а к посланию, вербальному сообщению, включающему несколько речевых поступков. Все эти иллокутивные типы объединяет интенция говорящего успокоить, оказать психологическую поддержку адресантам, разделить испытываемые ими негативные чувства, оправдывая негативные эмоции «пострадавшего» и концентрируя внимание на негативной оценке поведения виновника события или всей сложившейся ситуации.

Примером экологичного послания в той же речевой ситуации может быть сообщение: «Не расстраивайся, между друзьями возможно всякое, сам понимаешь, возможно, он хотел, как лучше... Если он настоящий друг, он обязательно извинится и попытается вернуть твою дружбу. Все наладится!»².

Экологичность эмпатического высказывания представлена комбинацией прямого речевого акта успокоения с утешающей речевой тактикой, демонстрирующей неизбежность жизненных затруднений, аргументативным репрезентативом, оправдывающим агента негативных эмоций, и финальной ободряющей репликой позитивного прогноза в форме утверждения. Как видим, вербализация иллокутивного намерения успокоить взволнованного адресанта проявляется в бережном отношении к чувствам собеседника и направлена на ободрение и позитивный настрой.

Выводы

В межличностной коммуникации рассмотренные критерии являются существенными признаками эмпатических высказываний реагирующего адресата и могут быть представлены в виде аппозитивных признаков, сопоставимых с ведущими характеристиками психологического феномена эмпатии. В ходе анализа эмпатических речевых поступков было выявлено, что эмоциональный отклик вербализуется в негативных ситуациях, например, в качестве реакции на неблагоприятное получение другого, требующих вербального проявления понимания, сочувствия и утешения для разделения с собеседником негативных чувств. В ситуациях, связанных с позитивными событиями, эмпатическим речевым отзывом являются иллокутивные типы сорадования, поздравления и похвалы с целью разделения собеседниками радостных чувств. По этому признаку выделены две вербальные сферы эмпатии: сопереживание и сорадование. Данный критерий позволил выявить иллокутивную силу высказываний эмпатического типа, определяющую входящие в эти сферы иллокутивные типы.

Фактор степени эмоциональной насыщенности эмпатического реагирования в процессе коммуникации сопоставим с когнитивной и аффективной формами психологического феномена эмпатии. Выделенный признак эмотивности/эмоциональности позволил объединить эмпатические высказывания в два типа. Первый тип представляют высказывания, которые являются проявлением вербальной эмпатии когнитивного вида. В большинстве случаев эмотивные эмпативы имеют конвенциональную форму и употребляются в эмпатической ситуации, в которой чрезмерное проявление эмоциональности неуместно. Ко второму типу относятся аффективные речевые действия с ярко выраженным экспрессивным компонентом. Вербальные проявления эмоциональной эмпатии нередко верба-

¹ Что чувствует человек, который бросает друга [Электронный ресурс] // Большой вопрос: [сайт]. URL: <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/1500334-cto-chuvstvet-chelovek-kotoryj-brosaet-druga.html> (дата обращения: 05.05.2023).

² Там же.

лизованы при помощи экскламативов, междометных восклицательных реплик, менее ритуализованных речевых актов.

В ходе изучения характеристик высказываний эмпатической направленности было установлено, что конгруэнтная маркированность эмпатийного речевого поведения обусловлена иллокуцией речевого акта и проявлением эмоций говорящего, речевой ситуацией его употребления. Результатом неконгруэнтного речедействия в процессе эмпатирования может стать коммуникативная неудача, т. е. оно влияет на воздействие на адресата.

Критерий экологичности/неэкологичности также относится к выражению прагмазначения эмпатического послания и необходим для достижения желаемого перлокутивного эффекта в эмпатическом общении. Как правило, включает в себя несколько речевых актов, одним из которых является речевой акт согласия, для выражения солидарности с эмоциями, испытываемыми взволнованным коммуникантом.

Дата поступления в редакцию 02.06.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Анищенко А. А. Эмоциональный и эмотивный потенциалы речевых актов сферы сорадования // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2018. № 2. С. 8–16. DOI: 10.18384/2310-712X-2018-2-8-16.
2. Азнабаева Л. А. Принцип вежливости в английском диалоге. Уфа: РИО БашГУ, 2005. 198 с.
3. Газизов Р. А., Бен Шушан А. А. Косвенные формы выражения речевого акта пожелания (здоровья) в негативной ситуации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. № 7. С. 2172–2176. DOI: 10.30853/phil210348.
4. Григорьев Е. И. Оппозитивные противопоставления периодических дифференциальных признаков иллокутивов группы депрециатива // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2001. № 4 (24). С. 89–98.
5. Кохнович К. Х. Способы языковой реализации социальной поддержки (на материале речевого акта утешения в немецком языке) // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1. Филология. 2014. № 3(70). С. 77–83.
6. Молчанова Г. Г. Лингвоэкология и современное состояние языка // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. № 2. С. 47–54. DOI: 10.18384/2310-712X-2016-2-47-54.
7. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 170–194.
8. Трофимова Н. А. Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе. Семантический, прагматический, грамматический анализ. СПб.: ВВМ, 2008. 376 с.
9. Шевелева М. С. Теория эмпатии в анализе дискурса (на материале английского и французского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. № 2. С. 543–552. DOI: 10.30853/phil210056.
10. Abdulrahman A., Richards A., Ranjartabar H. Verbal empathy and explanation to encourage behaviour change intention // Journal on Multimodal User Interfaces. 2021. Vol. 15. Iss. 2. P. 189–199. DOI: 10.1007/s12193-020-00359-3.

REFERENCES

1. Anishchenko A. A. [Emotional and emotive potentials of the speech acts of co-rejoicing]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2018, no.2, pp. 8–16. DOI: 10.18384/2310-712X-2018-2-8-16.
2. Aznabayeva L. A. *Printsip vzhlivosti v angliyskom dialoge* [The principle of politeness in English dialogue]. Ufa, Bashkir State University Publ., 2005, 198 p.
3. Gazizov R. A., Ben Shushan A. A. [Implicit forms to express speech act “well-wishing” in negative situation]. In: *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2021, vol. 14, no. 7, pp. 2172–2176. DOI: 10.30853/phil210348.

4. Grigoriyev Ye. I. [Opposing contrasts between prosodic differential indications of depreciation-type illocutions]. In: *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki* [Tambov University Review. Series: Humanities], 2001, no. 4 (24), pp. 89–98.
5. Kokhnovich K. Kh. [Means of linguistic Actualization of Social Support (Based on the Speech act of Consolation in German Language)]. In: *Vestnik Minskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya 1. Filologiya* [Minsk State Linguistic Theoretical-scientific University Bulletin. Series 1. Philology], 2014, № 3 (70), pp. 77–83.
6. Molchanova G. G. [Linguistic ecology and the present-day language]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2016, no. 2, pp. 47–54. DOI: 10.18384/2310-712X-2016-2-47-54.
7. Searle J. R. [Classification of illocutionary acts]. In: *Novoye v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 17. Teoriya rechevykh aktov* [New in foreign linguistics. Iss. 17. Theory of speech acts]. Moscow, Progress Publ., 1986, pp. 170–194.
8. Trofimova N. A. *Ekspressivnyye rechevyye akty v dialogicheskom diskurse. Semanticheskii, pragmaticheskii, grammaticheskii analiz* [Expressive speech acts in dialogical discourse. Semantic, pragmatic, grammatical analysis]. St. Petersburg, VVM Publ., 2008. 376 p.
9. Sheveleva M. S. [Theory of empathy in analysing discourse (by the material of the English and French languages)]. In: *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2021, vol. 14, no. 2, pp. 543–552. DOI: 10.30853/phil210056.
10. Abdulrahman A., Richards A., Ranjbartabar H. Verbal empathy and explanation to encourage behaviour change intention. In: *Journal on Multimodal User Interfaces*, 2021, vol. 15, iss. 2, pp. 189–199. DOI: 10.1007/s12193-020-00359-3.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бен Шушан Анна Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов Высшей школы зарубежной филологии, лингвистики и перевода Института гуманитарных и социальных наук Уфимского университета науки и технологий;

e-mail: mgore2004anna@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anna A. Ben Shushan – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Foreign Languages for Natural Faculties, Higher School of Foreign Philology, Linguistics and Translation of the Institute of Humanities and Social Sciences, Ufa University of Science and Technology;

e-mail: mgore2004anna@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Бен Шушан А. А. Оппозитивность прагматических признаков эмпатийных иллокутивных типов // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 1. С. 6–14.

DOI: 10.18384/2949-5075-2024-1-6-14

FOR CITATION

Ben Shushan A. A. Oppositivity of pragmatic features of empathic illocutionary types. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2024, no. 1, pp. 6–14.

DOI: 10.18384/2949-5075-2024-1-6-14

УДК 81-23

DOI: 10.18384/2949-5075-2024-1-15-24

NIGERIAN ENGLISH: LANGUAGE AND CULTURAL ADAPTATION PROCESS

T. Voloshina

*Belgorod State National Research University
ulitsa Pobedy 85, Belgorod 308015, Russian Federation*

Abstract

Aim. Identification of the linguistic and cultural specific features of the English language functioning on the territory of Nigeria.

Methodology. The research is based on the application of general scientific methods (analysis, generalization) and special methods (descriptive method, component analysis method, quantitative method).

Results. The most productive transformation processes of the English language of Nigeria due to the influence of creolization are revealed: monophthongization of diphthongs for the phonetic system; simplification of specific verb forms for the morphological system; use of high-frequency cultural borrowings from autochthonous languages for the lexical system.

Research implications is in the analysis of Nigerian English transformational processes potential due to complex language and culture symbiosis. The structure of Nigerian English is influenced by two key processes: indigenization and globalization which contributes to the preservation of its unique features, reflecting the specifics of the Nigerian linguistic culture.

Keywords: globalization, indigenization, creolisation, language and culture symbiosis, Nigerian English

НИГЕРИЙСКИЙ ВАРИАНТ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ

Волошина Т. Г.

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявление лингвокультурной специфики английского языка, функционирующего на территории Нигерии.

Процедура и методы. Исследование основывается на применении общенаучных (анализ, обобщение) и специальных методов (описательный, количественный, метод компонентного анализа).

Результаты. Выявлены продуктивные трансформационные процессы английского языка Нигерии, вследствие влияния креолизации: монофтонгизация дифтонгов для фонетического строя; симплификация видовременных форм глагола для морфологического строя; использование высокочастотных лингвокультурем лексического строя.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в раскрытии потенциала трансформационных процессов английского языка Нигерии. Строй территориального варианта английского языка Нигерии подвержен влиянию двух процессов: индигенизации и глобали-

зации, что способствует сохранению его уникальных свойств, отражающих специфику нигерийской лингвокультуры.

Ключевые слова: глобализация, индигенизация, креолизация, лингвокультурология, территориальный вариант английского языка Нигерии

Introduction

As a result of the English language interaction with other languages and cultures a large number of the English language variants have appeared in the modern world, such as the Irish English variant, the Scottish English variant, the Australian English variant and others. In our research work we have analyzed such English variant as the Nigerian English variant.

The purpose of the research work is in the analysis of language and cultural indigenization process theory of Nigerian English which was formulated due to two main factors: indigenization and globalization cooperation.

According to the research work a number of new definitions were introduced representing the specific approach to the analyzed object of linguistic reality in the context of the developed theory, these are phonetic creolisation process, morphological creolisation process, lexical creolisation process, syntactic creolisation process [2]. The developed theory of language and cultural creolisation of the English language in Nigeria is based on an integrative approach that allows to identify the unique features typical for Nigerian English variant through the prism of Nigerian culture. Creolisation process of the English language functioning in Nigeria is closely related to sociolinguistic differentiation. It should be stressed, the key parameter for Nigerian society is the complex varieties of the language usage which are basilect, mesolect, acrolect. Creolisation of the English language of Nigeria is inherent in all three language variants (basilect, mesolect, acrolect), therefore interference processes are typical to all linguistic levels of the Nigerian English: phonetic, morphological, lexical, syntactic [1, p. 140].

The status of English in Nigeria

The English language, functioning on the territory of Africa as a foreign language, was creolized and adapted to the linguistic and cultural specifics of the autochthonous languages. Nigerian English, having an official status, acts as the main means of communication in all spheres of Nigerian society, it is the language of politics, economics, trade, media and education.

Nevertheless, the introduction and cultivation of English language norms led to the overwhelming influence of the English language and decreasing usage of the autochthonous Nigerian languages. As the result of such a dominant influence of the English language in all spheres of modern Nigerian's lives, there is a tendency of some autochthonous languages extinction processes [14].

The research work deals with the identification of linguistic and cultural features of Nigerian English. As a result of interaction with autochthonous languages, English, functioning on the territory of Nigeria, turned out to be a mixed-type language with the hybridization processes typical for all language levels. Nigerian English is a territorial variant that continues to develop under the influence of interference processes on the part of local languages. Nigerian English combines features of such European languages as Portuguese and French, American English, Arabic, as well as features of autochthonous languages. The dominant autochthonous languages in Nigeria are the interethnic languages Hausa, Yoruba, Igbo.

Thus, Nigerian English as a territorial variant of the language, endowed with a special status predetermined by historical, political, economic, social and cultural factors, it requires the special attention to be analysed. The need for scientific understanding of the observed trends in the field of language interaction, the study of the development of

the English language in Africa determines the relevance of the research work. The proposed critical approach to this range of issues makes it possible to identify the main features of the Nigerian English, to open up new perspectives in the analysis of language and culture science, taking into account the variety of accompanying factors and scientific understanding of the observed trends in the conditions of linguistic and cultural adaptation [13, p. 27].

Language and culture interaction analysis has been a traditional object of research works of many linguists' works. Russian and foreign scientists (V. V. Vorobyev, V. T. Klokov, S. A. Kosharnaya, Z. G. Proshina; B. Kachru, Y. Kachru, C. Nelson) have developed and are still developing both general and particular issues of interaction between language and culture. V. V. Vorobyev stresses the need to analyse language and culture as one unit [3]. V. T. Klokov pays special attention to language adaptation in the process of cross cultural communication and reveals peculiar features of English and French functioning in African countries [4]. S. A. Kosharnaia analyses the adaptation process of local words as part of cultural and historical developments on the example of Russian language and culture [5]. Z. G. Proshina investigates the influence of English on the languages and cultures of East Asian countries [6]. The questions of the English language influence on the state of other linguistic cultures community have been discussed in works by B. Kachru, Y. Kachru and C. Nelson. The linguists stress that every language variant has its unique features due to local cultures dominant influence [15]. A number of fundamental works done by authors of the book "The Handbook of World Englishes" have analysed English as the language of global communication and its influence on other languages. Afro-European linguistic and cultural interaction processes have been investigated in works by J. Baghana [1].

The research work analyzes the multi ethnic nature of Nigerian society which de-

termines the complex of multi component structure of the Nigerians cultural identity which is also reflected in the language. Three key components of the language situation are social, cultural and linguistic situations, they make the linguistic and cultural state of the communicative environment. For Nigeria which is a country with numerous ethnic groups whose representatives are characterized by social heterogeneity, each component of the language situation has a multistage structure. Thus, the complex nature of social, cultural and linguistic situations leads to the formation of a multilevel structure of a language situation which is worth analysing.

It is necessary to take into account the factor of the relationship between language and culture. The dominant factor is not only in the study of the relationship between linguistic and cultural mutually conditioning features, it is also necessary to study the issue of ethnic and cultural factors affecting the state of Nigerian language and culture. The local formation of Nigerian ethnic groups is not permanent, therefore, during the analysis of the linguistic interaction characteristics of ethnic groups in Nigeria, it is necessary to take into account the peculiarities of the communicative environment and its sociolinguistic state, and it is important to see active communication links which are carried out in several languages or their variants.

As a result of communication in English which is a foreign language for all ethnic groups of Nigeria, the language continuum is formed in the key of creolisation process of the English language. Such hybrid process leads to the interference processes.

In the process of analysing linguistic and cultural processes in the context of Afro-European interaction, we came to the conclusion that, while being in Nigeria, Europeans are actively mastering African culture, as well as Africans are trying to study the specifics of the European behavioral, conceptual and evaluative view of the world. As a result of language contacts, interference processes take place through the infiltration of one cultural system elements into another re-

ardless of whether the transmitting culture is native or foreign. Within the framework of interference, there is an unconscious or conscious transfer of a cultural system knowledge based on the early experience basis to the currently used cultural system of experience [8].

The research of intercultural interference cannot be carried out without a linguistic context since the language of national speech is the most important means of transmitting cultural information. In our research work we deal with the analysis of cultural, linguistic, language and cultural interferences.

The processes of linguistic and cultural understanding observed in Nigeria lead, on the one hand, to the adaptation of certain elements of European culture, cognized by local Anglophones, and, on the other hand, contribute to changes in the English language which acts as an instrument of cultural development. As a result of these two processes, a special territorial variant of the English language is being formed in Nigeria, reflecting the specifics of the African understanding of both its own and European cultures [9, p. 128].

Nigerian English adaptation process

The language factor is extremely important in modern life of Nigeria and education especially. Education in a comprehensive school in Nigeria starts at the initial stage (students 6 - 11), and it is based on the study of the autochthonous languages. The study of English by Nigerian students starts with the third year of education. One of the three languages of interethnic communication is also used in the learning process: Hausa, Yoruba, Igbo. Higher education in Nigeria is based solely on the English language basis.

In the course of the analysis special attention is paid to such a type of differentiation as sociolinguistic one. Taking into account the heterogeneous structure of Nigerian society, the different level of education of Nigerians affects the level of English proficiency. We take into consideration the factor of linguistic variety based on such variants as basilect,

mesolect and acrolect. On the territory of Nigeria the basilect language variant is used by poorly educated people, sometimes this type is interpreted as a popular, mass language of poorly educated or uneducated Nigerians living in urban areas, or the rural proletariat. The mesolect language variant is typical for Nigerians who have secondary education basis, and this group includes the small urban and rural bourgeoisie, some representatives of the political and economic elite. The language variant acrolect is common among the educated elite of the Nigerian society and the educated bourgeoisie [12, p. 89].

The phonetic specificity of Nigerian English pronunciation is manifested in the vowel system (vocalism) and the consonant system (consonantism). To describe the unique phonetic structure of Nigerian English we present an analysis of the pronunciation norm of British English and Nigerian English. In the course of the research work it was found that Nigerian English has a number of unique phonetic features including: the reduction of the monophthongs and diphthongs number, change of diphthongs in the form, diphthongs' monophthongization:

The phonetic system of British English includes 12 monophthongs, the phonetic system of Nigerian English has 11 monophthongs: the monophthong of British English /æ/ is not presented in Nigerian English, and it is replaced by the sound /ʌ/ as the closest to natural phonetic base of local languages – Hausa, Yoruba and Igbo, for example: /kæt/ – /Kʌt/, /fæt/ – /FT/, /mæn/ – /Mʌn/ [1, p. 138].

Lack of monophthong /æ/ in indigenous languages leads to the disappearance of the diphthong /εə/ which goes into Nigerian English in monophthong /ɪə/, for example: /sʌmwεə/ – /sʌmwɪə/; diphthongs /au/, /aɪ/ turn in Nigerian English into /ʌ/ (/əraund/ – /ərʌnd/) [1, p. 139].

Changing vowels and consonants in shape is typical for Nigerian English. To the rank of unique features of Nigerian English phonetic system one should rank such truncations as syncope, for example, the

loss of the consonant sounds /t/, /d/, /k/ in the position of the penultimate syllable, the preceding vowel sound and following the morpheme -s, for example: /gudz/ – /gus/, /kæræktərɪstks/ – /karəktərɪstɪs/; loss of the consonant sound /k/ sound combinations to /kʃ/, /kt/: /ɪlekʃn/ – /ɪlɛfn/, /dtɛkt/ – /dtɛt/ [2, p. 118].

The most productive type of phonetic transformations accretion is adding the phonetic segments, for example, /t/, /ə/ in the position after a consonant sound, for example: /brɪtɪʃ/ – /bɪrɪtɪʃ/, /krɪ:m/ – /krɪm/ [2, p. 119].

The rank of the unique phonetic structure of Nigerian English includes such feature as an anagram, the most frequent is the transformational opposition /sk/ – /ks/, for example, /ma:sk/ – /ma:ks/, /a:sk/ – /a:ks/ [1, p. 140].

All identified phonetic transformations of Nigerian English are dictated by the phonetic base of Nigerians and forced indigenization to the phonetic structure of autochthonous languages. The transformational processes of the phonetic structure of the Nigerian English are explained by the influence of interference which manifests itself to a greater extent in such language variants as basilect and mesolect. In exceptional cases, the acrolect language variant undergoes phonetic creolization process as well, and it occurs in the process of forced adaptation and reduction to the basilect variant to be better understood by communicants.

Morphological creolisation of English language in Nigeria due to the influence of indigenous languages on the morphological structure of the language, results in a number of morphological transformations. The key of them are: the use of an abstract noun with a marker of the plurality which took place is in basilectal and mesolect variants and can be explained by the insufficient level of education, for example:

Luggage are at the owners' risk [10].

In British English, the lexeme Luggage is used only in the singular form and without the article. As it can be seen from the analyzed example, the Luggage unit in Nigerian

English has a marked sign of multiplicity -es. Moreover, the considered lexeme can be used with an indefinite article, for example:

I have only a luggage [7, p. 228]

The shift of the specific verb form in favour of simple forms and the choice of the infinitive instead of the gerund construction when using non-personal forms of the verb is also a unique feature, for example:

He was loving her so much, he would buy her everything she wants [14].

It should be noted that the grammatical structure of the Nigerian local languages which are Yoruba, Igbo and Hausa does have the specific forms of the verb of the active and passive voice to the Perfect and Perfect Continuous groups. Also, there is no such non-personal verb form as the gerund in the Nigerian autochthonous languages which dictates the morphological creolization process of the English language of Nigeria.

Using a reflexive pronoun in Nigerian English instead of a personal pronoun is another typical feature, for example:

My mother and myself went for my sister's graduation [11].

The type of morphological creolisation is typical for the linguistic variants of the basilect and mesolect.

The lexical creolisation process of the English language of Nigeria leads to significant semantic changes in the native English vocabulary. The result of this transformation is changing of the meaning to many lexical units of Nigerian English in the form of expansion and narrowing of the meaning. This type of lexical transformation as the expansion of meaning is the most productive, for example:

English – European:

English medicine is no longer effective for the treatment of malaria – European medicine is no longer effective for the treatment of malaria.

The adjective English in British English expresses its origin – made in England or typical to English. In Nigerian English the analyzed adjective acquires to the meaning as foreign or European [7, p. 240].

The use of the adjective English in the meaning of foreign is explained by the influence of historical and cultural features: in Nigeria during the colonial period it was customary to call all foreigners as English. Further, the adjective English characterized such a property as high quality. This meaning of the adjective is still used in the modern language, and it is typical for the language variant mesolect and is explained by the peculiarity of the local culture.

The kind of lexical transformation as narrowing of the meaning is a less productive phenomenon for Nigerian English, for example:

Academics – teachers, especially in higher education institutions.

These Academics are always going on strike! [15, p. 25].

It should be noted in British English the definition academicians is used exclusively to describe a member of the Academy. However, in Nigerian English the noun academicians or the phrase academic people has the following meaning: “educated people, especially university lecturers or teachers of colleges” [13, p. 26]. The reason for the change in the meaning of the analysed unit is the different situation in the education sphere in England and Nigeria: the level of education of the British often exceeds the degree of education of Nigerians. If for England members of the Academy are often representatives of national humanitarian, scientific, technical, educational and other public organizations and necessarily have the Doctorate degree, then for Nigeria, only in exceptional cases university teachers have a doctorate degree. Educated Nigerians represent a low percentage of the population (18% of all Nigerians). Moreover, only 20% of them have a scientific degree. The vast majority of Nigerians with a high level of education are university professors, diplomats and journalists who have high education, and it means that for Nigeria these are university teachers who are included in the rank of academicians.

The displacement of meaning is one of the many ways for enriching the lexical

composition which is included in the list of productive characteristic features typical for Nigerian English. This method of lexical transformation leads to a significant shift and change in the meaning of a particular unit, as a result of which the Nigerian English acquires lexical units typical exclusively for this variant.

For example, in British English, the token stranger has the meaning of a person and is used relative to a complete stranger. The meaning of the lexeme in Nigerian English undergoes a value shift, denoting guest or visitor [9, p. 128].

The shift in the meaning of the analysed noun stranger is associated with the peculiarities of Nigerian culture, namely, family ties in the family. In a Nigerian family even close acquaintances, family friends and relatives are not considered family members if they do not live in the same house under one roof, so people living outside the same house are called strangers or guests, for example:

Please, my wife does not allow strangers into her kitchen.

Look, John, as your younger brother, I don't consider myself as a stranger in your house [11].

The change in the lexical meaning of the lexical units of Nigerian English is carried out using metonymic and metaphorical transformations, for example, the noun food. In British English the analysed lexeme denotes any kind of food and drink. In Nigerian English the meaning of the lexeme undergoes metonymic transformation. It includes only the spectrum of the main food products of Nigerians which include rice, yams, beans, gari. This list does not include varieties of drinks, for example:

Which food would you like today?

Beans for today would be nice [15, p. 207].

The lexical meaning of the linguistic units of the Nigerian English is largely determined by the specific features of the local culture peculiarities. British English, functioning on the territory of Nigeria, is the subject to the phenomenon of creolisation, and the result

of it acquires a number of unique features typical exclusively for this territorial variant. The specificity of the change in the meaning of the lexical unit *food* in the meaning of key Nigerian food dishes is typical for the linguistic variants of the basilect and mesolect. The reason for this is the necessary adaptation process to the local languages and cultures, namely, to the specifics of the local gastronomic culture.

According to the research work, the lexical structure of Nigerian English is mostly susceptible to the creolisation process, resulted in the meaning change of the Nigerian English lexical units in comparison with British English. Undergoing language and cultural creolisation processes, Nigerian English acquires a number of unique features typical for the territorial variant, reflecting the specifics of the multidimensional nature of Nigerian cultures.

The syntactic structure of Nigerian English is least affected by interference processes. The rank of syntactic uniqueness of Nigerian English includes inversion process of the subject and predicate in a sentence, for example:

Helped him lucky chance [13, p. 13].

The analysed example illustrates the inversion of the subject *chance* which occupies the final position in the sentence. The sentence is of a narrative construction, and according to the rules of British English the initial position should be taken by the subject. In Nigerian English the analysed subject undergoes inversion process and occupies a finite position.

The reason for the inversion of the subject and predicate in Nigerian English is the lack of a fixed word order within the narrative and negative sentences of autochthonous languages (Igbo, Kanuri, Ibibio and others). Autochthonous languages are characterized by free or reverse type word order. The reverse order of words in Nigerian English is caused by the desire of Nigerians for compactness of information transmission and the need to emphasize the necessary information in the initial or final position of the

sentence. The inversion of the Nigerian English sentence is a characteristic feature in the basilect and mesolect variants.

Inappropriate response of the interlocutor to a general question containing a denial is typical for Nigerian English, for example:

Isn't he understanding she is lying!

No, he is [13, p. 12].

In the dialogue the initiating communicant expresses his opinion in a very emotional form (Isn't he understanding she is lying!), saying that it is impossible not to understand the fact that she (the heroine) is lying to him (her friend). The reacting communicant agrees with the friend's statement and responds using the negative marker *No*, followed by the form *he is*. This way in Nigerian English it means agreement with denial – he does not understand. In British English such reaction has the opposite meaning: *no*, he understands everything or he understands that she is lying to him. That is the reacting communicant does not share the opinion of the interlocutor initiating the conversation and expresses his disagreement on the issue under discussion.

Syntactic creolisation process of the English language in Nigeria is least affected by autochthonous languages compared to phonetic, morphological and lexical creolisation processes. As a result of interferences (which are more typical in the language variants basilect and mesolect) Nigerian English acquires a number of unique features.

Conclusions

The research work has shown that Nigerian English is a territorial variant that continues to be developed under the influence of interference processes from the local languages and cultures. Functioning on the territory of Nigeria, the English language undergoes creolization process and acquires a number of unique features that manifest at all language levels: phonetic, morphological, lexical and syntactic.

The highest degree of creolization is characteristic of the phonetic and lexical structure of the Nigerian English. Undergoing

creolization process the phonetic structure of the English language of Nigeria is forced to adapt to the already formed phonetic base, as a result of which a sound analogue is chosen in the Nigerian English as close as possible to the phonetic structure of autochthonous languages. Phonetic transformations of Nigerian English are characteristic of the basilect and mesolect language variants.

The lexical structure of Nigerian English combines features of European languages, the American variant of English, as well as features of autochthonous languages, including the interethnic languages Hausa, Yoruba, Igbo. The reasons for lexical creolization are related to the influence of autochthonous

languages and the peculiarities of local cultures. Lexical creolization occurs in basilect, mesolect and acrolect language variants, which is dictated by the desire of Nigerians to follow the norms of the local cultures.

The proposed critical approach to this range of issues makes it possible to identify the main features of Nigerian English, to open up new perspectives in the analysis of linguistic cultures, taking into account the variety of accompanying factors and scientific understanding of the observed trends in the conditions of linguistic and cultural adaptation.

Дата поступления в редакцию 18.07.2023

REFERENCES

1. Baghana J., Voloshina T. G. [Nigerian film industry and screenplay text: historical and linguo-socio-cultural symbiosis]. In: *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue], 2023, vol. 12, no. 1, pp. 132–150. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-132-150.
2. Voloshina T. G., Radovich M. A. [Language and cultural aspects in the process of contact interaction]. In: *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki i yazykoznaniya* [Issues in Journalism, Education, Linguistics], 2022, vol. 41, no. 1, pp. 114–124. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-1-114-124.
3. Vorobyov V. V. *Lingvokul'turologiya: Teoriya i metody* [Linguoculturology: Theory and methods]. Moscow, RUDN Publ., 1997. 331 p.
4. Klokov V. T. [Characteristics of modern contact between the French and English languages]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism], 2019, vol. 19, no. 1, pp. 4–6. DOI: 10.18500/1817-7115-2019-19-1-4-6.
5. Kosharnaya S. A. [Linguoculturology: tasks and prospects]. In: *Istochniki gumanitarnogo poiska: novoye v traditsionnom. Lingvistika. Istoriya* [Sources of humanitarian search: new in the traditional. Linguistics. History]. Belgorod, Belgorod State University Publ., 2002, pp. 46–49.
6. Proshina Z. G. *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya: angliyskiy yazyk i kul'tura narodov Vostochnoy Azii* [Intercultural communication: English language and culture of the peoples of East Asia]. Moscow, Yurayt, 2023. 399 p.
7. Alola M. I., Alola U. V. Gender stereotypes in Nigerian films as a portrayal of the African womanhood: A feminist perspective. In: *Journal of Labor and Society*, 2020, vol. 23, iss. 2, pp. 221–243. DOI: 10.1111/wusa.12465.
8. Doghudje R. Balancing gender stereotypes in Nollywood: a consideration of Genevieve Nnaji's Lionheart. In: *EJOTMAS: Ekpoma Journal of Theatre and Media Arts*, 2020, vol. 7, no. 1-2, pp. 83–97. DOI: 10.4314/ejotmas.v7i1-2.6.
9. Emwinromwankhoe O. Portrayal of Women in Contemporary Nollywood Films: Isoken and King of Boys in Focus. In: *CINEJ Cinema Journal*, 2021, vol. 9, no. 1, pp. 117–145. DOI: 10.5195/cinej.2021.299.
10. Ezepe E. M. The New Nollywood: Professionalization or Gentrification of Cultural Industry. In: *SAGE Open*, 2020, vol. 10, iss. 3. Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/2158244020940994> (accessed: 20.10.2023). DOI: 10.1177/2158244020940994.
11. Ogbe S. J., Ayodele B. J., Onyeka E. D., William Ya. Film as a purveyor of Nigeria's image and socio-cultural development of selected Nollywood movies. In: *IGWEBUIKE: An African Journal of Arts and Humanities*, 2020, vol. 6, no. 6, pp. 119–139.
12. Musa B. A., ed. *Nollywood in Global Perspective*. Cham, Switzerland, Palgrave Macmillan, 2020. 264 p.
13. Chowdhury M., Landes T., Santini M., Tejada L., Visconti G. *Nollywood: The Nigerian Film Industry*. Cambridge, Harvard Business School, 2010. 35 p.

14. Baghana J., Prokhorova O. N., Voloshina T. G., Raiushkina M. Y., Glebova Y. A. Some Aspects of African Study in the Era of Globalization (Algunos aspectos del estudio del idioma africano en la era de la globalización). In: *Revista ESPACIOS*, 2018, vol. 39, no. 38, pp. 26–32. Available at: <https://www.revistaespacios.com/a18v39n38/18393826.html> (accessed: 16.10.2023).
15. Kachru B., Kachru Y., Nelson C., eds. *The Handbook of World Englishes*. Oxford, Blackwell Publishing Ltd, 2006. 811 p.

ЛИТЕРАТУРА

1. Багана Ж., Волошина Т. Г. Нигерийская киноиндустрия и киносценарный текст: исторический и лингвосоциокультурный симбиоз // *Научный диалог*. 2023. Т. 12. № 1. С. 132–150. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-132-150.
2. Волошина Т. Г., Радович М. А. Лингвокультурологические аспекты в ходе контактного взаимодействия // *Вопросы журналистики, педагогики и языкознания*. 2022. Т. 41. № 1. С. 114–124. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-1-114-124.
3. Воробьев В. В. *Лингвокультурология: Теория и методы*. М.: Изд-во РУДН, 1997. 331 с.
4. Клоков В. Т. Особенности современного франко-английского языкового контакта // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика*. 2019. Т. 19. № 1. С. 4–6. DOI: 10.18500/1817-7115-2019-19-1-4-6.
5. Кошарная С. А. *Лингвокультурология: задачи и перспективы* // *Источники гуманитарного поиска: новое в традиционном. Лингвистика. История: сборник статей / под ред. В. К. Харченко*. Белгород: Белгородский государственный университет, 2002. С. 46–49.
6. Прошина З. Г. *Межкультурная коммуникация: английский язык и культура народов Восточной Азии*. М.: Юрайт, 2023. 399 с.
7. Alola M. I., Alola U. V. Gender stereotypes in Nigerian films as a portrayal of the African womanhood: A feminist perspective // *Journal of Labor and Society*. 2020. Vol 23. Iss. 2. P. 221–243. DOI: 10.1111/wusa.12465.
8. Doghudje R. Balancing gender stereotypes in Nollywood: a consideration of Genevieve Nnaji's *Lionheart* // *EJOTMAS: Ekpoma Journal of Theatre and Media Arts*. 2020. Vol. 7. No. 1-2. P. 83–97. DOI: 10.4314/ejotmas.v7i1-2.6.
9. Emwinromwankhoe O. Portrayal of Women in Contemporary Nollywood Films: Isoken and King of Boys in Focus // *CINEJ Cinema Journal*. 2021. Vol. 9. No. 1. P. 117–145. DOI: 10.5195/cinej.2021.299.
10. Ezepue E. M. The New Nollywood: Professionalization or Gentrification of Cultural Industry // *SAGE Open*. 2020. Vol. 10. Iss. 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/2158244020940994> (дата обращения: 20.10.2023). DOI: 10.1177/2158244020940994.
11. Film as a purveyor of Nigeria's image and socio-cultural development of selected Nollywood movies / Ogbе S. J., Ayodele B. J., Onyeka E. D., William Ya. // *IGWEBUIKE: An African Journal of Arts and Humanities*. 2020. Vol. 6. No. 6. P. 119–139.
12. *Nollywood in Glocal Perspective* / ed. by Musa B. A. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2020. 264 p.
13. *Nollywood: The Nigerian Film Industry* / Chowdhury M., Landesz T., Santini M., Tejada L., Visconti G. Cambridge: Harvard Business School, 2010. 35 p.
14. Some Aspects of African Study in the Era of Globalization (Algunos aspectos del estudio del idioma africano en la era de la globalización) / Baghana J., Prokhorova O. N., Voloshina T. G., Raiushkina M. Y., Glebova Y. A. // *Revista ESPACIOS*. 2018. Vol. 39. No. 38. P. 26–32 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.revistaespacios.com/a18v39n38/18393826.html> (дата обращения: 16.10.2023).
15. *The Handbook of World Englishes* / ed. by Kachru B., Kachru Y., Nelson C. Oxford: Blackwell Publishing Ltd, 2006. 811 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatiana G. Voloshina – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Prof., Department of English as the second foreign language, Belgorod State National Research University;
e-mail: tatianavoloshina@rambler.ru

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Волошина Татьяна Геннадьевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры второго иностранного языка Белгородского государственного национального исследовательского университета;
e-mail: tatianavoloshina@rambler.ru

FOR CITATION

Voloshina T. G. Nigerian English: language and cultural adaptation process. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2024, no. 1, pp. 15–24.

DOI: 10.18384/2949-5075-2024-1-15-24

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Волошина Т. Г. Нигерийский вариант английского языка: лингвокультурологическая адаптация // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 1. С. 15–24.

DOI: 10.18384/2949-5075-2024-1-15-24

УДК 81-23

DOI: 10.18384/2949-5075-2024-1-25-32

СТЕНДАП КАК НАРРАТИВ ЛИЧНОГО ОПЫТА

Гальцов П. И., Мигдаль И. Ю.

Государственный университет просвещения

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Раскрытие нарративов личного опыта как эффективного приёма воздействия в рамках стендап-дискурса.

Процедура и методы. Ключевым исследовательским методом стал контент-анализ, позволивший выделить наиболее частотные паттерны личностных нарративов в выступлениях англоязычных комиков. Классификация моделей проведена на основе типологии аксиогенных ситуаций, предложенной В. И. Карасиком.

Результаты. Доказан высокий уровень мультимодальности стендап-дискурса, апеллирующего к семантическим, прагматическим и синтаксическим принципам построения шуток, что обосновывает актуальность дальнейших исследований характера манипулятивного воздействия стендап-комиков.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в раскрытии особенностей применения нарративов личностного опыта как эффективного приёма манипулятивного воздействия на зрительскую аудиторию.

Ключевые слова: аксиогенные нарративы личностного характера, стендап-дискурс

STAND-UP AS A NARRATIVE OF PERSONAL EXPERIENCE

P. Gal'tsov, I. Migdal

Federal State University of Education

ulitsa Vera Voloshinoi 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To reveal personal experience narratives as an effective technique of influence in stand-up discourse.

Methodology. The key research method was content analysis, which allowed us to identify the most frequent patterns of personal narratives in the performances of English-speaking comedians. The classification of the patterns was based on the typology of axiogenic situations proposed by V.I. Karasik.

Results. The high level of multimodality of stand-up discourse appealing to semantic, pragmatic and syntactic principles of joke construction has been proved, which substantiates the relevance of further research into the nature of the manipulative impact of stand-up comedians.

Research implications. The paper reveals the peculiarities of using narratives of personal experience as an effective technique of manipulative influence on the audience.

Keywords: axiogenic personal narratives, stand-up discourse

Введение

Учитывая широкое распространение стендап-комедии и возникшей вокруг неё индустрии, живущей по своим законам, целесообразно описывать этот жанр в терминах дискурсивного анализа. Мы предлагаем рассматривать стендап-дискурс как один из жанров комического дискурса. Стендап-дискурс обладает дуальной природой и может относиться как к персональному типу дискурса, так и к институциональному, причём чёткой границы тут не существует. Описывая стендап-дискурс, необходимо учитывать, что, формируя свой уникальный сценический образ посредством внешнего вида (стиля одежды, причёски и т. д.), манеры общения с аудиторией, вербальных (образность и эмоциональная окрашенность высказываний, использование интертекстуальных возможностей, тембр, темп и ритм высказывания и т. д.) и невербальных (кинетики и проксемики) средств общения с аудиторией, каждый успешный стендап-комик в той или иной степени принадлежит какому бы то ни было клубу или продюсерскому агентству, которые призваны отвечать за написание и корректировку текстов, создание его имиджа, обучение сценическому мастерству и основам публичного выступления.

Кроме того, дискурс стендап-комедии можно частично отнести к ритуальному типу дискурса. Ритуальные типы дискурса реализуются в специфической «сверхценной» ситуации общения, которая крайне значима для людей. Эта ситуация связана со стереотипным, символически наполненным общением, которое направлено на «закрепление идентичности индивидуума как члена социума» [1, с. 7]. Стереотипные паттерны в стендап-комедии были неоднократно замечены в используемых типажах (например, образ чернокожего комика из криминального района, священника) или в тематике шуток, соответствующей образу (например, шутки про азиатский колорит, если ко-

мик сам принадлежит к азиатскому этносу). Эмоциональная оценка ритуального дискурса может быть как положительной (например, бурные аплодисменты), так и отрицательной (например, слабая реакция на несмешные шутки). Хотя стендап имеет ряд вышеперечисленных черт ритуального дискурса, нельзя полностью отнести этот вид комедии к ритуальному типу. На подобных мероприятиях присутствуют сегменты импровизационного характера, нетипичные для ритуала, например, интерактив ведущего или комика с залом, неожиданные прерывания выступлений выкриками от зрителей, пытающихся привлечь к себе внимание, так называемых хеклеров, и т. д.

Очевидно, что стендап является искусственно созданной площадкой, где создаётся иллюзия межличностного общения, своеобразным полем для общения комика и зрителей. Однако, независимо от того, принадлежит ли комик к клубу или является независимым актёром, его успех зависит исключительно от него самого и его способности своей историей, харизмой, умелым владением речевыми и риторическими приёмами, умением использовать адекватные лингвистические средства привлечь и удержать внимание зрителей. В центре внимания данной статьи находится наиболее эффективный приём воздействия на зрительскую аудиторию в рамках стендап-выступления – нарратив личного опыта.

Сущность приёма нарратива личного опыта

Нарратив личного опыта, а точнее аксиогенные (ценностно-порождающие) личные нарративы – это повествования о значимых событиях, запомнившихся автору и влияющих на формирование его как личности. Приём нарратива личного опыта успешно применяется стендап-комиками для привлечения аудитории и удержания её внимания. Конечно же, мы не можем гарантировать правдивости

выступающего, но признаём, что данный инструмент риторического воздействия базируется на знании комиком особенностей своей целевой аудитории, её культурного бэкграунда, стереотипов поведения представителей группы, на основе которых создаётся собственный образ рассказчиком.

В определении понятия «аксиогенный личный нарратив» мы придерживаемся дефиниции, предложенной В. И. Карасиком, который объясняет аксиогенные ситуации как «ценностно маркированные положения дел, фиксируемые в коммуникативной практике и языковом сознании в виде особых речевых жанров, которые представляют собой развернутые и краткие нарративы, посвященные комическим событиям» [3, с. 52]. Эти нарративы являются историями про простых людей, в которых повествование идёт о стереотипных, запоминающихся, странных, трагических или занятных происшествиях. Мы оцениваем события, которые могут происходить с каждым из нас, и тогда ими делятся с узким кругом друзей, знакомых и близких. Однако на сцене клуба круг слушателей существенно расширяется, что позволяет увеличить спектр эмоционального воздействия. При этом цель рассказа истории стендап-комиком состоит не только в том, чтобы заинтересовать, удивить и насмешить достаточно широкую аудиторию, но и показать своё отношение к событию.

Подобные нарративы помогают сближению комика со зрительской аудиторией, т. к. чаще всего общность темы для обсуждения в определённый промежуток времени рассматривается как социально значимый индикатор. Такие повествования нельзя считать малозначительными для слушателей, т. к. прослеживается тенденция отождествления таких рассказов с повествованием опытных людей, имеющих авторитет в том или ином обществе, своеобразных лидеров мнения. Подобные нарративы дают возможность участникам коммуникации

в рамках стендап-дискурса представить возможное развитие событий с опорой на свой личный опыт и/или фантазию, что соответствует духу эпохи постмодернизма. Именно благодаря этому стало возможным развитие и популяризация стендап-дискурса как независимого жанра в рамках юмористического дискурса.

Типология сюжетов личных нарративов

В основе каждого из таких выступлений-нарративов находятся общие паттерны или сюжеты. Рассмотрим основные типы сюжетов комических аксиогенных нарративов в стендап-дискурсе с опорой на классификацию В. И. Карасика [2; 3], которые позволяют комику завоевать доверие зала, вовлечь слушателей в коммуникацию, затрагивая животрепещущие для общества темы с опорой якобы на личный опыт актёра, его восприятие событий, что выражается разными лингвистическими средствами.

Сюжеты первого типа представляют собой ситуации, в которых фигурирует совмещение искажённой и обиходной реальности.

The president's supposed to think of something, then talk with the Senate and Congress, pass a bill, and then do it. Trump don't give a fuck. Trump sent off 50 missiles to Syria while he was in his bathroom with an Xbox One controller¹.

Данный паттерн строится вокруг факта ударов по Сирии по приказу президента США Д. Трампа, что и связывает нарратив с актуальными на момент выступления событиями. Д. Трамп воспринимается как импульсивный человек, который принимает решения под влиянием сиюминутных эмоций, плохо их обдумывая. Тактика ведения войны в Сирии усиливает это ощущение у зрителя.

¹ Katt Williams: Great America (2018) – Transcript [Электронный ресурс] // Scraps from the Loft: [сайт]. URL: <https://scrapsfromtheloft.com/comedy/katt-williams-great-america-transcript/> (дата обращения: 20.11.2021).

Искажённая или гипертрофированная ситуация выражается во фразе *sent off 50 missiles to Syria*, и обиходная же её часть выражена *was in his bathroom with an Xbox One controller*. Оба этих компонента работают на контрасте, что и придаёт комичность ситуации.

Второй тип сюжета позволяет совмещать разные модели интерпретации, построенной на противопоставлении реального положения вещей и представления о том, как ситуация должна была бы развиваться в идеальных условиях, например:

*Have you ever swiped right on a group photo ... not knowing which one of them it is, just, "Yeah, any of them. Yeah, whatever. I'll date anyone who can afford that ski trip." [laughs] There's a Labrador in there. "I'll take the dog, whatever. He's got a healthy coat"*¹.

В анализируемом примере идёт речь о типичном приложении для знакомств, в котором люди для подтверждения своей симпатии (*swipe right*), для выражения антипатии или отсутствия интереса к человеку (*swipe left*) на фото выполняют определённые движения пальцами.

Как правило, в подобных приложениях показываются одиночные фотографии человека. Ситуация, когда в профиле представлено групповое фото, создаёт очевидные затруднения для понимания, кто из людей на нём является хозяином профиля. Кроме того, комичности ситуации добавляет наличие на изображении собаки породы лабрадор (*Labrador*), на которую в результате и обращают внимание. Данный выбор представляется вполне естественным, т. к. согласно исследованиям представителей рекламного бизнеса, наибольшую популярность получают фотографии, на которых изображены домашние животные, особенно кошки и/или собаки, которые при-

влекают внимание и набирают большее количество лайков. Таким образом автор пытается продемонстрировать своё отношение к подобному способу заводить романтические отношения с людьми, а также общую абсурдность идеи интернет-знакомств.

В основе третьего типа нарратива заложено описание реального события с использованием интертекстуальных связей, т. е. отсылки к общим для аудитории и комика событиям, происходящим в политике, культуре, произведениям кинематографа, театральной жизни и т. д. В представленном примере – связь реальности с миром кинематографа:

*This is my birth face, man. I'm 41 Jump Street. So... [audience laughs] With this face, came great responsibility*².

В данном примере фраза *With this face, came great responsibility* является проявлением внутренней интертекстуальности. Включение не маркировано, однако присутствует явная отсылка на известную фразу из фильма «Человек-паук» *"With great power, comes great responsibility"*. И по реакции слушателей видно, что она им понятна. Однако экспрессивность не является единственной функцией включения данной отсылки. Интертекст используется для демонстрации аудитории, что автор монолога принадлежит к той же культуре, что и слушатели. Комик завоёвывает внимание аудитории, показывая знание фразы из фильма, считающегося базовым не только для американской, но и глобальной культуры. Черты героя противопоставляются в контексте чертам обычного человека. Как видно из отрывка монолога, комик беспокоит перспектива старения, а не спасение человечества.

Четвёртый тип сюжета отражает ограниченность, узорность и стереотипность

¹ Phil Wang: Philly Philly Wang Wang (2021) – Transcript [Электронный ресурс] // Scraps from the Loft: [сайт]. URL: <https://scrapsfromtheloft.com/comedy/phil-wang-philly-philly-wang-wang-transcript/> (дата обращения: 20.02.2023).

² Tom Segura: Disgraceful (2018) – Transcript [Электронный ресурс] // Scraps from the Loft: [сайт]. URL: <https://scrapsfromtheloft.com/comedy/tom-segura-disgraceful-2018-full-transcript/> (дата обращения: 25.02.2023).

мышления, которые граничат с патологией, что наглядно представлено в примере ниже:

I never take any special precautions against germs. I don't shy away from people that sneeze and cough, I don't wipe off the telephone, I don't cover the toilet seat, and if I drop food on the floor, I pick it up and eat it! Yes I do. Even if I'm at a sidewalk café! In Calcutta! The poor section! On New Year's morning during a soccer riot¹.

Тема микробов и гигиены всегда была довольно чувствительной для представителей англоязычной культуры, а особенно острым этот вопрос стал после пандемии 2019 года. Считается, что надо принимать все возможные меры для борьбы с вирусами, микробами посредством соблюдения элементарных правил гигиены, избегания нахождения в людных и антисанитарных местах. Объектом шутки в данном примере является сам комик. Он гиперболизирует ситуацию, выражая своё отношение к санитарно-эпидемиологическим нормам и требованиям нашего времени, которыми он лично пренебрегает и ничего не боится, что выражается его личным рассказом о том, что он поднимет и съест упавшую на пол еду, что он готов принимать пищу в придорожном кафе в самом бедном районе Калькутты во время празднования Нового года, совпавшего с ликованием футбольных фанатов. Комический эффект достигается, когда зрители видят комика Джорджа Карлинга, которому 63 года. Представители данной возрастной группы, как известно, входят в группу риска по заражению вирусом ковида и вероятности развития осложнений. Выражение лица комика, когда он произносит эти слова, позволяет считать его брезгливое отношение в перечисленному ряду условий: *at a sidewalk café – in Calcut-*

ta – the poor section – on New Year's morning during a soccer riot. Однако, даже несмотря на его пренебрежительное отношение к вышеперечисленному, санитарные нормы представляются ему даже более ненавистными, чем встреча с футбольными фанатами в придорожном кафе в Калькутте.

Приведённые примеры личных аксиогенных нарративов в стендап-комедии формируются по определённым канонам юмора, в основе которых лежат несоответствия между интенциями и результатом, ожиданием и реальностью, содержанием и формой выражения.

Наиболее распространённой считается семиотическая модель шуток, в рамках которой выделяются различные принципы их построения: семантические, прагматические и синтаксические принципы [3, с. 67]

В шутках, построенных по семантическому принципу, наблюдается несоответствие объекта шутки объекту в реальности:

Gangbangs, like, I love gangbangs, but I'm just looking for like a respectful gangbang. Like, why not just a nice... Be nice to her. A respectful gangbang, that would just be a girl tied up, and guys doing lots of things to her down here, and then up here guys just brushing her hair and telling her she's strong. Respectful².

В привычном понимании слово *gangbangs* не предполагает употребления в сочетании со словом *respectful*, что усиливает степень экспрессивности.

Однако, в основе ряда шуток, распространённых в текстах стендап-дискурса заложены синтаксические принципы организации, что подразумевает несоответствие традиционным правилам синтаксиса жанрово-стилистической организации речи и реальных обстоятельств.

¹ George Carlin: You Are All Diseased (1999) – Transcript [Электронный ресурс] // Scrap from the Loft: [сайт]. URL: <https://scrapfromtheloft.com/comedy/george-carlin-you-are-all-diseased-transcript/> (дата обращения: 28.02.2023).

² Nikki Glaser: Bangin' (2019) – Transcript [Электронный ресурс] // Scrap from the Loft: [сайт]. URL: <https://scrapfromtheloft.com/comedy/nikki-glaser-bangin-transcript/> (дата обращения: 15.09.2022).

Многие из таких шуток также содержать в себе элементы интертекста. Например:

But there must have been a Death Star canteen, a cafeteria downstairs, in between battles, where Darth Vader could just chill. ... Yes, but I am Vader. Lord Vader. "Everyone challenges me to a fight to the death. "Darth Vader, I'm Darth Vader, Sir Lord Vader, Sir Lord Darth Vader, "Lord Darth Sir Lord Vader of Cheam, "Sir Lord Baron von Vaderham. "The Death Star, I run the Death Star." "What's the Death Star?" "This is the Death Star!" "I run this star." "This is a star?" "This is a fucking star, I run it! I'm your boss!" "You're Mr Stevens?" "Who is Mr Stevens?" "He's Head of Catering." "I am not Head of Catering!" "I am Vader, I can kill Catering with a thought!" "What?" "I can kill you all, I can kill me, just... "I'll get a tray, fuck it!

В трилогии «Звёздные Войны» Дарт Вейдер представлен как наводящий ужас, немногословный тёмный лорд ситхов. Речь персонажа характеризуется грамматической правильностью и сдержанностью, которая выражается использованием простых повествовательных (утвердительных) предложений, общих вопросов, отсутствием экспрессивной лексики и уточняющих конструкций. В целом она носит констатирующий характер. В данной шутке комик пытается перенести на себя черты персонажа, но его речь организована с использованием диаметрально противоположных синтаксических средств: восклицательных предложений, риторических вопросов и пр. Также мы видим уточняющие конструкции, содержащие обценную лексику (*I'll get a tray, fuck it; This is a fucking star*), что указывает на излишнюю эмоциональность. Частое упоминание своего имени Vader и использование повторения вопросов с параллельными конструкциями в ответах (*What's the Death Star? – This*

is the Death Star!; This is a star? – This is a fucking star) демонстрирует неуверенность персонажа. Кроме того, мы встречаемся со случаями намеренного нарушения порядка слов в вопросительных предложениях: *You're Mr Stevens?* и *This is a star?* Это делается целенаправленно для создания образа персонажа. Несмотря на острое желание походить на культового персонажа саги, нарочитая разговорность речи, даже её просторечный характер, выдаёт в нём человека низкого социального происхождения, получившего недостаточное образование. Данный приём также используется для сближения с аудиторией.

Ко всему прочему сюжет шутки разворачивается в столовой космического корабля «Звезда Смерти». Принимая во внимание содержание фильма, теоретически столовая могла быть в такой массивной конструкции, но сюжет фильма не конкретизирует этого. Однако нахождение Дарта Вейдера в столовой и сам факт его ссоры в этом месте не предполагаются сюжетом фильма, а данная шутка низводит фигуру до чего-то обыденного. Мы наблюдаем, как его речь переходит от надменной и высокопарной (*I am Vader. Lord Vader*) до разговорной (*I'll get a tray, fuck it*), что демонстрирует его смирение и покорность обстоятельствам.

В стендап-комедии чаще всего комический эффект достигается путём использования языковой неоднозначности, а именно каламбура и языковой игры. В литературном энциклопедическом словаре каламбур трактуется как «шутка, основанная на смысловом объединении в одном контексте либо разных значений одного слова, либо разных слов (словосочетаний), тождественных или сходных по звучанию»². Например:

*You shouldn't be mean. Fat girls have got feelings. Mainly, they're hungry!*³

¹ Eddie Izzard: Circle (2002) – Full Transcript [Электронный ресурс] // Scraps from the Loft: [сайт]. URL: <https://scrapsfromtheloft.com/comedy/eddie-izzard-circle-2002-full-transcript/> (дата обращения: 10.09.2023).

² См.: Каламбур // Литературный энциклопедический словарь. URL: <http://niv.ru/doc/encyclopedia/literature/index.htm> (дата обращения: 08.05.2023).

³ Jimmy Carr – Laughing and Joking (2013) – Tran-

Слово *feelings* в контексте *You shouldn't be mean* имеет отношение к эмоциям, в то время как слово *hungry* говорит о чувстве голода, что относится не к чувствам в их традиционном понимании, а к потребностям.

Говоря о приёме языковой игры, процитируем В. З. Санникова, который определяет приём языковой игры как сознательное манипулирование языком, построенное на необычности использования языковых средств, которые становятся составляющими языковой игры [4]. В связи с тем, что стендап-комедия создаёт и передаёт юмор по аудиальным каналам, языковую игру можно проследить и в намеренном использовании омофонии. Например:

*All I'm talking about here is # Blasphemy # And bless for you # Bless for everybody in the room*¹.

Первоначально понятно, что *blasphemy* в значении «богохульство» выглядит логичным, учитывая, что этой шутке предшествовал текст о религии и вере. Однако *blasphemy* и *bless for you* в

данном сегменте являются проявлением языковой игры и работают по принципу фонетической симметрии. *Blasphemy* в речи комика звучит как *bless for me*, и вся шутка звучит как «bless + объект благословления». Значения *blasphemy* и его омофонического варианта *bless for me* контрастируют.

Заключение

Приведённые примеры использования личных аксиогенных нарративов в стендап-дискурсе с целью создания доверительной атмосферы в ходе выступления комика не исчерпывают все возможные паттерны, но отражают наиболее частотные. Общностью описанных сюжетов можно считать достижение комического эффекта и вовлечения аудитории в процесс выступления на основе акцентуации противоречий линий интерпретации событий, которые строятся либо на основе реального, бытового положения дел, либо дают возможность применить фантазию слушателей, т. е. позволить гипотетическую или стереотипную трактовку событий, учитывая личный опыт, общность культурного и образовательного бэкграунда, социального происхождения аудитории. Это представляется неотъемлемой частью построения стендап-дискурса как мультимодального явления.

Дата поступления в редакцию 15.09.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Извекова М. Г. Прагмалингвистические характеристики ритуального дискурса: дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 204 с.
2. Карасик В. И. Оценочная асимметричность частичного качества // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 2. С. 62–70. DOI: 10.18384/2310-712X-2023-2-62-70.
3. Карасик В. И. Языковая пластика общения: монография. М.: Гнозис, 2021. 536 с.
4. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки русской культуры, 1999. 544 с.

REFERENCES

1. Izvekova M. G. *Pragmalingvisticheckiye kharakteristiki ritual'nogo diskursa: diss. ... kand. filol. nauk* [Pragmalinguistic characteristics of ritual discourse: PhD thesis in Philological Sciences]. Volgograd, 2006. 204 p.

2. Karasik V. I. [Evaluative assymetry of a partial quality]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2023, no. 2, pp. 62–70. DOI: 10.18384/2310-712X-2023-2-62-70.
3. Karasik V. I. *Yazykovaya plastika obshcheniya* [Language plasticity of communication]. Moscow, Gnozis Publ., 2021. 536 p.
4. Sannikov V. Z. *Russkiy yazyk v zerkale yazykovoy igry* [Russian language in the mirror of the language game]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1999. 544 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гальцов Петр Ильич – ассистент кафедры дошкольного образования Государственного университета просвещения;

e-mail: newseygo@gmail.com

Мигдаль Ирина Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики Государственного университета просвещения;

e-mail: irinamigdal@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Pyotr I. Gal'tsov – Assistant Lecturer, Department of Preschool Education, Federal State University of Education;

e-mail: newseygo@gmail.com;

Irina Yu. Migdal – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Translation Studies and Cognitive Linguistics, Federal State University of Education;

e-mail: irinamigdal@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Гальцов П. И., Мигдаль И. Ю. Стендап как нарратив личного опыта // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 1. С. 25–32.

DOI: 10.18384/2949-5075-2024-1-25-32

FOR CITATION

Gal'tsov P. I., Migdal I. Yu. Stand-up as a narrative of personal experience. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2024, no. 1, pp. 25–32.

DOI: 10.18384/2949-5075-2024-1-25-32

УДК 81'33

DOI: 10.18384/2949-5075-2024-1-33-51

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ ЭВФЕМИЗАЦИЯ НЕЙРОПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В ТЕРМИНОЛОГИИ ТРАДИЦИОННОЙ КИТАЙСКОЙ МЕДИЦИНЫ

Карабулатова И. С.^{1,2,3}, Ко Ч.¹, Сунь Ц.², Иванова-Якушко М. М.⁴

¹ Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Российская Федерация

² Хэйлунцзянский университет
150080, г. Харбин, район Наньган, ул. Сюэфулу, д. 74, Китайская Народная Республика

³ Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

⁴ Академия профессиональной переподготовки и инновационных технологий
142603, Московской обл., г. Орехово-Зуево, ул. Стаханова, д. 28, Российская Федерация

Аннотация

Цель статьи – проанализировать возможности вербализации знаков психофизиологической коммуникации в традиционной китайской медицине (ТКМ) с опорой на этнолингвокультурный китайский ценностный код, который переводит знаки «поведения» тела в специфическую коммуникацию организма с человеком.

Процедура и методы. Невербальные и паравербальные средства коммуникации организма с человеком рассмотрены в интерпретативной практике ТКМ как в нейропсихофизиологическом диалоге тела человека с его сознанием. Методология опирается на психолингвистическое осмысление нейровегетативных процессов в традиционной культуре народной медицины Китая и постулатов переводоведения.

Результаты показали, что язык тела трактуется в ТКМ как взаимосвязанная сложная система невербальных и паравербальных маркеров, которые передают информацию о чувствах и эмоциях как через невербальные каналы, включающие жесты, положение тела, выражения лица, так и другие паралингвистические приёмы. Эта система маркеров носит в ТКМ метафорический характер эвфемизмов, что обусловлено сакрализацией и табуированностью тем, связанных с жизнедеятельностью человеческого организма.

Теоретическая значимость исследования связана с новым подходом к постулатам и терминологии ТКМ с позиций коммуникативистики и нейропсихолингвистики, что позволяет по-новому посмотреть на «язык» ТКМ.

Ключевые слова: традиционная китайская медицина (ТКМ), терминология традиционной китайской медицины, язык тела, эвфемизмы, вербализация проблем тела

METAPHORICAL EUPHEMIZATION OF NEUROPSYCHOPHYSIOLOGICAL COMMUNICATION IN THE TERMINOLOGY OF TRADITIONAL CHINESE MEDICINE

I. Karabulatova^{1,2,3}, Ch. Kuo¹, Q. Sun², M. Ivanova-Yakushko⁴

¹ Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
ulitsa Miklukho-Maklaya 6, Moscow 117198, Russian Federation

² Heilongjiang University

74 Xuefulu Street, Harbin 150080, Nangang District, People's Republic of China

³ Lomonosov Moscow State University

Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation

⁴ Academy of Professional Retraining and Innovative Technologies

ulitsa Stakhanova 28, Orekhovo-Zuyevo 142603, Moscow region, Russian Federation

Abstract

Aim. To analyze the possibilities of verbalization of psychophysiological communication signs in traditional Chinese medicine (TCM) based on the ethnic-linguistic-cultural Chinese value code, which translates the signs of the body "behavior" into a specific body communication with a person.

Methodology. Nonverbal and paraverbal means of body communication with a person are considered in the interpretive practice of TCM as a neuro-psychophysiological dialogue of the human body with its consciousness. The methodology is based on the psycholinguistic understanding of neurovegetative processes in the traditional culture of Chinese folk medicine and the principles of translation studies.

Results. The study showed that body language is interpreted in TCM as an interconnected complex system of nonverbal and paraverbal markers that transmit information about feelings and emotions both through nonverbal channels, including gestures, body position, facial expressions, and other paralinguistic techniques. This system of markers has a metaphorical character of euphemisms in TCM, which is due to the sacralization and taboo of the topics related to the vital activity of a human body.

Research implications. The theoretical significance of the study is associated with a new approach to the postulates and terminology of TCM from the standpoint of communication studies and neuropsycholinguistics, which provides a new look at the "language" of TCM.

Keywords: traditional Chinese medicine (TCM), terminology of traditional Chinese medicine, body language, euphemisms, verbalization of problems

Введение

Тексты традиционной китайской медицины (ТКМ) отражают стиль осмысления мира, при этом метафорические переносы, активно представленные в языке ТКМ, возникли на основе развития конкретных значений, что говорит об эволюции языкового образного мышления [9]. Несмотря на то, что в последние годы традиционная китайская медицина привлекает всё большее внимание во всём мире, особенно в таких дружественных Китаю странах, как Россия, некоторые

важные достижения ТКМ становятся объектом мифологизации из-за избыточной метафоризации и эвфемизации, что приводит к поиску места самого феномена ТКМ среди научных дисциплин [1; 2]. По мнению М. В. Тарасовой, феномен метафоризации зачастую трактуется вульгарно, как простой перенос одного значения на другое, хотя мы имеем дело с семантической транспозицией [10]. Вместе с тем, как указывает Л. А. Шкаптова, процесс терминологизации обладает собственным характером эволю-

ции: 1) «нулевая» степень, при которой используется слово из обывденной речи, значение которого приобретает значение термина лишь в определённом контексте; 2) «первая степень», для которой характерно использование слова в качестве «обиходного» термина; 3) «вторая степень», характеризующаяся «народной» интерпретацией термина; 4) «третья степень», под которой понимается чистый термин с опустошённой семантикой [12]. Большинство понятий ТКМ относится ко второй и третьей степени терминологизации.

Для русскоязычного реципиента понимание текстов ТКМ представляет высокую степень сложности, поскольку существует необходимость дополнительного толкования терминологической лексики ТКМ, которая метафорически описывает психофизиологические процессы в норме и патологии, наблюдающиеся в организме. Например, такие термины, как *пустота – наполненность*, *Инь – Ян*, из философских категорий в терминологии ТКМ приобретают абсолютно конкретное содержание, что не может не вызывать диссоциативное восприятие со стороны носителя другой лингвокультуры, отличной от китайской.

В связи с этим актуальность исследования заключается в рассмотрении опыта вербализации проблем человека через «язык тела» в терминологии ТКМ, что позволит гармонизировать мироощущение человека как во внешнем, так и внутреннем мире. Вместе с тем также возникает проблема перевода эвфемистических терминов ТКМ, которые тесно связаны с восточной философией [8]. Как указывают исследователи, отсутствие переводного словаря-справочника по терминологии китайской иглотерапии отрицательно влияет на осуществление профессиональной деятельности, приводя к вульгаризации методологии традиционной китайской медицины в ином цивилизационном окружении [18; 22].

Исследователи подчёркивают, что отсутствие международного стандарта и наличие разночтений в переводах терминологии традиционной китайской медицины представляют собой определённый лингвофилософский и переводческий вызов для специалистов. Эта ситуация характерна не только для русско-китайского переводоведения, но и для англо-китайского переводоведения [18; 22], что демонстрирует глобальный характер данной проблемы, актуализируя поиск адекватного перевода терминологии ТКМ по смыслу с пониманием значения самого предметного поля ТКМ в соотношении с пониманием европейской медицинской терминологии и составлением эквивалентных терминологических синонимов.

Интерпретации устойчивых психофизиологических сигналов позволили специалистам ТКМ выработать специфический, метафорически богатый словарь, с помощью которого удаётся расшифровать информацию, которую транслирует организм во внешнюю среду. Не случайно исследователи психофизиологии речи подчёркивают, что любое информационное сообщение опирается на конечное декодирование в координатах «опасно – безопасно», выделяя особую научную дисциплину – лингвистическую психофизиологию живого организма [11], которая имплицитно диагностирует различные коммуникативные системы организма [16; 20]. Подтверждением реальности этого разнообразного коммуникационного взаимодействия служит многотысячелетняя история успешного использования её в ТКМ, которая трактуется как «восточное чудо» или «китайское чудо» [13; 17].

Сама необходимость «чтения» знаков соматической коммуникации позволяет раскрыть важную информацию, которую даёт нам язык тела в интерпретации ТКМ, поэтому этот опыт вербализации проблем человека через «язык тела» в терминологии ТКМ сохраняется такое длительное время не только в Ки-

тае и странах Юго-Восточной Азии, но и в странах других континентов [17; 19]. Всё это подчёркивает значимость данной темы через призму прикладной лингвистики и переводоведения. Однако если мы посмотрим, как переводятся метафорические термины ТКМ, то обнаружим неоднозначную ситуацию, которая требует более взвешенного подхода к переводу текстов ТКМ и препаратов ТКМ, которые приобрели особую популярность в последнее время (табл. 1).

Как указано нами в табл. 1, существует сложность в переводе терминологии ТКМ из-за обилия сложных понятий, которые зачастую опускаются переводчиком вследствие сложности понимания китайской культуры, либо переводятся буквально, создавая нагромождение культурем, относящихся к другой цивилизационной парадигме, что может

создавать конфликт смыслов в разных культурах, типа: *ветрогонный обезболивающий крем*.

Само обозначение *ветрогонный обезболивающий крем* противоречит системе русского языка, в которой определение *ветрогонный* имеет значение «*снижение газообразования в желудочно-кишечном тракте*». Однако в случае с китайской интерпретацией «*ветрогонности*» мы имеем дело с более широким толкованием, поскольку понятие *ветра* в китайской языковой картине мира соотносится с резкой сменой состояний и возникающим вследствие этого дисбалансом: перепадом температур, подъёмом / спадом давления. Поэтому под понятием *ветрогонный обезболивающий крем* подразумевается *охлаждающий крем с эффектом обезболивания*, и в этом случае смысл будет понятен носителю китайского языка.

Таблица 1 / Table 1

**Соотнесение терминов ТКМ и их перевода со значением в русской культуре /
Correlation of TCM terms and their translation with meaning in Russian culture**

№	Термин ТКМ	Перевод	Значение
1	祛风止痛膏	Ветрогонный обезболивающий крем ¹ .	Мазь/крем с охлаждающим эффектом обезболивания.
2	砭	Иглокальвание острым камнем.	Иглокальвание с надавливанием предметом большей массы ² .
3	阳证	Симптомы, вызванные избытком энергии ян.	Жар, температура, воспаление.
4	阴证 –	Симптомы, вызванные избытком инь.	Отёчность, ожирение, одышка, сердечно-лёгочная недостаточность.
5	空虚	Пустота.	Недостаток энергии, упадок сил.
6	益气血	Восполнение ци и крови.	Восстановительно-реабилитационный комплекс мероприятий.
7	阳虚之体宜温补	Конституция с недостаточностью Ян.	Астения, ипохондрия, замедленный метаболизм
8	阴虚之体	Конституция с недостаточностью Инь.	Ускоренный метаболизм, холерический темперамент, повышенная возбудимость нервной системы, синдром дефицита внимания и гиперактивности.

Источник: составлено авторами.

¹ Перевод из инструкции крема (не авторов статьи – К. Ч. и др.).

² Не всегда камень (примеч. авторов статьи – К. Ч. и др.).

Смена времён года (осень, весна) также трактуется как *сезон ветра*, в связи с чем носители китайского языка советуют применять лекарства для успокоения ветра. Например, такая рекомендация на русском языке была разослана осенью 2023 г. в чате Хэйлунцзянского университета для предупреждения простудных заболеваний иностранным студентам, изучающим китайский язык, что говорит об устойчивости этого понятия в китайской лингвокультуре (см. рис. 1). При этом преподаватель китайского языка указывает, что осень является сезоном власти энергии ветра, поэтому при кашле как проявлении энергии ветра необходимо принимать ветрогонные препараты. В этом случае под ветрогонными препаратами понимаются лекарства от кашля, так называемые отхаркивающие препараты. В терминологии ТКМ ветер является патогенной энергией, которая воздействует не только на физическое состояние организма, но и на его психику, поэтому задача специалиста ТКМ вернуть энергию ветра в позитив, потому что расцвет весны также начинается с энергии ветра, как и возрождение человека начинается с энергии ветра.

Несмотря на длительную историю практики ТКМ, насчитывающую более 6 тысячелетий, в Китае языковая система ТКМ стала активно разрабатываться с 2002 г. и рассматривается как полномасштабная целостная терминологическая система, обладающая свыше 120 000 концепций, 300 000 терминологических понятий и порядка 1,27 млн семантических реляционных ссылок на языке оригинала в рамках исследований Института информации традиционной китайской медицины [15].

Многие из этих понятий кажутся непривычными на взгляд европейского человека, воспринимаясь вне контекста китайской культуры как нечто экзотическое, фантастическое, эзотерическое, но это не совсем так. Наряду с упоминанием вирусов, возбудителей болезней

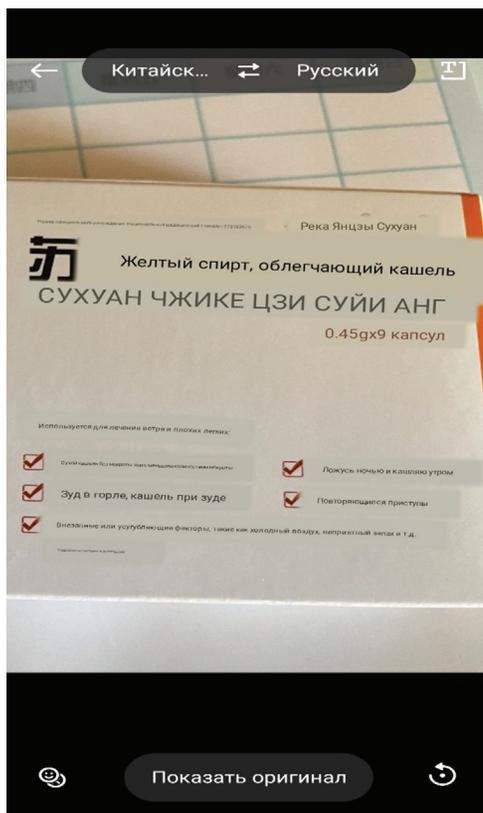


Рис. 1 / Fig. 1. Фитопрепарат Сухуан Чжике Цзи Суйи Анг для лечения заболеваний ветра и плохих лёгких (скриншот из внутреннего чата иностранных студентов Хэйлунцзянского университета) / Herbal medicine Suhuang Zhike Ji Suyi Ang for the treatment of wind diseases and bad lungs (screenshot from the internal chat of foreign students of Heilongjiang University)

Источник: данные авторов.

в современном документе вполне могут встретиться и указания на злых духов, под которыми понимается несбалансированность психосоматического состояния, эмоциональная нестабильность и уязвимость (рис. 2).

Если мы посмотрим на инструкцию к фитопрепарату Сухуан Чжике Цзи Суйи Анг, то увидим в тексте помимо стандартных фраз о лечении заболеваний горла, бронхов и лёгких указание, что данный препарат изгоняет «злых духов» (рис. 2). Не случайно в обычной инструкции этого лекарственного средства даётся крат-

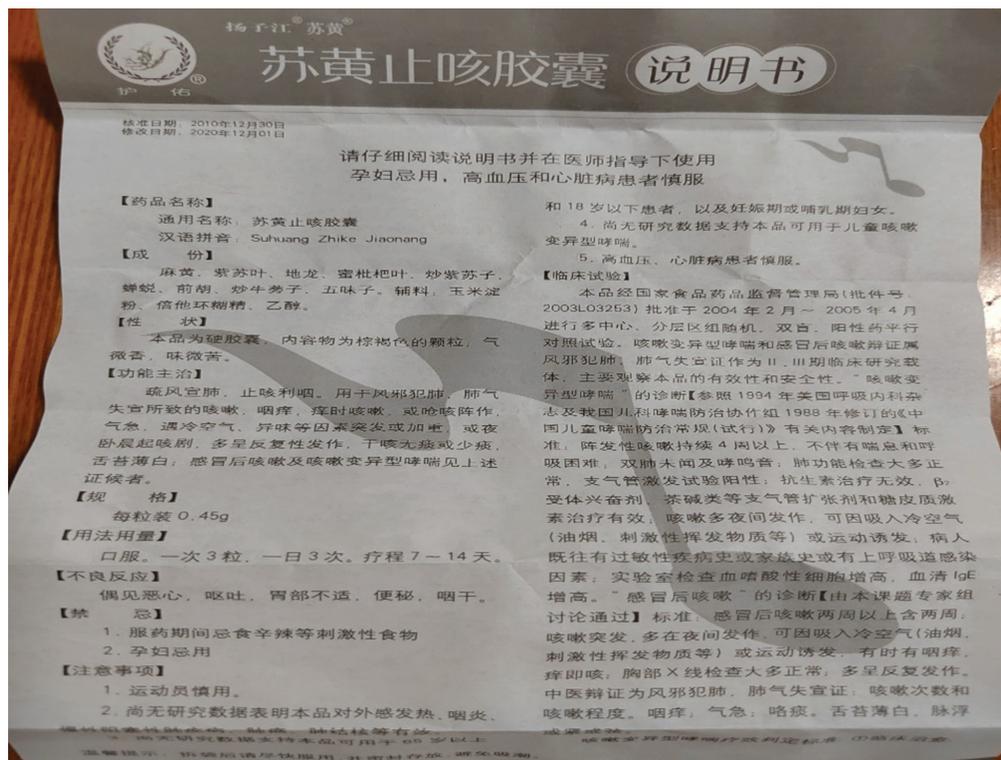


Рис. 2 / Fig. 2. Инструкция к ветрогонному препарату *Сухуан Чжике Цзи Суйи Анг* / Instructions for the carminative drug *Suhuang Zhike Ji Suyi Ang*

Источник: по данным авторов

кая информация об истории и культуре лечения ТКМ, принципах траволечения в соответствии с философией и концептами, принятыми в ТКМ.

На сегодняшний день собран огромный датасет на китайском языке, однако многие данные обладают низким качеством вследствие историко-культурологических причин, отсутствия понимания причинно-следственных связей, недостаточного уровня компетенций и просто человеческого фактора, что не позволяет создать чёткий классификатор с определением границ того или иного термина ТКМ даже на китайском языке по признанию исследователей в области анализа естественного языка, машинного обучения и нейросети [15; 17; 19].

Всё это создаёт объективные препятствия как для эффективного использо-

вания ТКМ на практике, так и для выработки рекомендательных систем по диагностике и использованию ТКМ и на китайском, и на других иностранных языках в переводе.

Значимость ТКМ не подвергается сомнению, однако отсутствие лингвистического описания языка ТКМ в переводных версиях способствует излишней мифологизации и упрощению постулатов ТКМ в различных странах общества как в самом Китае, так и за его пределами, что может неоднозначно отразиться на восприятии геополитонимического имиджа Китая в международном аспекте.

Исходя из этого, задача выявления данной лакуны в русской переводческой практике видится одной из важных для устранения ошибочных трактовок при переводе, что будет способствовать по-

ниманию этнолингвокультурных особенностей китайского менталитета в иноязычной среде.

Несмотря на рост исследований особенностей китайского миропонимания в западном научном поле [13], исследования языковых особенностей ТКМ и её эвфемистических характеристик в трактовке проблем тела крайне скудно представлены в научном осмыслении в связи с многогранностью проблемы и необходимостью разноплановых компетенций в различных научных дисциплинах.

Материалы и методы

Отечественные и зарубежные исследователи указывают на философскую, мифологизированную, фольклорную традиции трактовок ТКМ в китайской лингвокультуре [8; 13; 17; 20], что создаёт поливариативное интерпретативное пространство ТКМ как этнолингвокультурного феномена в цивилизационном контексте.

С позиции нейрокогнитивного картирования [15; 17] ТКМ может выступать как паралингвопсихофизиологическая модель коммуникации вегетативной системы, базирующаяся на теории регуляции и так называемых доминантных критериях клинических признаков, которые отсылают к четырём психофизиологическим моделям регуляции организма. В результате возникает методологический диспут: имеет ли место быть коммуникация между разумом и телом? Между мозгом и телом? Между человеком и окружающей средой? Возможно ли обозначить, выразить и измерить природу и характер этой коммуникации? Не случайно в теории *Инь-Ян* ведущее место отведено *Логосу*, не просто определяющему понятия в мировоззренческой картине мира, но и способствующему материализации, выходу из непроявленного состояния в проявляемое в ходе интроспекции [20], что говорит о необходимости создания онтологий не только на китайском, но и на русском языке.

Онтология понимается нами как метод цифровой гуманитаристики, используемый для выстраивания архитектуры терминологических понятий в системе знаний ТКМ, который демонстрирует значительные преимущества при сравнении с традиционными методами структуризации (например, таксономии – *примеч. авторов статьи*): чёткая логическая основа; поддержка дедукции в семантическом поиске; способность к расширению, простота использования [13].

Анализ метафоризации терминов ТКМ помогает понять специфику семантических сетей, базирующихся на этих онтологиях, что даёт более полное представление об архитектуре знаний, представленных в ТКМ.

Само метафорическое терминопобразование выступает как результат когнитивной операции, с помощью которой происходит совмещение параметров матрицы на другой объект [3]. При этом чем выше уровень владения языком, тем плодотворнее и активнее протекает процесс метафоризации для образования новых смыслов.

Эти модели включают признаки психолингвистического осмысления нейровегетативных процессов в традиционной культуре народной медицины, которые могут быть охарактеризованы как «*Наполненность*» или «*Пустота*» [8; 13; 14] через характеристики гуморально-вегетативного генеза, передаваемые через понятия «*Жар*» и «*Холод*», через признаки нейроиммунологических конфликтов в психосоматике, определяемые как «*внешние*» или «*внутренние*» поражения [20], и экстралингвистические маркеры структурного дефицита, вступающие в дихотомию с первичным регуляторным дефицитом, в контексте диалога «*Инь – Ян*» [16].

С этих позиций диагностика ТКМ выступает как способ установления коммуникативной подстройки к информационным каналам, оповещающим лингвопсихофизиологические характеристики о вегетативных функциях ор-

ганизма. Кроме того, для описания проблем тела в ТКМ используются метафоры и эвфемизмы, характерные для описания «деликатных» проблем¹ [12]. Например, обозначение менструации в китайском языке передаётся через эвфемизм со значением «приезд старшей тётки», или через эвфемизм «красный дракон», или «сезонные воды». Однако в текстах ТКМ мы встретим иной эвфемизм, обусловленный влиянием теории «Инь-Ян», – «слепящий свет Луны», под которым понимается регуляторное влияние Луны на функционирование женского организма [23]. Не менее интересно обозначены интимные отношения в ТКМ, так для обозначения сексуальных отношений в текстах ТКМ используются такие эвфемизмы, как «домашние дела», «квартирный вопрос», «жареный рис» [23].

Вместе с тем и базовые термины ТКМ неоднозначно трактуются в зависимости от общих энциклопедических знаний и образованности, что создаёт путаницу в терминологическом аппарате. Так, по свидетельству китайских исследователей, такое основополагающее понятие для ТКМ, как 火针 «игла, нагретая для прижигания», имеет более восьми вариантов перевода, в том числе не только фактологического, но и метафорического (типа: *огненная игла, обожжённая игла, раскалённая игла, раскалённая докрасна игла, нагретая игла, накалённая игла, прокалывание огнём, прижигание иглой, прокалывание нагретой иглой* и т. д.) [21].

К сожалению, единые семантические спецификации и стандарты в литературе по ТКМ не разработаны из-за проблем семантической неоднозначности в сферах омонимии и синонимии. Семантический анализ терминологии в ТКМ используется для понимания классификационных параметров обмена информацией на уровне языка тела и выявления про-

блем неоднозначной интерпретируемости семантических терминологических выражений в традиционной китайской медицине, с учётом лингвофилософских воззрений, связанных с ТКМ.

Наш подход к отбору материала был сосредоточен на трёх основных категориях: 1) метафорическая вербализация мировоззренческих базовых понятий, отражённых в народной картине мира, относительно причин болезни, разного рода дисбаланса организма; 2) эвфемизация терминологических понятий ТКМ как отражение причинно-следственных связей в традиционном китайском мировоззрении; 3) метафорическое представление способов коррекции в ТКМ как вербализация сакрального диалога с разнообразными альтернативными коммуникативными системами тела.

Подробный перечень тем был собран на основе использования таких платформ, как РИНЦ, PubMed, Google, Google Scholar и Semantic Scholar, с описанием конкретных терминов ТКМ, которые содержатся в разнообразной литературе по ТКМ, в том числе в исторической и классической.

Поисковые запросы включали следующие ключевые слова: *энергетические каналы, энергия ци, суеверия, миф, огонь очищения, лечение огнём, лечение едой, полнолуние, традиционная китайская медицина, ТКМ, фитотерапия, траволечение, иглорефлексотерапия, уход за больными, лечение по меридианам, синхронизация периодов, пульсодиагностика* и т. д. Это позволило выделить 301 документ с представленными ключевыми словами в репертуарном списке. Однако 6 из них были удалены из-за отсутствия содержательно значимой информации в статье. Таким образом, анализу были подвергнуты 295 опубликованных источников.

Результаты

Поскольку язык тела определяется как некая сложная система, посредством которой информация о чувствах и эмоциях

¹ См. также: Иванян Е. П., Кудлинская-Степень Х., Никитина И. Н. Многоязычный словарь эвфемизмов туалетной темы / под общ. ред. Е. П. Иванян. М.: Флинта, 2013. 164 с.

передаётся через *невербальные каналы*, включающие жесты, положение тела, выражения лица и другие паралингвистические приёмы [5], определение смысла идёт на основе собственного увиденного опыта, а не по словам в соответствии с китайской поговоркой: «Если глаза говорят одно, а слова – другое, то мудрый поверит первому».

Сложность интерпретации текстов ТКМ обусловлена традиционной китайской культурой. С одной стороны, фундамент теории ТКМ был заложен такими понятиями древнекитайской философии, как теория «Инь – Ян», теория пяти элементов и сущности ци, что определило базовый материал с пониманием регуляторного функционирования организма человека в его единстве с внешней средой (включая природную среду и социальную среду).

Терминологический аппарат ТКМ связан со многими естественнонаучными дисциплинами (астрономия, метеорология, география, биология, фенология, математика и т. д.), а также с понятиями социальных и гуманитарных наук. В связи с этим сначала мы провели условные

границы областей, относящихся к ТКМ, с обозначением взаимоотношений с другими дисциплинами. Далее составили репертуар понятий категорий Инь-Ян, пяти элементов и ци, и т. д. Очевидно, что это комплексная задача, которая требует компетенций в разных областях знания.

Так, смысл сообщений кинесического языка в ТКМ заключается в передаче информации об опасности/комфорте для жизни человека через такие соматические коммуникативные сигналы, как *боль, спазм, зуд, отёчность, вздутие, онемение, усталость, напряжённость, утомлённость, одышка, парез, паралич, тик, спастичность* в бинарных оппозициях, которые не всегда понятны в межкультурной коммуникации. При этом данные симптомы могут описываться метафорически с позиции избытка энергии Инь, что обусловлено поликодовостью образного компонента в медицинской терминологии ТКМ [7].

Антонимическая соотнесённость концептов пространства энергий *Инь* и *Ян* в ТКМ как части китайского мировоззрения показана нами в табл. 3, разработанной на основе анализа текста «Трак-

Таблица 3 / Table 3

Иерархическая соотнесённость дихотомических концептов в теории Инь и Ян / Hierarchical correlation of dichotomous concepts in the theory of Yin and Yang

	Термины, характеризующие Инь 陰 yīn	Термины, характеризующие Ян 陽 yáng
Мировоззренческий, космологический уровень		
1	Тёмное, непознаваемое, невидимое начало	Светлое, познаваемое, проявленное начало
2	Тьма	Свет
3	Ночь	День
4	Луна	Солнце
5	Земля	Небо
Природный, физиологический уровень		
1	Холод	Жар
2	Вода	Огонь
3	Мягкость	Твёрдость
4	Влажность	Сухость

Окончание табл. 3

	Термины, характеризующие Инь 陰 yīn	Термины, характеризующие Ян 陽 yáng
5	Внутреннее	Внешнее
6	Покой, неподвижность	Движение
7	Женщина	Мужчина
Темпоральный уровень		
1	Медленно	Быстро
2	Северо-Восток	Юго-Запад
3	Пассивный	Активный
4	Торможение	Возбуждение
5	Плавный	Резкий

Источник: составлено авторами

тат Жёлтого императора о внутреннем», приписываемого легендарному императору Хуанди [23].

Если представить вербальные маркеры дихотомии *Инь* и *Ян*, то можно обнаружить чёткую взаимосвязь между вербализацией психофизиологических процессов и китайским мировосприятием, которое метафорически связывает дуальные понятия (табл. 3).

В связи с этим ТКМ представляется нам как учение о протокоммуникации, в которой даётся объяснение скрытых коммуникативных сигналов мира человеку. Сама концепция дихотомии «*Инь – Ян*» отталкивается от наблюдений за сменой светлого и тёмного времени суток, обрастая мифологическими сюжетами, которые демонизируют ночное время, приписывая его женской сущности только из-за того, что большинство внутренних физиологических процессов в женском организме не видно, а это вызывает закономерное чувство страха перед неизведанным.

Терминологическая система ТКМ кардинальным образом отличается от европейских медицинских терминосистем вследствие того, что обе используют разные способы мышления и базируются на расходящихся принципах познания действительности в целом. Например, в ТКМ информационными маркерами для

языка тела выступают понятия *смена сезонов, боль, время суток, зуд, мышечная напряжённость, онемение, перенасыщение эмоциями, утомление, цвет кожных покровов, характеристика движений*, которые характеризуются метафорическими характеристиками.

Так, эвфемистические определения понятия «зуд» в ТКМ составляют определённую семантическую шкалу эмотивного восприятия зуда, при этом само понятие является табуированным в китайской культуре, поэтому понятие зуд передаётся опосредованно, через градацию аналогий (см. рис. 3).

Принципы позитивизма и эмпиризма, лежащие в основе западных методов медицинской терминологии, отличаются от принципов терминообразования в ТКМ, поскольку последняя базируется на холизме с опорой на идею «гармонии между человеком и природой». В связи с этим проблемы со здоровьем в ТКМ отличаются от семантического типа «этиология, патогенез и заболевание» в европейской терминосистеме, поскольку с точки зрения ТКМ эти термины бессмысленны и не учитывают динамические модели поведения материальных элементов, составляющих внутренний мир человека, которые материальный мир выражает вовне, то есть так называемый образ / 象.

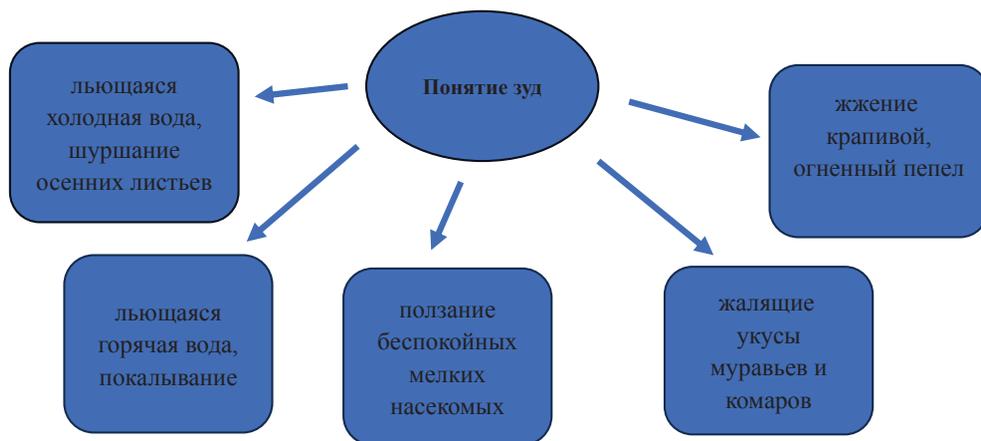


Рис. 3 / Fig. 3. Метафорические эвфемизмы понятия зуд в ТКМ / Metaphorical euphemisms for the concept of itching in TCM

Источник: составлено авторами

Таким образом, метафорическая эвфемизация нацелена на поиск уникальных аналогий и целостное мышление, благодаря чему проводится лечение в соответствии с дифференциацией синдрома по классификациям ТКМ, которые имеют ярко выраженный лингвокультурологический аспект.

Сложность терминообразования в ТКМ заключается в том, что само тело табуировано в культуре, поэтому органы, части тела, проблемы тела могут быть обозначены только лишь с помощью неких описательных конструкций с использованием метафор и эвфемизмов. При этом для именовании частей тела, органов и систем используются такие определения, которые указывают на значимость описываемого органа в функционировании организма. Например: *сердце – император; репродуктивная система – Центральный Жёлтый дворец императора; головной мозг – Верхний Хрустальный дворец императора; печень – Зелёный император, главнокомандующий армией или генерал, отвечающий за стратегию*, и т. д.

Полагаем, что рассмотрение эвфемистических номинативов частей тела, ор-

ганов и систем в ТКМ является отдельной исследовательской задачей.

Вместе с тем не только обозначение строения организма подвергается эвфемизации в текстах ТКМ, но и различные симптомы, состояния, принципы и способы лечения (например, «*массаж огнём*»). Так, понятие *спастика* в текстах ТКМ передаётся с помощью таких метафорических эвфемизмов, как *дисбаланс и недостаток энергии ци, застывшая сила, замёрзшая сила, одеревенение* и т. п.

Понятие *боль* является ключевым для определения здоровья в любой культуре. В ТКМ понятие *боль* имеет свою лингвокультурную специфику: боль есть признак живого организма. В связи с этим китайские врачи считают, что если человек перестал чувствовать боль, тогда ему уже ничто не поможет. Вместе с тем чувство боли является одним из самых распространённых дискомфортных ощущений, которые испытывают люди. Исходя из этого, важно понять, как толкуется понятие боль в китайской иероглифике: «*疼*»/ «*боль (снаружи)*» – слово, обозначающее болезнь с преобладанием холода, т. е. с внутренним ощущением / переживанием состояния зимы.

Китайская иероглифическая система метафорически передаёт в иероглифе заложенный глубокий смысл, ориентированный не только на запоминание конкретного понятия, но и на поддержание китайского мировоззрения. В этом иероглифе зима связана с суровым временем года, когда жизненные процессы в природе замирают, становятся малоразличительны между жизнью и смертью из-за холода, поэтому используется разговорное название ключа 产, обозначающего болезнь, которая представляет собой чрезмерный холод. В «Трактате Жёлтого императора о внутреннем» /黄帝内经 – 上海 сказано, что «寒胜热, 则骨疼肉枯 / Если холод побеждает тепло, то кости болят, а плоть вянет» [23, 页115]. Это ощущение можно описать идиомой «холодный ветер пронизывает до костей». Как можно увидеть, описание состояния организма сакрализовано, поэтому оно иллюстрируется дипломатично завуалированно, метафорически. Данное понятие отражает вербализацию ощущения физического дискомфорта, вызванного чрезмерным холодом. Это значит, что обычно большинство состояний, вызывающих боли в костях зимой, в первую очередь, обморожения, переохлаждения, воспаления, обусловлены холодом. При этом наблюдения за движениями человека, который был подвержен длительному воздействию холода, также обнаруживают свою специфику: скованные, одеревеневшие, негнущиеся, застывшие и т. п. Отсюда аналоговый перенос с чувства холода на боль.

Не случайно Т. С. Глущенко указывает, что характеристика невербального поведения в китайской культуре является одной из самых древних и разнообразных в своих трактовках [5].

Известно, что визуальный осмотр остаётся одним из важнейших диагностических методов в ТКМ, поскольку так называемый «wang»/осмотр выступает как невербальный способ получения информации о заболевании путём наблю-

дения за пациентом. Впервые об этом методологическом приёме повествуется в «史记» (Ши цзи / Исторические записки) в рассказе о Бянь Цяо, первом зафиксированном в истории выдающемся китайском враче-учёном, который жил в V в. до н. э. Бянь Цяо сделал заключение о болезни, наблюдая за языком тела придворного вельможи Ци Хуаньхоу. Ци Хуаньхоу считал, что Бянь Цяо обманывает его, поэтому не стал следовать рекомендациям врача и в итоге умер. Для большинства простых людей казалось сверхъестественным, что врач может узнать о болезни человека, просто взглянув на него. Однако, действительно, по визуальному наблюдению за языком тела можно диагностировать определённые проблемы в организме.

К примеру, при анализе на уровне языка лица в традиционной китайской медицине наиболее часто встречается «唇色青紫 / Тёмно-пурпурные губы (синюха)». Китайская диагностика по выражению и цвету лица человека указывает, что тёмно-пурпурные губы являются проявлением холода, боли и застоя крови, а также могут наблюдаться у пациентов с застоем ци и застоем крови [23].

Психофизиологический колоронимный маркер коммуникации подразделяет цвет губ на тёмно-пурпурные, тёмно-синие, тёмно-чёрные и другие цвета, которые информируют не только о состоянии организма, но и доминировании того или иного способа коммуникации в виде приоритета определённого вида энергий. Так, тёмно-пурпурные чаще всего вызваны слабостью крови и холодом, что соответствует астеническому вербальному поведению. Тёмно-пурпурные губы – это в основном застой крови, который обычно наблюдается при сердечно-лёгочной недостаточности, диспноэ, гипоксии, врождённых пороках сердца, различных формах астмы и т. д. Они также может наблюдаться при «желудочном гриппе». Кроме того, губы приобретают фиолетовый оттенок в холодную или промозглую

погоду. Вместе с тем такие физические состояния обуславливают и специфичность вербального поведения, выраженного прерывистостью речи, тихим тоном голоса, отсутствием энергии и акцентуации на смысловых центрах в высказываниях, сжатостью предложений вследствие экономии сил [18]. Колоронимная характеристика губ описывает не только состояние организма, но и особенности речевого поведения, что интуитивно часто использовалось в художественном дискурсе [16], что обусловлено ассоциативным характером связывания физического состояния, психологического переживания и их вербального выражения [14; 22].

Вместе с тем в русском разговорном молодёжном сленге есть фразеологизм «мне фиолетово», который обозначает индифферентное, нарочито равнодушное отношение к тому или иному событию, факту, человеку. При этом ещё И. В. Гёте указывал в 1810 г. в своём исследовании «К теории цвета» (“Zur Farbenlehre”), что «фиолетовый цвет не столько оживляет, сколько вызывает беспокойство и навевает тоску ... он имеет нечто живое, лишённое радости» [4, с. 121].

Существует множество проблем, которые можно диагностировать с помощью других особенностей невербального языка в ТКМ. Колоронимные характеристики лица также являются диагностическим методом наблюдения за изменениями цвета кожи лица для понимания проблем того или иного заболевания. Так, если лицо кажется белым, это означает, что в нём отсутствует цвет крови. Белизна лица обычно встречается при дефиците крови, холоде или кровопотере. Лицо бледное и желтоватое чаще всего связано с дефицитом крови и ци. Бледное лицо от белого до зелёного оттенка может наблюдаться при признаках сильной боли, при холоде или у пациента с большой кровопотерей. Известны такие выражения, как *побелеть от боли*, *побелеть от ненависти*, *побледнеть от испуга*.

Ненормальный желтоватый цвет лица, т. е. желтоватый цвет лица по сравнению с нормальным, является признаком дефицита селезёнки и сырости. Желтоватый цвет обычно наблюдается при синдромах недостаточности жизненной энергии, или энергии ци, и сырости. Желтоватый цвет, увядший и безжизненный, известный как «атрофический жёлтый», говорит о дефиците ци селезёнки и желудка, о недостатке ци в крови. Когда лицо, глаза и кожа имеют жёлтый цвет, это невербальный сигнал о такой серьёзной болезни, как гепатит, который также известен, как желтуха. Вместе с тем известны и такие вербальные дескрипторы, как *пожелтеть от горя*, *пожелтеть от злости*.

Отдельное внимание уделяется анализу цвета языка, глазных склер, а также анализу колористических характеристик физиологических выделений тела (слюны, мокроты, мочи и т. п.). При этом колоронимные характеристики выступают не только маркером каких-то патологических процессов, но и обозначают специфику вербально-невербального поведения. Например, на основе этого специалист ТКМ может описать полностью нейропсихолингвофизиологический профиль пациента, начиная от особенностей пищевого поведения и заканчивая описанием вербальных реакций на стресс и т. п. Следует отметить, что ТКМ придерживается принципов параллелизма, поэтому при гневe мы можем обнаружить в рекомендациях не использовать фрукты и овощи красного цвета, которые могут повышать скорость психофизиологических реакций, усиливая гнев, страсть и т. п.

Таким образом, в традиционной китайской медицине колоронимика является важным компонентом кинесического языка, трактовка которого активно используется в диагностике патологических состояний организма.

Кинесические маркеры относятся к наиболее распространённым диагности-

ческим признакам патологических состояний в языке тела. В практике ТКМ особое внимание уделяется онемению, тремору рук, ног, головокружению, о чём выделено отдельно в постулатах ТКМ: «双手麻木、震颤，头晕目眩 / *shuāngshǒu mǎmù, zhèncàn, tóuyǎnmù xiàn* / Онемевшие руки, дрожь, головокружение» [23]. Однако эти кинесические маркеры соматической коммуникации имеют более глубокое понимание и толкование в китайской культуре, трактуясь как дефицит энергии *инь* в печени и почках, заставляя нас обращаться к философии понимания бинарности мира с позиций мужского и женского начал, как энергий *инь* и *ян* [16].

Вместе с тем понимание полноты энергии *инь* сродни пониманию полноводной реки, плодородной земли, чья сила глубинна, действуя стабилизирующе на объект, который может быть выражен как природным объектом, животным, так и человеком.

Такое метафорически перекрёстное обозначение психофизиологических процессов в организме подводит к пониманию цикличности болезненных и здоровых состояний в теле, проводя параллели между макрокосмосом и микрокосмосом, что позволяет говорить о маркерах психосоматической коммуникации как специфической антропофонии, в которой человеческое тело выступает как текст.

Например, болезненное психофизиологическое состояние, передаваемое такими устойчивыми выражениями, как: *дрожать от страха, дрожать как заяц, дрожать как осиновый лист, дрожать как лисий хвост, дрожать как щенок*, – в традиционной китайской медицине истолковывается как преобладание энергии *ветра*.

По мнению специалистов ТКМ, онемение и тремор рук, головокружение вызваны энергией *ветра* в теле, а причиной доминирования *ветра* в организме является другой важный фактор: дефицит энергии *инь* в печени и почках. Проводя параллель с внешним миром, нетрудно

понять, что дефицит энергии *инь* в печени и почках означает, что организм испытывает недостаток воды, как земля испытывает недостаток влаги сухим летом или холодной зимой. Организм рассматривается подобно оазису в природе, который без воды со временем превращается в пустыню, где постепенно перестают обнаруживаться признаки жизни. Психосоматическая метафора базируется на понимании того, что отсутствие деревьев неизбежно приводит к мрачному вою ветра в степи и к губельному наступлению песков, что равнозначно приближению смерти. Точно так же из-за недостатка воды в нашем теле поднимется ветер, а значит, появление онемения, тремора рук и головокружения метафорически сигнализируют о недостатке «питания» тела энергией. В свою очередь, на вербальном уровне недостаток энергии *ци* в целом проявляется тихим, ослабленным голосом. Примечательно, что европейская медицина отмечает вербальные дескрипторы при патологических состояниях, указывая, что при головокружениях у человека зачастую речь становится бессвязной, неразборчивой, тихой [6; 7; 18].

Маркеры нейропсихофизиологической коммуникации, зафиксированные в описании состояний человека в ТКМ, можно отнести к кинесическому языку, характеризующего тело как поликодовый текст.

Заключение

Традиционная китайская медицина ориентируется на холистические концепции и диалектическое мышление, проводя комплексную оценку на основе кинесического языка, отражающего взаимодействие функций организма человека, являя собой феномен нейропсихофизиологической коммуникации, которую можно обозначить как протокоммуникацию.

Клиническая практика ТКМ опирается на толкование маркеров нейропсихофизиологической коммуникации, рассма-

тривая болезнь как нарушение принципов гармонии в диалоге организма с внешним миром и внешнего мира с микрокосмосом внутреннего мира человека.

Вербальное изложение проблем человеческого организма в метафорической и эвфемистической форме обладает также психотерапевтическим воздействием, поскольку лечение многих сложных заболеваний в ТКМ нацелено на выстраивание правильной коммуникации человека с самим собой и с миром, что помогает понять уникальную природу разных аспектов человеческой коммуникации, в которой мимесика и кинесика обладают неоспоримыми преимуществами как для диагностики, так и скрининга в ходе лечения. Кинесика и мимесика в формализованном перформативном акте, который реализуется через формы невербализованного призыва о помощи (например, тремор конечностей при мышечной слабости), предупреждения об опасности для окружающих (например, жёлтый цвет лица и глазничных склер при гепатите), нацелены на передачу максимального усиления коммуникативно-прагматического эффекта в системе координат «здоровье – болезнь», обеспечивая тем самым предельную конвенциональность в стереотипизации речеведенческих параметров в интеракции ТКМ.

Опыт вербализации проблем через язык тела в терминологии ТКМ представляет собой яркий пример полиаспектной метафорической эвфемизации, помогающей понять табуированный мир проблем тела, выступая эффективным средством, помогающим ориентироваться в сложной коммуникативной системе человеческого организма, что стало важнейшим аспектом ТКМ, который ценится сегодня во всем мире.

Иными словами, можно утверждать, что традиционная китайская медицина подходит к человеческому телу как поликодовому нейропсихофизиологическому тексту, при этом «ошибки» в этом тексте проявляются через патологические состояния, которые возможно исправить, приводя к гармоничному балансу «внутренний диалог» человека о себе и мире с «внешним диалогом» о мире и с миром.

Сама по себе ТКМ признана нематериальным сокровищем китайской культуры, обладающим глубоким культурным наследием и уникальной теоретико-практической системой. В современном мире значение ТКМ признаётся и ценится всё большим количеством людей, а сочетание традиционной китайской, российской и европейской медицины способствует укреплению здоровья человека. Культура плюралистична и многополярна, потому и наука также соблюдает принципы полиаспектности.

Развитие традиционной культуры идёт в ногу со временем и рука об руку с современной культурой, а потому союз китайской, российской и европейской стратегий в медицине обнаруживает мощный эколого-коммуникативный потенциал, позволяющий находиться в гармонии. Благодаря интернационализации и популяризации традиционной китайской медицины обмен опытом вербализации проблем через язык тела в терминологии ТКМ может способствовать лингвострановедческому межкультурному диалогу, китайско-иностранным медицинским обменам и взаимному обучению, что имеет большое значение для содействия развитию межкультурной коммуникации.

Дата поступления в редакцию 12.10.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Белоусов П. В. Теоретические основы китайской медицины. Алматы: Б. и., 2004. 160 с. (Серия: Китайская чжэньцзю-терапия).
2. Ван Х, Кузьменко Г. Н. Проблема научного статуса традиционной китайской медицины в КНР // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. 2023. № 1 (45). С. 68–78. DOI: 10.25688/2078-9238.2023.45.1.5.

3. Варламов М. В. «Крест реальности» и вторичная номинация // *Studia Linguistica*. Вып. 7. Языковая картина в зеркале семантики, прагматики и перевода: сборник статей. СПб.: Тригон, 1998. С. 17–20.
4. Гёте И. В. Учение о цвете / перевод с немецкого В. О. Лихтенштадта. М.: АСТ, 2021. 253 с.
5. Глущенко Т. С. Жестовые компоненты лакуносферы китайской культуры как определяющие факторы специфики невербального стиля общения китайских коммуникантов // *Вестник Челябинского государственного педагогического университета*. 2006. № 4. С. 154–163.
6. Горобец Е. А., Есин Р. Г., Есин О. Р. Вербальное описание головокружения русскоязычными информантами с высоким и низким уровнем алекситимии // *Филология и культура*. 2018. № 4 (54). С. 28–33.
7. Коваленко А. С. Реализация образного компонента в терминологии клинических нейронаук // *Вестник Московского государственного областного университета*. Серия: Лингвистика. 2022. № 6. С. 16–24. DOI: 10.18384/2310-712x-2022-6-16-24.
8. Позднеева Л. Д. К проблеме источниковедческого анализа древнекитайских философских трактатов // *История китайской литературы: собрание трудов / Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Ин-т стран Азии и Африки*. М.: Восточная литература, 2011. С. 13–28.
9. Резанова З. И. Метафора в лингвистическом тексте: типы функционирования // *Вестник Томского государственного университета*. Филология. 2007. № 1. С. 18–29.
10. Тарасова В. К. О дуализме метафоры // *Studia Linguistica*. Вып. 7. Языковая картина в зеркале семантики, прагматики и перевода: сборник статей. СПб.: Тригон, 1998. С. 148–153.
11. Тютюнник В. М., Биркин А. А., Гушин Ю. Г. Основы лингвистической психофизиологии: монография. Тамбов: Изд-во МИНЦ «Нобелистика», 2016. 191 с.
12. Шкатова Л. А. Различные степени терминологизации наименований // *Современные проблемы русской терминологии: сборник статей / отв. ред. В. П. Даниленко*. М.: Наука, 1986. С. 37–40.
13. An ontological framework for the formalization, organization and usage of TCM-Knowledge / Long H., Zhu Y., Jia L., Gao B., Liu J., Liu L., Herre H. // *BMC Medical Informatics and Decision Making*. 2019. Vol. 19. Supplement 2. Art. 53. DOI: 10.1186/s12911-019-0760-9.
14. Association Strategies of Speech Behavior of Communicators in Coding Discourse: An Interdisciplinary Approach Towards Understanding the Role of Cognitive and Linguistic Processes in Communication / Zhang L., Karabulatova I., Nurmukhametov A., Lagutkina M. // *Journal of Psycholinguistic Research*. 2023. Vol. 52. P. 1571–1587. DOI: 10.1007/s10936-023-09966-z.
15. Latent semantic diagnosis in traditional Chinese medicine / Ji W., Zhang Y., Wang X., Zhou Y. // *World Wide Web*. 2016. Vol. 20. P. 1071–1087. DOI: 10.1007/s11280-017-0443-3.
16. Negativizing emotive coloronyms: A Kazakhstan-US Ethno-Psycholinguistic comparison / Bulegenova I. B., Karabulatova I. S., Kenzhetayeva G. K., Beysembaeva G. Z., Shakaman Y. B. // *Amazonia Investiga*. 2023. Vol. 12. Iss. 67. P. 265–282. DOI: 10.34069/AI/2023.67.07.24.
17. Nichols R. Understanding East Asian holistic cognitive style and its cultural evolution: a multi-disciplinary case study of Traditional Chinese Medicine // *Journal of Cultural Cognitive Science*. 2021. Vol. 5. P. 17–36. DOI: 10.1007/s41809-021-00075-8.
18. Proposal of translation of commonly-used acupuncture and moxibustion terminology by Beijing University of Chinese Medicine / Fang T., Ni S., Wang Y., Li X., Ma L., Shelley O. // *Journal of Traditional Chinese Medical Sciences*. 2023. Vol. 10. Iss. 2. P. 127–128. DOI: 10.1016/j.jtcm.2023.03.003.
19. The Distant Reading of Religious Texts: A “Big Data” Approach to Mind-Body Concepts in Early China / Slingerland E., Nichols R., Neilbo K., Logan C. // *Journal of the American Academy of Religion*. 2017. Vol. 85. Iss. 4. P. 985–1016. DOI: 10.1093/jaarel/lfw090.
20. The Yin and Yang of traditional Chinese and Western medicine / Fu R., Li J., Yu H., Zhang Y., Xu Z., Martin C. // *Medicinal Research Reviews*. 2021. Vol. 41. Iss. 6. P. 3182–3200. DOI: 10.1002/med.21793.
21. Verbal descriptors of dyspnea in patients with COPD at different intensity levels of dyspnea / von Leupoldt A., Balewski S., Petersen S., Taube K., Schubert-Heukeshoven S., Magnussen H., Dahme B. // *Chest*. 2007. Vol. 132. Iss. 1. P. 141–147. DOI: 10.1378/chest.07-0103.
22. Wang M. F. Lexical features and Translation Strategies of Acupuncture and Moxibustion Terms – A Case Study of WHO International Standard Terminologies on Traditional Medicine in the Western Pacific Region // *Chinese Science Technology Translation Journal*. 2018. Iss. 1. P. 25–28.
23. 黄帝内经 – 上海: 中华书局, 2022年. 1512 页.

REFERENCES

1. Belousov P. V. *Teoreticheskiye osnovy kitayskoy meditsiny* [Theoretical foundations of Chinese medicine]. Almaty, 2004. 160 p. (Series: Chinese Zhenjiu Therapy).
2. Wang H., Kuzmenko G. N. [The problem of the scientific status of traditional Chinese medicine in China]. In: *Vestnik MGPU. Seriya: Filosofskiy nauki* [Philosophy of Science], 2023, no. 1 (45), pp. 68–78. DOI: 10.25688/2078-9238.2023.45.1.5.
3. Varlamov M. V. [“Cross of reality” and secondary nomination]. In: *Studia Linguistica. Vyp. 7. Yazykovaya kartina v zerkale semantiki, pragmatiki i perevoda* [Studia Linguistica. Iss. 7. Language picture in the mirror of semantics, pragmatics and translation]. St. Petersburg, Trigon Publ., 1998, pp. 17–20.
4. Goethe J. W. *Ucheniye o tsvete* [The doctrine of color]. Moscow, AST Publ., 2021. 253 p.
5. Glushchenko T. S. [Gesture components of the lacunosphere of Chinese culture as determining factors of the specificity of the nonverbal style of communication of Chinese communicants]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University], 2006, no. 4, pp. 154–163.
6. Gorobets E. A., Esin R. G., Esin O. R. [Verbal description of dizziness by Russian-speaking informants with high and low levels of alexithymia]. In: *Filologiya i kultura* [Philology and Culture], 2018, no. 4 (54), pp. 28–33.
7. Kovalenko A. S. [Figurative component in the terminology of clinical neuroscience]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2022, no. 6, pp. 16–24. DOI: 10.18384/2310-712x-2022-6-16-24.
8. Pozdneyeva L. D. [On the problem of source analysis of ancient Chinese philosophical treatises]. In: *Istoriya kitayskoy literatury* [History of Chinese literature]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2011, pp. 13–28.
9. Rezanova Z. I. [Metaphor in a linguistic text: types of functioning]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 2007, no. 1, pp. 18–29.
10. Tarasova V. K. [On the dualism of metaphor]. In: *Studia Linguistica. Vyp. 7. Yazykovaya kartina v zerkale semantiki, pragmatiki i perevoda* [Studia Linguistica. Iss. 7. Language picture in the mirror of semantics, pragmatics and translation]. St. Petersburg, Trigon Publ., 1998, pp. 148–153.
11. Tyutyunnik V. M., Birkin A. A., Gushchin Yu. G. *Osnovy lingvisticheskoy psikhofiziologii* [Fundamentals of linguistic psychophysiology]. Tambov, «Nobelistika» Publ., 2016. 191 p.
12. Shkatova L. A. [Different degrees of terminology of names]. In: *Sovremennyye problemy russkoy terminologii* [Modern problems of Russian terminology]. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 37–40.
13. Long H., Zhu Y., Jia L., Gao B., Liu J., Liu L., Herre H. An ontological framework for the formalization, organization and usage of TCM-Knowledge. In: *BMC Medical Informatics and Decision Making*, 2019, vol. 19. Supplement 2, art. 53. DOI: 10.1186/s12911-019-0760-9.
14. Zhang L., Karabulatova I., Nurmukhametov A., Lagutkina M. Association Strategies of Speech Behavior of Communicators in Coding Discourse: An Interdisciplinary Approach Towards Understanding the Role of Cognitive and Linguistic Processes in Communication. In: *Journal of Psycholinguistic Research*, 2023, vol. 52, pp. 1571–1587. DOI: 10.1007/s10936-023-09966-z.
15. Ji W., Zhang Y., Wang X., Zhou Y. Latent semantic diagnosis in traditional Chinese medicine. In: *World Wide Web*, 2016, vol. 20, pp. 1071–1087. DOI: 10.1007/s11280-017-0443-3.
16. Bulegenova I. B., Karabulatova I. S., Kenzhetayeva G. K., Beysembaeva G. Z., Shakaman Y. B. Negativizing emotive coloronyms: A Kazakhstan-US Ethno-Psycholinguistic comparison. In: *Amazonia Investiga*, 2023, vol. 12, iss. 67, pp. 265–282. DOI: 10.34069/AI/2023.67.07.24.
17. Nichols R. Understanding East Asian holistic cognitive style and its cultural evolution: a multi-disciplinary case study of Traditional Chinese Medicine. In: *Journal of Cultural Cognitive Science*, 2021, vol. 5, pp. 17–36. DOI: 10.1007/s41809-021-00075-8.
18. Fang T., Ni S., Wang Y., Li X., Ma L., Shelley O. Proposal of translation of commonly-used acupuncture and moxibustion terminology by Beijing University of Chinese Medicine. In: *Journal of Traditional Chinese Medical Sciences*, 2023, vol. 10, iss. 2, pp. 127–128. DOI: 10.1016/j.jtcms.2023.03.003.
19. Slingerland E., Nichols R., Neilbo K., Logan C. The Distant Reading of Religious Texts: A “Big Data” Approach to Mind-Body Concepts in Early China. In: *Journal of the American Academy of Religion*, 2017, vol. 85, iss. 4, pp. 985–1016. DOI: 10.1093/jaarel/lfw090.

20. Fu R., Li J., Yu H., Zhang Y., Xu Z., Martin C. The Yin and Yang of traditional Chinese and Western medicine. In: *Medicinal Research Reviews*, 2021, vol. 41, iss. 6, pp. 3182–3200. DOI: 10.1002/med.21793.
21. von Leupoldt A., Balewski S., Petersen S., Taube K., Schubert-Heukeshoven S., Magnussen H., Dahme B. Verbal descriptors of dyspnea in patients with COPD at different intensity levels of dyspnea. In: *Chest*, 2007, vol. 132, iss. 1, pp. 141–147. DOI: 10.1378/chest.07-0103.
22. Wang M. F. Lexical features and Translation Strategies of Acupuncture and Moxibustion Terms – A Case Study of WHO International Standard Terminologies on Traditional Medicine in the Western Pacific Region. In: *Chinese Science Technology Translation Journal*, 2018, iss. 1, pp. 25–28.
23. 黄帝内经 – 上海: 中华书局, 2022年.1512 页.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Карабулатова Ирина Советовна – доктор филологических наук, профессор, руководитель научно-исследовательского центра цифровых гуманитарных технологий Института русского языка Хэйлунцзянского университета; профессор кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы; ведущий научный сотрудник лаборатории «Семантический анализ и машинное обучение» Института перспективных исследований проблем искусственного интеллекта и интеллектуальных систем Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: radogost2000@mail.ru

Ко Чэнь – аспирант кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы;
e-mail: kuo.chen@mail.ru

Сунь Цюхуа – доктор филологических наук, профессор Института русского языка, начальник отдела по международному сотрудничеству Хэйлунцзянского университета;
e-mail: sunqihua15@163.com

Иванова-Якушко Мария Михайловна – заместитель директора по учебно-методической и научной работе Академии профессиональной переподготовки и инновационных технологий;
e-mail: yakushko-m@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Irina S. Karabulatova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Head of the Research Center for Digital Humanities, Institute of Russian language, Heilongjiang University; Prof., Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba; Leading Researcher, Laboratory “Semantic Analysis and Machine Learning”, Institute for Advanced Study of Artificial Intelligence and Intelligent Systems, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: radogost2000@mail.ru

Chen Kuo – Postgraduate Student, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba;
e-mail: kuo.chen@mail.ru

Qihua Sun – Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute of the Russian Language, Head of International Cooperation Department, Heilongjiang University;
e-mail: sunqihua15@163.com

Maria M. Ivanova-Yakushko – Deputy Director for Educational, Methodological and Scientific Work, Academy of Professional Retraining and Innovative Technologies;
e-mail: yakushko-m@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Метафорическая эвфемизация нейropsихофизиологической коммуникации в терминологии традиционной китайской медицины / Карабулатова И. С., Ко Ч., Сунь Ц., Иванова-Якушко М. М. // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 1. С. 33–51.
DOI: 10.18384/2949-5075-2024-1-33-51

FOR CITATION

Karabulatova I. S., Kuo Ch., Sun Q., Ivanova-Yakushko M. M. Metaphorical euphemization of neuropsychophysiological communication in the terminology of traditional Chinese medicine. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2024, no. 1, pp. 33–51.
DOI: 10.18384/2949-5075-2024-1-33-51

УДК 811.58

DOI: 10.18384/2949-5075-2024-1-52-64

ПОНЯТИЙНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА «УЧИТЕЛЬ» В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Ма Л.

*Волгоградский государственный социально-педагогический университет
400005, г. Волгоград, пр-т имени В. И. Ленина, д. 27, Российская Федерация*

Аннотация

Целью работы является выявление понятийной составляющей лингвокультурного типажа «учитель» в китайском языке.

Процедура и методы. Материалом исследования послужили данные толковых, этимологических, энциклопедических, фразеологических, частотных словарей, а также словаря синонимов и текстов СМИ, размещённые в китайских языковых корпусах. В процессе исследования использовались такие методы, как этимологический анализ, семантический анализ, контекстуально-описательный анализ, когнитивно-дискурсивный анализ и сравнительный анализ применения лексики.

Результаты. Представлена культурная специфика номинативного процесса, отражающая китайскую языковую картину мира, а также эволюция семантики иероглифов, обозначающих лингвокультурный типаж «учитель». Установлена понятийная составляющая данного типажа в китайском языке.

Теоретическая и практическая значимость данного исследования заключается в том, что оно дополняет сопоставительные исследования лингвокультурного типажа «учитель» в китайской и русской языковой картине мира.

Ключевые слова: учитель, лингвокультурный типаж, концепт, понятийная составляющая, этимологический анализ, семантический анализ

THE CONCEPTUAL COMPONENT OF THE LINGUOCULTURAL TYPE “TEACHER” IN CHINESE

L. Ma

*Volgograd State Socio-Pedagogical University
prospekt imeni V. I. Lenin 27, Volgograd 400005, Russia Federation*

Abstract

Aim. To identify the conceptual component of the linguocultural type “teacher” in the Chinese language.

Methodology. The research material was the data of explanatory, etymological, encyclopedic, phraseological, frequency dictionaries, as well as a dictionary of synonyms and media texts placed in the Chinese language corpora. In the course of the research, such methods as etymological analysis, semantic analysis, contextual-descriptive analysis, cognitive-discursive analysis and comparative analysis of the vocabulary use were applied.

Results. The article presents the cultural specifics of the naming process reflected in the Chinese language picture of the world, as well as the semantic evolution of the hieroglyphics denoting the

linguocultural type “teacher”. The conceptual component of this type in the Chinese language is established.

Research implications. The theoretical and practical significance of this study lie in the fact that it complements the comparative studies of the linguocultural type “teacher” in the Chinese and Russian language picture of the world.

Keywords: teacher, linguocultural type, concept, conceptual component, etymological analysis, semantic analysis

Введение

Исследования проблемы взаимоотношения человека (личности) и культуры сквозь призму языка находится в центре внимания лингвокультурологии. Как одно из активно развивающихся ответвлений лингвокультурологии, теория лингвокультурного типажа (ЛКТ) была создана в начале XXI в. под руководством В. И. Карасика. Из данных (2059 единиц), отображаемых на сайте eLIBRARY¹ по запросу «лингвокультурный типаж», видно, что моделирование ЛКТ в этом направлении достигло значительных успехов.

ЛКТ «характеризуется двойственной природой»: концепт и языковая личность [1, с. 17]. По своей когнитивной сути ЛКТ принадлежит к особому роду концепта – «абстрактного ментального образования», его исследовательское содержание служит «типизируемой личностью» [4, с. 9]. Для изучения типизированной языковой личности требуется установить «ценностную значимость данного типа личности в культуре социума» [5, с. 5]. В данной работе мы будем придерживаться определения, предложенного О. А. Дмитриевой и И. А. Мурзиновой: «лингвокультурный типаж представляет собой обобщенный тип личности, выделяемой по социально-значимым параметрам в рамках определенного социально-этнического общества, проявляющий определенные речеповеденческие характеристики и узнаваемый носителями конкретной этно- или социокультуры по специфич-

ческим характеристикам вербального и невербального поведения и выводимой ценностной ориентации» [3, с. 13]. Иными словами, лингвокультурный типаж является узнаваемым образом личности, «чьё поведение и чьи ценностные ориентации» оказывают яркое влияние на лингвокультуру в целом и служат «показателями этнического и социального своеобразия общества» [1, с. 119].

ЛКТ опредмечивается в языке, схема моделирования ЛКТ включает следующие стороны: 1) социоисторическая справка, освещающая исторические, культурные, социальные, психологические факторы, соответствующие историческому периоду существования ЛКТ; 2) понятийная составляющая, которая исследуется с точки зрения этимологии, обозначения, описания, признаковой структуры репрезентации ЛКТ с помощью таких словарей, как переводной, синонимический, этимологический, толковый, энциклопедический и ассоциативный словари, и сопоставительного исследования данного типажа по отношению к тому или иному ряду типажа; 3) перцептивно-образное представление (т. е. паспорт ЛКТ), в состав которого включаются: «внешний облик» (одежда, причёска, макияж, возраст и т. д.), «гендерная принадлежность», «происхождение или определяемый типажом социальный статус», «место жительства и характер жилища», «сфера деятельности», «досуг», «семейное положение», «окружение» и «речевой характер»; 4) ценностная сторона, воплощённая в индивидуальном и коллективном сознании, в которой представлены ценностные приоритеты (ценности моральные, утилитарные, суперморальные и

¹ См.: Научная электронная библиотека eLIBRARY. URL: <https://elibrary.ru> (дата обращения: 10.03.2023).

субутилитарные) и оценка (оценка носителя типажа себя (самоидентификация), себе подобного и окружающих), её анализ осуществляется с помощью материалов анкетирования, словарей, пособий, литературных произведений, интернета, массмедиа, кино, предметов искусства и других источников, несущих информацию об исследуемом ЛКТ [1, с. 120; 3, с. 58–67].

Моделирование ЛКТ позволяет раскрыть факты культуры – «общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, систему ценностей, мироощущение, видение мира» [9, с. 13], чтобы способствовать пониманию и прогнозированию представителями социумов «особенностей языкового сознания и коммуникативного поведения» с целью снижения коммуникативных конфликтов и оптимизации коммуникативного процесса [3, с. 3].

Моделирование ЛКТ «учитель» основано на следующих принципах: 1) учитель – типичная языковая личность; 2) ценностная составляющая, содержащаяся в репрезентации типажа «учитель», имеет «культурно-диагностическую значимость для понимания соответствующей культуры» [4, с. 22]; 3) в настоящее время существует пробел в сравнительном исследовании данного типажа в китайской и русской языковых картинах мира.

ЛКТ «учитель» принадлежит к определённой социальной группе и рассматривается как модельная личность, «имеющая сугубо позитивную оценку носителей лингвокультуры» и служащая примером для подражания [2, с. 198]. Поэтому по критериям выделения вида типажа [3, с. 41–49; 6, с. 114] мы предлагаем ЛКТ типажа «учитель» отнести к социокультурному, реальному, прототипному, яркому, положительному, актуальному, дисперсному и универсальному.

В данной статье сосредоточено внимание на семантическом анализе главных

номинаций учителя в китайском языке: изучение этимологий позволяет проследить «динамику развития исходного этимологического значения», анализ определений помогает выявить системные признаки понятия, исследование контекстов даёт возможность «объяснить закономерности появления смысловых превращений в текстах» [7, с. 73], чтобы уточнить понятийную составляющую ЛКТ «учитель» и раскрыть в нём культурную специфику, отражающую китайскую языковую картину мира.

Семантические структуры понятия «учитель»

На основе «Частотного словаря современного китайского языка» из ряда синонимов, обозначающих учителей, выделены самые частотные имена существительные, включая 师 (ши) (.01613)¹, 老师 (лаоши) (.02518)², 教师 (цзяоши) (.01582)³, 师傅 (шифу) (.01529)⁴ и 先生 (сяньшэн) (.04922)⁵. Следует отметить, что номинации учителей и их определения практически одинаковы в разных толковых словарях, таким образом все приведённые ниже определения даются на основе «现代汉语词典» («Словаря современного китайского языка», далее – ССКЯ)⁶. После определений будут приведены примеры – контексты описания моделируемого типажа, размещённые на сайтах корпусов китайского языка. Для

¹ См.: 师 // 现代汉语频率词典. 北京语言学院语言教学研究所编. 北京: 北京语言学院出版社, 1986. 321页.

² См.: 老师 // 现代汉语频率词典. 北京语言学院语言教学研究所编. 北京: 北京语言学院出版社, 1986. 215页.

³ См.: 教师 // 现代汉语频率词典. 北京语言学院语言教学研究所编. 北京: 北京语言学院出版社, 1986. 180页.

⁴ См.: 师傅 // 现代汉语频率词典. 北京语言学院语言教学研究所编. 北京: 北京语言学院出版社, 1986. 321页.

⁵ См.: 先生 // 现代汉语频率词典. 北京语言学院语言教学研究所编. 北京: 北京语言学院出版社, 1986. 388页.

⁶ 现代汉语词典. 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编. 7版. 北京: 商务印书馆, 2016. 1799页.

обозначения источника мы будем использовать аббревиатуры ВСС¹, CCL² и CORPUS³. Перейдём к анализу.

Ш (Ши) является омонимом, включая ш1 и ш2.

В толковом словаре ССКЯ ш1 (ши1) определяется как: 1. «称某些传授知识技术的人» (человек, который передаёт какие-либо знания или технологию): 人师 (человек, который может подать пример другим в различных аспектах, особенно в моральных, и правилах поведения), 经师 (учитель, читавший лекции по конфуцианским трудам, религиозным учениям или др.), 塾师 (учитель частной школы или домашний учитель), 女师 (учительница, специализирующаяся на обучении благородных девушек перед замужеством), 俗师 (необразованный учитель), 严师 (строгий учитель), 恩师 (уважительное обращение ученика к своему учителю с благодарностью и любовью), 名师 (известный учитель), 祖师 (основатель определённой области знаний), 先师 (старший или умерший учитель); 2. «学习的榜样» (пример для подражания), например, 师范 (образец для подражания), 师表 (образец, достойный подражания в знании и морали); 学高为师, 德高为范 (эрудированный человек может стать учителем, а добродетельный человек может стать образцом); 前事不忘, 后事之师 (помните уроки, извлечённые из прошлого, и опирайтесь на них в будущем); 3. «掌握专门学术或技艺的人» (человек, овладевший специальными научными или практическими знаниями), к примерам относятся: 技师 (техник), 厨师 (повар), 律师 (адвокат), 理发师 (парикмахер), 工程师 (инженер), 会计师 (бухгалтер), 棋师 (шахматист), 军师

(военный советник) и т. п.; 4. «对和尚、道士的尊称» (почтительное обращение к монахам и даосам): 禅师 (буддийский монах), 法师 (буддийский монах или даос); 5. «指由师徒关系产生的» (наименование, полученное из сферы взаимоотношений учитель-ученик), в основном используется среди студентов, в качестве примеров включают: 师兄 (старший студент), 师弟 (младший студент), 师姐 (старшая студентка), 师妹 (младшая студентка) и т. д.; 6. «<书>仿效; 学习» ((книж.) подражать, учиться), например, 师法 (подражать и учиться на сильных сторонах у других), 师承 (учиться и наследовать систему знаний учителя), 拜师 (поступить в ученики к кому-то), 从师 (следовать за учителем), 出师 (обучение знаниям или мастерству закончено); 7. «姓» (фамилия)⁴.

Определения ш2 (ши2) включают: 1. «军队的编制单位, 隶属于军或者集团军, 下辖若干团» (учреждение армии, которая относится к корпусу или легиону, и имеет в своём подчинении несколько полков): 师长 (командир дивизии); 2. «军队» (армия, войско), примеры: 出师 (отправлять войска на фронт), 会师 (войска соединяются)⁵.

На первый взгляд значения ш1 (ши1) и ш2 (ши2) не имеют ничего общего друг с другом, но на самом деле они в определённой степени связаны, это видно в этимологии ш (ши). Акцентируем внимание на том факте, что этимологический анализ китайской лексики невозможно провести без анализа компонентов китайских иероглифов.

Китайский иероглиф ш (ши), обнаруженный на костях и черепаших панцирях (примерно XIII–X вв. до н. э.), выглядит следующим образом:  или , позже появляется в надписях на бронзе как  . Отсюда видно, что ш (ши) со-

¹ 北京语言大学语料库中心 (далее – ВСС). См: 汉语语料库: [сайт]. URL: <http://bcc.blcu.edu.cn/> (дата обращения: 10.02.2023).

² CCL语料库 (北京大学中国语言研究中心) (далее CCL). См: 语料库: [сайт]. URL: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus (дата обращения: 10.02.2023).

³ 语料库在线 (далее – CORPUS). См.: 语料库在线: [сайт]. URL: <http://corpus.zhonghuayuwen.org/> (дата обращения: 10.02.2023).

⁴ См.: 师 // 现代汉语词典. 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编. 7版. 北京: 商务印书馆, 2016. 1178页.

⁵ Там же.

⁶ См.: 师 // 查字网 [Электронный ресурс]. URL: <http://qiyuan.chaziwang.com> (дата обращения: 05.02.2023).

стоит из двух структурированных частей 自 и 巾. Левая часть 自 (которая теперь упрощённо пишется как 卩) означает «холмы», а правая часть 巾 – «вокруг». Сочетание этих двух частей составляет первоначальное значение 师 (ши) – «расположение войск вокруг холмов». Следовательно, 师 (ши) заимствовано для обозначения военного ранга в древности – «дивизии», это объясняется в этимологическом словаре «说文解字» («Шовэнь цзецзы») (далее – ШВЦЦ): «二千五百人爲師» (Дивизия состоит из 2500 человек)¹. Потом значение слова 师 (ши) стало обозначать «войско», а из-за его многочисленности это название стало использоваться для обозначения «множества людей»², в качестве примера приведём фразеологизмы – 出师不利 (первоначальное значение – «вступление в бой проходит неудачно», а переносное значение – «неудачно начать») и 劳师动众 (первоначальное значение – «мобилизация крупномасштабных войск для сражения», переносное значение – «создать суету, сделать из мухи слона»). Позже номинация 师 (ши) использовалась для обозначения «командира дивизии» с большим армейским опытом, являющимся эталоном, образцом, обладающим такими качествами, которыми обладают и учителя, например, «师者人之模范也» (Учителя должны служить примерами) [17, 21页]. В древнем Китае, воспитанием царевича занимался министр императора – 师 (ши), описание находим в статье «礼记·文王世子»: «师也者, 教之以事而喻诸德者也» (Обязанность ши состоит в том, чтобы рассказать наследному принцу историю и продемонстрировать для него преимущества и недостатки, приобретения и потери, развивать его способность справляться с государственными делами и, что более важно, воспитывать

в нём благородный характер) [14, 93页]. Однако для обычных людей «师哉师哉桐子之命也» (Учителя представляют собой тех, которые влияют и изменяют природу людей невежественных и неразумных) [17, 20页]. 韩愈 (Хань Юй), известный педагог в древнем Китае, чётко и всесторонне характеризовал учителей как: «师者, 所以传道受业解惑也» (Учителя – это люди, которые преподают знания, объясняют истину или догмат, развивают технологии и разрешают сомнения) [11, 327页]. В то время в идеологической сфере господствовало конфуцианство, дополнявшееся традиционной религией Китая – даосизмом и завезённой из-за рубежа религией – буддизмом, поэтому функция учителей стала распространяться и в сфере религии, это отражено в стихотворении «诗三百三首»: «师亲指归路, 月挂一轮灯» (Когда я уходил, именитый буддийский монах лично послал меня к воротам горного храма и провёл меня до перекрёстка, откуда я вернулся, тогда яркая луна висела высоко в небе)³. Коннотацией этого стиха является: «Выдающийся монах указал направление для будущего поэта и помог ему открыть свой разум, чтобы узнать себя и окружающую ситуацию, в тот момент поэт, казалось, увидел совершенную Дхарму сквозь яркий лунный свет и вступил на правильный жизненный путь». Сегодня номинация 师 (ши) используется для обозначения «учителей», которые передают знания или технологию в школе или вне школы.

Проведя вышеприведённый анализ слова 师 (ши), можно выяснить:

1. Анализ китайского иероглифа 师 (ши) позволяет сделать вывод об эволюции его семантики: расположение войск → дивизия → войска → много людей → командир дивизии – образец → учитель.

¹ См.: 师 // 说文解字注. (汉)许慎撰; (清)段玉裁注; 许惟贤整理. 2版. 南京: 凤凰出版社, 2015. 1070-1071 页.

² См.: 师 // 汉典 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zdic.net> (дата обращения: 10.02.2023).

³ (唐)寒山. 诗三百三首 [Электронный ресурс]. URL: <https://so.gushiwen.cn/search.aspx?value=%E3%80%8A%E8%AF%97%E4%B8%89%E7%99%BE%E4%B8%89%E9%A6%96%E4%B8%80%E5%85%AD%E4%B A%94%E3%80%8B+%&valuej=%E3%80%8A> (дата обращения: 25.02.2023).

2. В ходе эволюции части значения 师 (ши), такие как «дивизия», «войска», «об-разец», были сохранены в словарных де-финициях толковых словарей современ-ного китайского языка.

3. Приведённые определения позво-ляют выделить следующие семы в семан-тике 师 (ши): 1) человек; 2) овладевший специальными знаниями или техниками; 3) передающий какие-то знания или тех-нологию; 4) являющийся примером для подражания. В этих семах нет ограничи-ний на место работы учителей, то есть 师 (ши) относится не только к учителям в учебных заведениях, но и к учителям вне школы.

Кроме того, 师 (ши) также является основной морфемой, которая составляет другие номинации учителей, включая: 老师 (лаоши), 教师 (цзяоши), 讲师 (цзян-ши), 师傅 (шифу), 师父 (шифу), 导师 (да-оши), 宗师 (цзунши), 师门 (шимэнь), 师资 (шицзы) и т. д.

Определение 老师 (лаоши) в словаре ССКЯ такое: «对教师的尊称, 泛指传授文化、技术的人或在某方面值得学习的人» (Вежливое обращение к учителю, к человеку, передающему какие-то знания или технологию, или к тому, кому стоит учиться в каком-то направлении)¹. Это слово состоит из корня 师 (ши) и пре-фикса 老 (лао), существовавшего в качестве слова в древнекитайском языке. Китайский иероглиф 老 (лао) был выгра-вирован на костях и панцирях черепах как: ², на его силуэте изображён старик с тростью. Таким образом, «стар-ый» стал первоначальным значением слова 老 (лао), которое в словаре ШВЦЦ описывается как: «七十曰老» (Человека, достигшего семидесятилетнего возрас-та, можно назвать старым)³. Позднее к

значению «старый» добавилось значение «опытный, эрудированный, высококвал-ифицированный», это значение отраже-но в статье «史记·孟子荀卿列传»: «田骈之属皆已死。齐襄王时, 而荀卿最为老师» (Тянь Пянь и другие известные учё-ные мертвы. Когда князь королевства Ци Сян был у власти, Сюнь Цзы был самым старым учёным с высоким академиче-ским уровнем) [13, 196页]. Поскольку не-которые из этих учёных занимались про-светительской деятельностью в частной или государственной школе, 老师 (лао-ши) стал для них почтительным обраще-нием, о чём упоминалось в поэтическом произведении «示侄孙伯安»: «伯安入小-学, 颖悟非凡儿。属句有凤性, 说字惊老师» (Ребёнок Бо Ан уже поступил в на-чальную школу, у него интеллект намного выше, чем у других детей, и его сочине-ния наполнены не по летам зрелой духов-ностью, а его способность объяснять сло-ва удивила его учителя)⁴. С тех пор 老师 (лаоши) используется для обозначения человека, который передаёт какие-то зна-ния, навыки или догмат. Просматривая корпусы китайского языка, мы обнару-жили, что сегодня обращение 老师 (лао-ши) используется «не только к человеку, вовлечённому в образовательный про-цесс, но и к тому, кто является предста-вителем других профессий» или чей опыт и знания достойны изучения [8, с. 96]. Приведём примеры, «所有养蜂的朋友都-是我的老师» (Все пчеловоды – мои учи-теля) [ВСС]; «别看都是高材生, 干起活-来, 还得让清洁大妈当老师» (Несмотря на то, что все они отличники, когда дело доходит до уборки, пожилая уборщица должна быть их учительницей) [ВСС].

Анализируя определение и контекст лексики 老师 (лаоши), мы обнаружили, что в его значении присутствуют не толь-ко основные семантические характери-стики слова 师 (ши), но и смысловые эле-менты «человеку, которому стоит учиться

¹ См.: 老师 // 现代汉语词典. 中国社会科学院语言研究-所词典编辑室编. 7版. 北京: 商务印书馆, 2016. 785页.

² См.: 老 // 查字网 [Электронный ресурс]. URL: <http://qiyuan.chaziwang.com> (дата обращения: 15.02.2023).

³ См.: 老 // 说文解字注. (汉)许慎撰; (清)段玉裁注; 许-惟贤整理. 2版. 南京: 凤凰出版社, 2015. 696页.

⁴ 元好问诗词集. 贺新辉辑注. 北京: 中国展望出版-社, 1986. 101页.

в каком-то направлении» и «опытный, эрудированный, высококвалифицированный».

教师 (Цзяоши) в словаре ССКЯ определяется как: «**担任教学工作的专业人员**» (человек, специализирующийся на преподавании, обучении, воспитании)¹, а в «**中国大百科全书**» («Китайской энциклопедии») толкуется как: «**向受教育者传递人类积累的文化科学知识和进行思想品德教育, 把他们培养成一定社会需要的人才的专业人员**» (Учитель – это человек, который передаёт культурные и научные знания, накопленные человечеством, и осуществляет идеологическое и нравственное воспитание учащихся, чтобы подготовить профессионалов, полезных обществу)². Приведём примеры с лексемой **教师** (цзяоши): «**教师是科学文化知识的传播者, 或者说是“智力资源”的开发者**» (Учителя являются распространителями научных и культурных знаний или разработчиками «интеллектуальных ресурсов») [CORPUS]; «**很多教师成为学生学习上的指导、政治上的向导、生活上的挚友**» (Многие учителя стали наставниками учеников в учёбе, политическими проводниками и близкими друзьями в жизни) [CORPUS].

Состав **教** (цзяо) языковой единицы **教师** (цзяоши) представляет собой омограф, включает в себя **教** (jiāo) и **教** (jiào), соответственно их значения разные из-за разницы в произношении.

Определение **教** (jiào) в словаре ССКЯ следующее: «**把知识或技能传给人**» (передавать знания или техники другим)³, к примерам относятся: **教学** (учить, преподавать, обучать), **教课** (давать уроки, вести занятия, читать лекции).

教 (jiào) в словаре ССКЯ определяется как: 1. «**教导, 教育**» (поучать, образовывать), в качестве примеров выступают словосочетание: **管教** (наставлять, воспитывать), **指教** (дать совет), **教化** (обучать и влиять), **教训** (поучение, урок), **教诲** (нравоучение), **请教** (просить за совет), и фразеологизмы: **有教无类** (неважно, богаты они или бедны, добродетельны или глупы, любой человек может получить образование), **教学相长** (обучение и восприятие дополняют друг друга), **因材施教** (вести учение сообразно индивидуальным способностям); 2. «**宗教**» (религия), в качестве примеров относится **儒教** (конфуцианское учение), **道教** (даосизм), **佛教** (буддизм), **教条** (догма)⁴ и т. д.

Начертание китайского иероглифа **教** (цзяо) в надписях на костях и черепках выглядит так:  (教). Этот иероглиф состоит из трёх частей. 1. Верхняя левая часть  (также обозначена ) в надписях на бронзе означает «запрет», причина в том, что среда обитания людей в первобытном обществе была очень опасной, а внутри рода существовало множество табу (таких, как запрет на каннибализм и инцест), детям в первую очередь необходимо научиться тому, чего нельзя делать, чтобы выжить и соблюдать правила. 2. Нижняя левая часть , то есть китайский иероглиф **子**, и её форма выражает своё значение – «ребёнок». Эти две части объединены в целый китайский иероглиф **孝**, который обозначает «**善事父母者**» (делать всё возможное, чтобы служить, поддерживать и слушаться своих родителей). 3. Правая часть , то есть китайский иероглиф **攴** (позже пишется как **攴**), объясняется так: «**小擊也**» (слегка ударить) линейкой или палкой, изображает сцену, где взрослый

¹ См.: **教师** // 现代汉语词典. 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编. 7版. 北京: 商务印书馆, 2016. 659页.

² См.: **教师** // 中国大百科全书(教育). 中国大百科全书总编辑委员会. 北京: 中国大百科全书出版社, 2002. 146页.

³ См.: **教** // 现代汉语词典. 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编. 7版. 北京: 商务印书馆, 2016. 652页.

⁴ См.: **教** // 现代汉语词典. 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编. 7版. 北京: 商务印书馆, 2016. 658页.

⁵ См.: **教** // 查字网 [Электронный ресурс]. URL: <http://qiuyan.chaziwang.com> (дата обращения: 15.02.2023).

ударяет ребёнка палкой¹. Сочетание этих трёх частей составляет значение лексемы 教 (цзяо) – «человек, держащий указку в руке, направляет и побуждает ребёнка учиться», видно, что его первоначальное значение связано с обучением. 教 (Цзяо) в словаре ШВЦЦ толкуется как: «教, 上所施, 下所效也» (Цзяо означает, что старшие или люди с высоким статусом демонстрируют, а младшие или люди с низким статусом подражают)². Это также отражено в древнекитайских мифах и легендах, описывающих патриархов в первобытном обществе: 有巢氏教民巢居, 燧人氏教民钻木取火和吃熟食, 伏羲氏教民制作捕猎工具和养殖, 神农氏教民制作农具和种植五谷 (Ючао учит людей строить дом на дереве, чтобы избежать ветра, дождя и диких зверей; Суйжэнь учит людей сверлить дрова, чтобы разводить огонь, греться и готовить сырую пищу; Фуси учит людей изготавливать охотничьи орудия и кормить животных в хлеве; Шэньнун учит людей изготавливать сельскохозяйственные орудия и сажать зерно) [10, 165页]. В древности под 教 (цзяо) подразумевались не только «обучение знаниям или технологии», но и «нравственное воспитание». 教 (Цзяо) является не только эффективным способом наследования знаний и опыта, но и важным средством для правителей управлять страной, об этом говорится в статье «礼记·学记»: «玉不琢, 不成器。人不学, 不知道。是故古之王者建国君民, 教学为先» (Нефрит не может стать предметом без резьбы, и люди не могут понять истину без учёбы. По этой причине древние мудрые монархи должны были ставить образование на первое место, основывая страну и управляя людьми) [14, 164页]. Образование ценится и в семьях простых людей, об этом говорится в традиционном просветительском учебнике «三字经»: «养不教, 父之过。教不严, 师之

惰» (Вина отца в том, что он обеспечивает своих детей едой и одеждой, но не даёт им образования. Пренебрежение обязанностями учителя заключается в том, что он только обучает учащихся знаниям, но не предъявляет к ним строгих требований) [12, 13页], поэтому, «爱其子, 择师而教之» (если родители любят своего ребёнка, для его учёбы они выберут учителя) [11, 327页]. Характеристика 教 (цзяо) является такой: «故君子之教喻也, 道而弗牵, 强而弗抑, 开而弗达。…… 教也者, 长善而救其失者也» (Таким образом, образование, даваемое учителями, заключается в том, чтобы вдохновлять учеников, а не держать их за нос; увещивать, а не заставлять; направлять учеников к овладению методами обучения, а не прямо говорить им ответ. ... Роль образования заключается в том, чтобы дать учащимся возможность развивать свои сильные стороны и преодолевать свои слабости) [14, 164页]. Как и 师 (ши), 教 (цзяо) также служит базовой морфемой, составляющей номинации учителей, в список которых входят: 教师 (цзяоши), 教员 (цзяюань), 教职员 (цзяочжюань), 教工 (цзяюгун), 教书匠 (цзяошуцзян), 教养员 (цзяюянянь), 教授 (цзяошоу), 助教 (чжуцзяо), 教头 (цзяотоу), 教练 (цзяолянь), 教官 (цзяогуань) и т. п.

Анализируя китайский иероглиф 教 (цзяо), мы разобрали его первоначальное значение «человек, держащий указку в руке, направляет и побуждает ребёнка учиться». Описания и приведённые определения слова 教师 (цзяоши) предполагают выделение сем в его значении: «специалист», «занимающийся преподаванием», «подготавливающий профессионалов, полезных обществу», «в сферу функций которого входит не только обучение знаниям или технологии, но и идеологическое и нравственное воспитание», «умеющий направлять учащихся учиться».

Изучив языковой материал, мы обнаружили, что 老师 (лаоши) и 教师 (цзяоши) в большинстве случаев отно-

¹ См.: 孝, 父 // 汉典 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zdic.net> (дата обращения: 15.02.2023).

² См.: 教 // 说文解字注. (汉)许慎撰; (清)段玉裁注; 许惟贤整理. 2版. 南京: 凤凰出版社, 2015. 226页.

сятся к людям, которые занимаются образовательной деятельностью, но между ними есть различия в речевом жанре: 老师 (лаоши) – почтительное обращение к учителям как в письменной, так и в разговорной речи, например, 我的老师 (мой учитель), 李老师 (учитель Ли), 王老师好 (Здравствуй, учитель Ван), здесь Ли и Ван являются фамилиями; 教师 (цзяоши) – обращение в официальной письменной речи, такие как: 人民教师 (народные учителя), 教师节 (День учителя), 教师法 (закон учителя), 教师职业道德规范 (профессиональная этика учителя), 教师资格证书 (квалификационный аттестат учителя), 教师职业发展 (повышение квалификации учителя) и т. д. Семантический диапазон между ними также различен: 教师 (цзяоши) в основном относится к учителям в школах, а 老师 (лаоши) не только имеет то же значение, что и 教师 (цзяоши), но также относится к людям, у которых стоит учиться во всех сферах жизни, что совпадает со значением слова 老师 (лаоши), например, «三人行, 必有我师焉» (несколько человек идут вместе, один из них должен быть моим учителем), другими словами, пока кто-то скромно просит совета, повсюду есть учителя для изучения и подражания [15, 30页].

Определение 师傅 (шифу) включает: 1. «工、商、戏剧等行业中传授技艺的人» (человек, обучающий ремеслу, торговле, театральному искусству и т. д.); 2. «对有技艺的人的尊称» (вежливая форма обращения к человеку, обладающему каким-либо умением)¹. В лексеме 师傅 (шифу) 师 (ши) было объяснено выше, а 傅 (фу) в словаре ССКЯ определяется как: 1. «辅相» (чиновник, который помогал императору или князьям в управлении государственными делами в древнем Китае, то есть министр, премьер, канцлер); 2. «教导» (Учить); 3. «教导人的人» (человек, который учит), например 傅父 и 傅母 (пожилые пестун и пестунья, которые

воспитывали и обучали королевских детей в древние времена); 4. «附着, 使附着» (прикрепить); 5. «姓» (фамилия)². Ранний китайский иероглиф 傅 (фу) был написан как 𠄎 (𠄎)³, в составе которого выделяют три части. 1. Левая часть (сегодня пишется как 亻) означает «человек». 2. Верхняя и нижняя части справа объединены в форму 𠄎 (то есть 尊), которая буквально понимается как «посев или пересадка рассады», в словаре который имеет то же значение, что и китайские иероглифы 布 и 敷, то есть «散布, 公布, 陈述, 附着» (распространять, объявлять, излагать, прикрепить). Сочетание вышеуказанных трёх частей составляет основные значения 傅 (фу): «辅助, 教导等» (помогать, обучать и т. п.)⁴.

Первоначально 师傅 (шифу) – это собирательное название людей 师 (ши) и 傅 (фу), которые служили министрами, помогающими императору в ведении государственных дел, а также учителями принца-наследника. Пример обозначения учителя мы находим в статье «荀子·大略»: «国将兴, 必贵师而重傅, 贵师而重傅, 则法度存. 国将衰, 必贱师而轻傅, 贱师而轻傅, 则人有快; 人有快则法度坏» (Если страна планирует процветание, нужно уважать ши и ценить фу, чтобы правовая система поддерживалась и применялась. Если страна стремится к упадку, нужно презирать ши и игнорировать фу, тогда люди становятся распушенными, что приводит к разрушению правовой системы, которая теряет свою обязательную силу для людей) [16, 499页]. Как официальная должность 傅 (фу), как и 师 (ши), разделяется на 大傅 (дафу) и его помощника 少傅 (шаофу), которые так описываются: «立大傅、少傅以养之, 欲其知父子、君臣之道也» (Цель

¹ См.: 师傅 // 现代汉语词典. 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编. 7版. 北京: 商务印书馆, 2016. 1178页.

² См.: 傅 // 汉典 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zdic.net> (дата обращения: 20.02.2023).

³ См.: 傅 // 查字网 [Электронный ресурс]. URL: <http://qiyuan.chaziwang.com> (дата обращения: 20.02.2023).

⁴ См.: 人, 甫, 寸, 尊, 傅 // 汉典 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zdic.net> (дата обращения: 20.02.2023).

создания постов дафу и шаофу в обучении царевича правилами добрых отношений между отцом и сыном, а также между императором и министром, чтобы он мог жить в гармонии со своим отцом-императором [14, 93页]. Сочетание 师 (ши) и 傅 (фу) появляется в тексте: «**羈贯成童，不就师傅，父之罪也**» (Если восьмилетний ребёнок не ходит в школу, чтобы учиться у учителя, это вина его отца) [15, 137页]. Позже 师傅 (шифу) в основном использовался для обозначения человека, который обучал религии или прикладным навыкам. Приведём примеры: «**孙悟空对着唐僧双手合掌，说道：“请师傅放心，决不胡来。”**» (Сунь Укун сжал руки перед Тан Сенгом и сказал: «Пожалуйста, будьте уверены, шифу, я никогда не буду делать глупостей») [CORPUS]; «**星期日她便跑到师傅家去，一面帮助师娘干活，一面虚心的向师傅请教技术...**» (В воскресенье она поехала в дом своего учителя, помогая его жене по домашним делам, и смиренно просила у него технического совета ...) [CORPUS]. Отражена лексема 师傅 (шифу) и в пословице: «**师傅领进门，修行在个人**» (Учитель играет только направляющую роль, и учащиеся должны полагаться на свои собственные усилия, чтобы учиться и совершенствовать свои знания или навыки)¹. Теперь, номинация 师傅 (шифу) также широко используется в качестве вежливого обращения к рабочим в различных отраслях, а также к незнакомым людям, проиллюстрируем примерами: **司机师傅** (водитель), **装修师傅** (декоратор), **木匠师傅** (плотник), **工人师傅** (рабочий); «**伙房的王师傅也出来组织排队、发号**» (Шифу Ван из кухни тоже вышел, чтобы организовать очередь и выдать номера) [CORPUS], здесь в качестве 师傅 (шифу) имеется в виду «повар»; «**故事之五，是关于品茶师傅舌头的灵敏度的**» (Пятая история о чувствительности языка чайного шифу), здесь 师傅 (шифу) – «мастер» [CORPUS]; «**一位工**

人师傅马上捡起帽子...» (Рабочий-шифу сразу берёт шапку ...) [CORPUS], здесь 师傅 (шифу) обозначает «рабочего»; «**如果说声“师傅，来一斤糖”，对方会感到高兴**» (Если вы скажете: «Шифу, отвесьте мне, пожалуйста, полкилограмма сахара», адресат обрадуется) [CORPUS], здесь 师傅 (шифу) означает «хозяин или продавец магазина», который любит слышать такое вежливое обращение к себе.

Резюмируем: 1. Первые учителя были чиновниками. 2. Понятие 师傅 (шифу) содержит такие семы, как «человек с определённым умением» и «распространяющий какую-то технику». 3. Сфера употребления номинации 师傅 (шифу) определена, т. е. это вежливое обращение к человеку, обучающему технике, а также к любому незнакомому человеку с каким-то умением.

先生 (Сяньшэн) в словаре ССКЯ определяется так: 1. «**老师**» (учитель); 2. «**对知识分子和有一定身份的成年男子的尊称 (有时也尊称有身份、有声望的女性)**» (уважительное обращение к интеллигентам и взрослым мужчинам определённого статуса (иногда также к женщинам со статусом или престижем)); 3. «**称别人的丈夫或对人称自己的丈夫**» (обращение к чужому мужу или своему мужу); 4. «**<方>医生**» ((диалект) врач); 5. «**旧时称管账的人**» (наименование человека, отвечающего за счета в древности); 6. «**旧时称以说书、相面、算卦、看风水等为业的人**» (номинация человека, который в древние времена работал сказителем, физиономистом, гадальщиком, геомантом и т. д.), например, **风水先生** (господин-геомант)². В лексике 先生 (сяньшэн), морфема 先 (сянь) означает «(время или очередь) раньше, чем ...», а 生 (шэн) – «рождение», они вместе составляют буквальное значение слова 先生 (сяньшэн): «человека, кто родился раньше адресанта». Таким образом, 先生 (сяньшэн) первоначально использовалось для обозначения «отца и

¹ См.: 师 // 中华成语大典. 梅萌主编. 北京: 商务印书馆国际有限公司, 2016. 1334页.

² См.: 先生 // 现代汉语词典. 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编. 7版. 北京: 商务印书馆, 2016. 1417页.

старшего брата», это отражено в тексте: «有酒食，先生馔» (Когда есть еда и алкоголь, должно попросить отца и брата есть первыми) [15, 5页]. Позже значение этого слова было расширено для обозначения «человека, который родился раньше и знал больше, чем адресант». Когда человека величают 先生 (сяньшэном), это означает, что кто-то хочет спросить у него совета. 先生 (сяньшэн) описывается в статье «礼记·曲礼上»: «从于先生，不越路而与人言。遭先生于道，趋而进，正立拱手。先生与之言，则对；不与之言，则趋而退» (Идя вместе с сяньшэном, нельзя переходить на другую сторону дороги, чтобы поговорить с другими. Встречая сяньшэна на дороге, должно быстро подойти к нему, стоять почтительно и кланяться ему руками. Если сяньшэн говорит с тобой, то отвечаешь, если он не говорит, то отступаешь назад) [14, 1页], здесь учёный 郑玄 (Чжэн Сюань) дал толкование: «先生，老人教学者» (сяньшэн относится к педагогам, которые старше нас самих). 先生 (сяньшэн) как учитель также появляется в поздней статье «进学解»: «国子先生晨入太学，招诸生立馆下，诲之曰...» (Сяньшэн пришёл в школу Тайсюэ рано утром, позвал учеников в аудиторию и научил их...) [11, 330页], здесь 先生 (сяньшэн) используется более явно для обозначения учителя в школе.

Анализ слова 先生 (сяньшэн) позволил выявить дополнительные семы лексемы «учитель»: «интеллигент», «авторитет», «господин» и «мужчина», последняя сема связана с историческим фоном. В древнем Китае учителя в государственных или частных школах были в основном мужчинами, поэтому 先生 (сяньшэн) – это почтительное обращение к учителям, например, «在旧中国，私塾里的教书先生在惩戒学生时，可以用戒尺打其手掌。如今，若有哪位老师敢于效仿古人，他一定会受到学校的惩罚和舆论的谴责» (В древнем Китае, когда сяньшэн частной школы наказывал ученика, он мог ударить его линейкой по ладоням. В наше же время посмей учитель сделать

нечто подобное, он обязательно получит наказание от школы и общественное порицание) [ССЛ]. Но с тех пор, как женщины начали работать учителями-предметниками в конце XIX в.¹, это название также стало использоваться для учительниц, которые очень компетентны, добродетельны и пользуются уважением. Например, заголовок онлайн-статьи: «张桂梅：唯一被网友盛赞为‘先生’的女老师!» (Чжан Гуймэй – единственная учительница, которую пользователи сети высоко ценят и уважают как «Сяньшэн!»)².

Заключение

Проведённое исследование привело к следующим выводам.

1. Этимологический анализ ключевых слов 师 (ши), 老师 (лаоши), 教师 (цзяоши), 师傅 (шифу) и 先生 (сяньшэн) позволяет раскрыть представление носителя языка о данном представителе китайской культуры. Например, образец – 师 (ши), обучение (воспитание) – 教 (цзяо), распространение (знаний, техники, опыта) – 傅 (фу), опытный (эрудированный, высококвалифицированный) – 老 (лао), интеллигент (авторитет, господин) – 先生 (сяньшэн), в дальнейшем помогут нам определить сферы деятельности для поиска контекстов, необходимых для моделирования ЛКТ «учитель» согласно алгоритму.

2. Анализируя дефиниции номинаций 师 (ши), 老师 (лаоши), 教师 (цзяоши), 师傅 (шифу) и 先生 (сяньшэн), мы уточнили системообразующие признаки ЛКТ «учитель» в китайской языковой картине мира: человек / специалист, овладевший специальными теоретическими или прикладными знаниями; занимающийся обучением и воспитанием в школе или вне школы; подготавливающий профес-

¹ 章亚希. 近代中国女教师的兴起(19世纪末至1937年) [D]. 华东师范大学, 2016. 11页.

² 张桂梅: 唯一被网友盛赞为“先生”的女老师! // 知乎 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zhihu.com/tardis/sogou/art/337459751> (дата обращения: 20.02.2023).

сионалов, полезных обществу; владеющий мастерством на высоком уровне, у которого стоит учиться; образец для подражания в какой-то отрасли; эрудированный; высококвалифицированный; обладающий высоким авторитетом.

3. Контекстуальное исследование этих наименований дало нам возможность выяснить, что в китайской лингвокультуре ЛКТ «учитель» обладает

универсальным признаком – трансляция опыта в двух областях знания: теоретической и прикладной. Отношение к типу в социуме положительное, об этом свидетельствует апелляция к лексемам 老师 (лаоши) и 师傅 (шифу) с целью подчеркнуть уважительное отношение к любому собеседнику.

Дата поступления в редакцию 07.03.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Дмитриева О. А. Лингвокультурные типы России и Франции XIX века: монография. Волгоград: Перемена, 2007. 307 с.
2. Дмитриева О. А. Модельная личность в ракурсе теории лингвокультурных типов // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. 2013. № 1. С. 197–203.
3. Дмитриева О. А., Мурзинова И. А. Теория лингвокультурных типов: учебное пособие. Екатеринбург: Издательские решения, 2018. 136 с.
4. Карасик В. И., Дмитриева О. А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типы: сборник научных трудов / под ред. В. И. Карасика. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 5–25.
5. Лингвокультурные типы образовательной сферы английской и русской лингвокультур: монография / Бхатти Н. В., Захарова М. Ю., Савченко Е. П., Харитонов Е. Ю. М.: ИИУ МГОУ, 2019. 88 с.
6. Мурзинова И. А. Критерии классификации лингвокультурных типов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2021. № 6 (159). С. 114–117.
7. Сергеева Е. Н. Понятие концепта и аспекты его изучения в современной лингвистике // Вестник ВЭГУ. 2009. № 3 (41). С. 72–85.
8. Соломатина М. Н. Больше чем учитель: особенности вербализации концепта учитель в китайской лингвокультуре // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2020. № 2. С. 92–99. DOI: 10.18384/2310-712X-2020-2-92-99.
9. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово/SLOVO, 2000. 259 с.
10. 程裕祯. 中国文化要略. 4版. 北京: 外语教学与研究出版社, 2017. 462页.
11. 韩昌黎全集. (唐)韩愈著. 北京: 北京燕山出版社, 1996. 1046页.
12. 三字经. 李凯, 干璐娜编注. 上海: 上海财经大学出版社, 2018. 287页.
13. 史记. 胡怀琛, 庄适, 叶绍钧选注; 马乾, 周艳红校订. 北京: 商务印书馆, 2018. 396页.
14. 文白对照十三经(上册). 许嘉璐主编. 广州: 广东教育出版社, 1995. 1047页.
15. 文白对照十三经(下册). 许嘉璐主编. 广州: 广东教育出版社, 1995. 1090页.
16. 荀子. 方达评注. 北京: 商务印书馆, 2016. 555页.
17. 扬子法言. (汉)扬雄著; (晋)李轨, (唐)柳宗元注. 北京: 中国书店, 2018. 325页.

REFERENCES

1. Dmitrieva O. A. *Lingvokulturnyye tipazhi Rossii i Frantsii XIX veka* [Linguocultural types of Russia and France of the 19th century]. Volgograd, Peremena Publ., 2007. 307 p.
2. Dmitrieva O. A. [The model personality in a foreshortening of the theory of linguocultural types]. In: *Aktualnyye problemy germanistiki, romanistiki i rusistiki* [Actual problems of German studies, novelistic studies and Russian studies], 2013, no. 1, pp. 197–203.
3. Dmitrieva O. A., Murzinova I. A. *Teoriya lingvokulturnykh tipazhey* [Theory of linguocultural types]. Yekaterinburg, Izdatel'skiye resheniya Publ., 2018. 136 p.
4. Karasik V. I., Dmitriyeva O. A. [Linguocultural type: to the definition of the concept]. In: *Aksiologicheskaya lingvistika: lingvokul'turnyye tipazhi* [Axiological linguistics: linguocultural types]. Volgograd, Paradigma Publ., 2005, pp. 5–25.

5. Bkhatti N. V., Zakharova M. Yu., Savchenko E. P., Kharitonova E. Yu. *Lingvokulturnyye tipazhi obrazovatel'noy sfery angliyskoy i russkoy lingvokul'tur* [Linguocultural types of the educational sphere of English and Russian linguistic cultures] Moscow, Ed. Office of Moscow Region State University, 2019. 88 p.
6. Murzinova I. A. [The criteria of the classification of linguocultural personality types]. In: *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], 2021, no. 6 (159), pp. 114–117.
7. Sergeyeva E. N. [The notion of concept and aspects of its studies in modern linguistics]. In: *Vestnik VEGU* [Vestnik VEGU], 2009, no. 3 (41), pp. 72–85.
8. Solomatina M. N. [More than a teacher: peculiarities of language representation of concept “teacher” in Chinese linguoculture]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2020, no. 2, pp. 92–99. DOI: 10.18384/2310-712X-2020-2-92-99.
9. Ter-Minasova S. G. *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Language and intercultural communication]. Moscow, SLOVO Publ., 2000. 259 p.
10. 程裕祯. 中国文化要略. 4版. 北京: 外语教学与研究出版社, 2017. 462页.
11. 韩昌黎全集. (唐)韩愈著. 北京: 北京燕山出版社, 1996. 1046页.
12. 三字经. 李凯, 干璐娜编注. 上海: 上海财经大学出版社, 2018. 287页.
13. 史记. 胡怀琛, 庄适, 叶绍钧选注; 马乾, 周艳红校订. 北京: 商务印书馆, 2018. 396页.
14. 文白对照十三经(上册). 许嘉璐主编. 广州: 广东教育出版社, 1995. 1047页.
15. 文白对照十三经(下册). 许嘉璐主编. 广州: 广东教育出版社, 1995. 1090页.
16. 荀子. 方达评注. 北京: 商务印书馆, 2016. 555页.
17. 扬子法言. (汉)扬雄著; (晋)李轨, (唐)柳宗元注. 北京: 中国书店, 2018. 325页.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ma Liya – аспирант кафедры английского языка Волгоградского государственного социально-педагогического университета;
e-mail: mly616@qq.com.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Liya Ma – Postgraduate Student, Department of English, Volgograd State Socio-Pedagogical University;
e-mail: mly616@qq.com.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ma Л. Понятийная составляющая лингвокультурного типажа «учитель» в китайском языке // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 1. С. 52–64.
DOI: 10.18384/2949-5075-2024-1-52-64

FOR CITATION

Ma L. The conceptual component of the linguocultural type “teacher” in Chinese. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2024, no. 1, pp. 52–64.
DOI: 10.18384/2949-5075-2024-1-52-64

УДК 81.42

DOI: 10.18384/2949-5075-2024-1-65-80

ОСОБЕННОСТИ ПЕДИАТРИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Маджаева С. И., Башкина О. А., Гречухина З. Р.

*Астраханский государственный медицинский университет
414000, г. Астрахань, ул. Бакинская, д. 121, Российская Федерация*

Аннотация

Цель данной работы заключается в выявлении языковых особенностей педиатрического дискурса с помощью включённого наблюдения.

Процедура и методы. Авторами проанализирован корпус скриптов бесед педиатра с ребёнком и его родителями. Осуществлены наблюдения за речью врача, его умением правильно собирать анамнез, используя тактику общения с ребёнком и его родителями. При проведении исследования применены методы наблюдения, обобщения, интерпретации и систематизации языкового материала, дискурсивный анализ. В соответствии с поставленной целью применялся метод коммуникативно-прагматического анализа профессиональной речи.

Результаты. Проведённый анализ показал некоторые отличия дискурса педиатра от дискурса «взрослого» врача, а именно: использование уменьшительно-ласкательных суффиксов, жестов, игровых приёмов. На основании изучения скриптов бесед установлены особенности педиатрического дискурса, в том числе персонализация, диалогичность. Выявлено, что педиатр должен обладать развитыми лексическими навыками и речевыми способностями, вербальным мышлением, уметь использовать коммуникативные тактики и стратегии для установления и поддержания контактов с ребёнком и его родителями.

Теоретическая и практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в развитие теории медицинского дискурса и дискурс-анализа.

Ключевые слова: педиатрический дискурс, коммуникация, фрейм, термин, медицинский термин, стратегия, тактика

FEATURES OF PEDIATRIC DISCOURSE

S. Madzhaeva, O. Bashkina, Z. Grechukhina

*Astrakhan State Medical University
ulitsa Bakinskaja 121, Astrakhan 414000, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify the features of pediatric discourse by means of overt observation.

Methodology. The authors analyzed the corpus of scripts of a pediatrician's conversations with a child and his parents. Observations of the doctor's speech, his ability to correctly collect anamnesis using communication tactics with the child and his parents were carried out. Methods of observation, generalization, interpretation and systematization of linguistic material, discursive analysis were used in the research. In accordance with the task, the method of communicative and pragmatic analysis of professional speech was used.

Results. The conducted analysis revealed some differences between the discourse of a pediatrician and the discourse of an "adult" doctor, namely, the use of diminutive suffixes, gestures, and

game techniques. Based on the study of conversation scripts, the features of pediatric discourse are established, namely, personalization, dialogicity. It was revealed that the pediatrician should have developed lexical skills, speech abilities and verbal thinking, be able to use communicative tactics and strategies to establish and maintain contacts with children and their parents.

Research implications. The results of the study contribute to the development of medical discourse and discourse analysis.

Keywords: pediatric discourse, communication, frame, term, medical term, strategy, tactics

Введение

Объектом изучения одного из современных направлений терминоведческой науки – коммуникативного терминоведения – является дискурс, «представляющий собой вербально опосредованную деятельность в специальной сфере, в которой происходит развитие профессиональной языковой личности» [14, с. 40].

Дискурс определяется как коммуникационное взаимодействие/событие, состоящее из трёх этапов: использование языка, передача идей и взаимодействие в социальных ситуациях [19, р. 10]. Под термином *дискурс* понимается и «сам динамический процесс языковой деятельности, включенный в социальный контекст и результат этой деятельности, то есть текст» [8, с. 767]. Лингвистический энциклопедический словарь также трактует дискурс как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими (прагматическими, социокультурными, психологическими и др.) факторами»¹. По мнению известного когнитолога Е. С. Кубряковой, «дискурс – явление когнитивное, т. е. имеющее дело с передачей знаний, с оперированием знаниями особого рода и, главное, с содержанием новых знаний» [9, с. 12].

Мы придерживаемся мнения Л. В. Цуриковой, согласно которому «наиболее адекватной единицей дискурса сегодня считается дискурсивное (речевое) событие, рассматриваемое как совокупность коммуникативно значимых прагматических когерентных речевых актов, направ-

ленных на достижение общей коммуникативной цели» [18, с. 100].

Развитие науки и техники, рост контактов в научной сфере расширили границы исследования дискурса в целом и медицинского дискурса в частности. Медицинский дискурс можно назвать междисциплинарным, поскольку медицина находится в постоянной связи со знаниями дискурсов таких наук, как психология, юриспруденция, физика, химия, компьютерная диагностика, биология, философия, экономика, космонавтика и др.

Медицинскому дискурсу посвящены работы многих учёных [см. 2; 3; 6; 13; 14 и др.], которые предлагают различные классификации коммуникативных стратегий и тактик, доказывая, что важным фактором успешного лечения является эффективное коммуникативное взаимодействие в процессе оказания медицинской помощи. Другими словами, «медицинский дискурс – совокупность вербальных и невербальных структур, обладающих определёнными прагматическими особенностями и функционирующих в медицинской среде для реализации функций лечения и профилактики» [10, с. 43]. Анализ работ показал, что медицинский дискурс имеет такие особенности, как социальная ориентированность, взаимосвязь экстра- и интралингвистических факторов, особая роль адресата и адресанта, а также учёт коммуникации при исследовании дискурса.

Определение понятия «педиатрический дискурс»

В данной статье анализируется педиатрический дискурс как часть медицинского, являющийся актом рече-

¹ Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / отв. ред. В. Н. Ярцева. М: Советская энциклопедия, 1990. С. 136.

мышления, включающим в себя процесс ввода знаний о детских заболеваниях, явлениях, с ними связанных, их свойствах и качествах. Это – дискурсивное событие с участием конкретных специалистов (врач – ребёнок/представители, врач – врач, врач – медсестра), с использованием определённых речевых актов (слов, диалогов/монологов) для специальных целей.

Педиатрический дискурс представляет собой текст/речь педиатра на медицинскую тематику в процессе его профессиональной деятельности. В ходе дискурс-анализа можно получить представление о поведении врача, его речемышлении, терминосфере, особенностях использования специальных лексических единиц.

Профессия «педиатр» – одна из самых сложных и ответственных. Это обусловлено взаимодействием с самыми маленькими, уязвимыми и ранимыми пациентами – детьми разного возраста, от малышей, ещё не умеющих говорить или ясно высказать своё мнение, до подростков, в становлении которых немаловажную роль играет и педиатр, обеспечивающий условия для нормального развития ребёнка.

Цель статьи – дать представление об особенностях педиатрического дискурса. Предметом исследования является выявление основных характеристик педиатрического дискурса. Материалом послужили скрипты бесед педиатра с детьми/родителями во время приёма врача-педиатра, зафиксированные в детских поликлиниках г. Астрахань (всего 138 речевых актов).

Основным **методом исследования** является метод системного научного описания, представленный приёмами включённого и скрытого наблюдения, обобщения, интерпретации и систематизации языкового материала. В соответствии с поставленной целью применялся метод коммуникативно-прагматического анализа профессиональной речи, позво-

ляющий выявить, как речь врача оказывает воздействие на пациента, влияя на адекватность восприятия им назначенного лечения и на процесс оздоровления в целом.

Гипотеза исследования: педиатрический дискурс отражает психологическую, профессиональную, языковую характеристики врача-педиатра. Изучение особенностей педиатрического дискурса предоставляет возможность показать языковой портрет педиатра, обнаружить наиболее эффективные способы речевого воздействия на пациента, стратегии и тактики, используемые им в процессе общения.

Коммуникативное пространство педиатра

Особенность работы педиатра заключается в том, что он общается с детьми, которые зачастую боятся медицинских работников, поскольку врач ассоциируется с болью, страхом, тревогой и другими негативными чувствами и эмоциями. В связи с этим детскому врачу необходимо создать особую положительно-эмотивную коммуникативную среду, от которой зависит эффективность лечения.

В педиатрии коммуникация врача с маленьким пациентом и его родителями/законными представителями имеет большое значение; между всеми участниками общения возникает коммуникативное пространство, которое будет состоять из терминов, профессионализмов, слов общелитературного языка. Наполнение данного пространства включает лексику, характеризующую и отражающую следующие виды деятельности педиатра: постановка диагноза, лечение заболевания и обеспечение условий для дальнейшего гармоничного физического и нейропсихического развития пациента. Целью же общения врача с ребёнком/родителем является оказание квалифицированной помощи ребёнку.

Положительно наполненное коммуникативное пространство составляет ос-

нову терапевтического эффекта. Коммуникация педиатра с ребёнком/родителем характеризуется двунаправленностью. От хорошо организованного общения (правильно выстроенного поведения и ясной речи врача) зависит адекватность восприятия поставленного им диагноза, предписаний и назначений для дальнейшего лечения адресатами коммуникации – ребёнком/родителем.

Приведём пример. К доктору пришёл малыш, 3 года.

Врач (далее – Вр.): *Ванечка! Что болит?*

Ребёнок молчит. Мать вступает в диалог с врачом.

Мать (далее – М.): *У него вчера была температура, 38.*

Вр.: *А почему температура у нас? Холодное ел? Т-а-а-а-к! Горлышко посмотрим! Немного красное! Бегал, потел?* – обращение к матери. Мать молчит.

Вр.: *Диарея, рвота?*

М.: *Не было.*

В вышеприведённом примере коммуникативное пространство врача и матери состоит из следующих фрагментов:

а) непознанное в картине мира ребёнка, матери и врача (*Почему температура?*);

б) контекст содержания изменяется (*бегал, потел*);

в) замена содержания дополнительными симптомами (*диарея, рвота*).

Далее коммуникативное пространство заполняется аргументированными высказываниями, являющимися медицинскими доводами (профессиональные знания врача).

Вр.: *Я не слышу хрипов. У него дыхание спокойное, я не вижу сопутствующих симптомов, в садике нет больных детей, он (Ванечка) сегодня весел.*

Эти убеждения запускают когнитивные механизмы: пояснения примером. На языковом уровне эти механизмы реализуются не только текстом, но и повторением личных местоимений: *я, он, у него*.

Воздействующий потенциал коммуникативного пространства обеспечивается убеждённостью врача, ясностью вопросов, доводов и эмоциональностью (*улыбка, сочувствие, поглаживание ребёнка по голове*).

Суггестивный потенциал заключается в повторении лексики, а также ключевого высказывания «*Нет у него ничего страшного. Но, понаблюдать надо*».

Лексика, которую использует врач-педиатр при уточнении жалоб, сбора анамнеза, физикального осмотра, диагностики, направлении к узкому специалисту, заполняет коммуникативное пространство врача-педиатра.

Экстралингвистические характеристики педиатрического дискурса

В процессе исследования было выявлено, что экстралингвистические характеристики педиатрического дискурса оказывают влияние на выбор средств и способов коммуникации. Обратимся к ним.

1. Работа педиатра основана на полученных в вузе знаниях. Студенты педиатрического факультета наряду с изучением способов диагностики и лечения, общих вопросов медицины получают знания об особенностях течения физиологических и патологических процессов у ребёнка, проявлениях болезни, тактике лечения в зависимости от возрастно-половых особенностей, умении вести беседу с ребёнком/родителем.

2. Необходимость учитывать отношение родителей к здоровью ребёнка. Не всегда родители хотят лечить согласно рекомендациям врача, они не закачивают ребёнка, не занимаются профилактикой и выступают против вакцинации. Поэтому детскому врачу часто приходится бороться с осложнениями заболеваний, связанными с самолечением.

3. Сложность общения с детьми, например, когда маленькие дети не могут говорить, описать своё самочувствие,

спросить, показать своё отношение к осмотру. Многие боятся врачей, плачут, закрываются.

4. Непрофессиональная оценка ситуации родителями, проблемы взаимодействия с ними.

5. Необходимость учёта психических особенностей ребёнка. Использование современных технических устройств, которые могут привести к задержке психоэмоционального и умственного развития ребёнка.

Главным участником педиатрического дискурса является детский врач, который одновременно может рассматриваться как языковая личность, представляющая собой «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), различающихся степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, а также определённой целенаправленностью» [7, с. 3].

Нельзя не согласиться с Т. В. Недуревой и Л. Е. Павловой в том, что общение педиатра и ребёнка/родителя – это многоступенчатый и многосторонний процесс, включающий следующие виды коммуникативного взаимодействия:

- взаимодействие по поводу ухода за новорождённым, оценивание физического и психического развития;

- взаимодействие по поводу вакцинации;

- взаимодействие по сбору анамнеза при заболевании;

- взаимодействие по поводу установления диагноза и лечения ребёнка;

- взаимодействие по поводу проведения профилактических мероприятий [15, с. 35].

Все виды коммуникативного взаимодействия связаны между собой и предполагают реализацию врачом целого комплекса коммуникативных стратегий и тактик (сближение, сбор информации, внушение, объяснение и т. д.), в ходе которых он использует различные комму-

никативные средства (как вербальные, так и невербальные), составляющие в целом дискурс врача-педиатра.

Взаимодействие по поводу ухода за новорождённым включает тактику объяснения, разъяснения, убеждения, рекомендации. В основном это профилактические беседы, в которых используются повествовательные предложения.

Вр.: *Ваш ребёнок здоров. Желтушность связана с билирубином. Так у детей бывает. Пройдёт скоро. Что касается пуповины, то она самостоятельно отпадёт через три недели. Вам надо содержать пуповину сухой и чистой.*

Взаимодействие по поводу вакцинации характеризуется следующими тактиками: описание, объяснение, внушение, повествование.

Вр.: *Необходимо сделать прививку.*

Родитель (далее – Р.): *Зачем? Он не болеет, никогда не болел гриппом! Сейчас же не сезон!*

Вр.: *С прививкой Ваш ребёнок защищён. Прививка снижает риск заражения гриппом. В организме происходит выработка защитных антител, стимулирующих иммунную систему для борьбы с инфекцией. Советую вакцинироваться.*

Взаимодействие по сбору анамнеза с целью постановки диагноза. Часто дети не могут объяснить своё состояние, высказать свою мысль. Врач при помощи наводящих вопросов старается выяснить причину заболевания и симптомы. На данном этапе применяется тактика запроса информации, чтобы точно поставить диагноз. Врач-педиатр использует в речи различные виды вопросительных предложений: встречные вопросы, вопросы-повторы. Также отмечаются императивные предложения.

Вр.: *Ну-ка, покашлий. Не хочешь кашлять? Т-а-а-к, хрипы есть. Голова болит? Горлышко покажи. Болит горло? Больно глотать?* (ребёнок не реагирует на вопросы, прячется за маму).

Взаимодействие по поводу диагноза и лечения ребёнка включает различные

типы вопросов, восклицания, повторы реплик, междометия, филлеры и т. д. Врач использует тактику внушения.

Вр.: *Так сопелек нет? Нет сопелек?* (повтор)

Вр.: *Немного подышим, и не будет кашля! Подышим? Надо дышать! Вылечишься и будешь гулять с друзьями.*

Для **взаимодействия по поводу про-филактических мероприятий** используются повествовательные предложения и тактика объяснения.

Р.: *Продолжает кашлять. Дышим, делаем ингаляцию с лазолваном. После неё ещё больше кашляет.*

Вр.: *Да, так бывает. Делайте массаж, похлопывайте, разминайте. Делайте хорошо ингаляцию. Она поможет вывести мокроту, не проводите ингаляцию вечером. Ночью может усилиться кашель из-за муколитического действия препарата. Нарушится сон, Анечка будет чувствовать себя хуже.*

Из вышеприведённых примеров скриптов видно, что врач-педиатр как языковая личность применяет в общении различные стратегии и тактики воздействия на адресатов коммуникации (ребёнка и родителя/законного представителя). Рассмотрим их более подробно.

Коммуникативные стратегии и тактики педиатрического дискурса

В коммуникации педиатр↔ребёнок↔родитель часто используется стратегия «развёрнутое согласие», которая может быть реализована в следующих тактиках: убеждение, информирование, объяснение. Например:

– «мы вынуждены провести такое исследование» – ссылка на то, что появилась объективная необходимость проведения обследования;

– «да, надо будет сдать кровь, пройти другое обследование, выяснить, почему он кашляет».

Врач даёт объяснение необходимости такого исследования объективными причинами (эффективностью, наличием до-

полнительных услуг, выявлением новых признаков болезни и правильной постановкой диагноза и др.).

Например: «*Чего это ты вдруг начал кашлять? Мороженное ел? Любишь мороженное? Д-а-а-а, оно вкусное, но много его нельзя есть. Не будешь много есть?*»

В данной коммуникативной ситуации наблюдается развёрнутое согласие, то есть признание факта и объяснение (*Люблю, оно вкусное*).

Врач слушает внимательно как ребёнка, так и родителя. Иногда останавливает их. Пишет, снова воспроизводит анамнез, как бы прислушиваясь к написанному.

Вр.: *Ариша капала что-нибудь в нос? Нет. Давайте спросим у неё!*

Р.: *Врач (ЛОП) не велел ничего капать. Даже сегодня, она не могла дышать, но не капала.*

Ариша: *Я капнула ... немного ..., но капнула.*

Вр.: *Вот они (капли) и дали такой результат. Они гормональные, поэтому могут вызвать кровотечение.*

Выяснив причину кровотечения из носа (капли), врач объясняет матери целесообразность применения данных капель.

При коммуникации врач↔ребёнок↔родитель всегда присутствует инструктор, который отличается «мягкостью». Врач использует «мягкие» формы директивных высказываний, тон врача другой, нежели у «взрослых» врачей.

Следующей стратегией является внушение, направленное на успокоение и ребёнка, и родителя. Врач использует тактику поощрения:

Вр.: *Вот какой молодец Амирчик. Он уже не боится. Так? Ребёнок кивает.*

Вр.: *Покажи ногу. Вот, молодец, а где у нас левая нога? В-о-о-о-т, молодец. Сейчас я её посмотрю. Не болит? Вот видишь, как хорошо.*

Созданию комфортного психологического состояния у ребёнка способствует применение эмпатии: сочувствия, утешения, комплимента. Под *эмпатией* мы

понимаем способность врача показать пациенту своё сочувствие и понимание, умение оценить ситуацию, в которой оказался ребёнок.

Эффективность восприятия лексических средств, выражающих эмпатию, повышает просодическое оформление речи педиатра: тембр голоса, замедленный темп речи, акцент на определённых словах. Всё это оказывает воздействие на ребёнка, привлекает его внимание, побуждает вслушиваться, отвлекает от неприятных для ребёнка действий. Педиатр использует уменьшительно-ласкательные имена собственные (*Ариша, Амиричик*) и слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами (*уколычик, зубчик, сердечко, ушки, горлышко* и др.).

Эмоциональный контакт необходим и для постановки правильного диагноза, сбора анамнеза. Он может быть как положительным, так и отрицательным, от первого эмоционального контакта зависит, насколько успешной или неуспешной будет дальнейшая коммуникация врача и пациента/родителя. Передача информации должна входить в намерение обоих собеседников. И врач, и ребёнок/родитель/законный представитель должны понимать какова цель их взаимодействия. Они осознанно, рационально, целенаправленно обмениваются информацией, строят свою коммуникацию, устанавливают эмоциональный контакт и обратную связь. Информационное сообщение в процессе общения должно быть адресовано конкретному собеседнику, конкретной аудитории.

Например, в разговоре с подростком педиатр даёт информацию о его физиологическом развитии, особенностях его растущего и формирующегося организма. При этом используется персональный нарратив, деловой разговор.

Вр.: *«Давай поговорим серьёзно. Человечек растёт всегда, а в твоём возрасте очень быстро, и сердце не успевает расти и работать со всем организмом. Поэтому*

у тебя появляется одышка, не надо торопиться. Всё пройдёт».

Врачу иногда трудно вести беседу с подростком, особенно если проблемы связаны с половым созреванием. Поэтому врач рассказывает определённую историю, чтобы добиться от ребёнка ответов на вопросы. В данном случае врачу необходимо умение тактично раскрыть ребёнку особенности его пола, недомоганий с этим связанных, предостеречь от пагубных привычек, наносящих вред здоровью.

Таким образом, коммуникация педиатра отличается от дискурса «взрослого врача». Терапевт или врач общей практики, лечащий взрослого пациента, задаёт конкретные вопросы, требующие лаконичного ответа – «да», «нет». В то время как педиатр задаёт такие вопросы, чтобы можно было понять причину заболевания. Например: *«Вы кормили ребёнка? – Да».* Этот ответ ничего не даёт детскому врачу в плане информации. Педиатр задаёт наводящие вопросы: *«Чем кормили? Как кормили, в каком виде?»* – и так далее.

Вр. (обращается к ребёнку): *Ариша, ничего не капала в нос? Ты же сказала, что не могла дышать, дышала ртом.*

Ариша: *Капнула, утром.*

Вр.: *Сколько капель, сколько раз?*

Анализ скриптов также показал функционирование в коммуникативной ситуации тактики ухода от ответа со стороны врача. Например:

Род.: *А почему кровь идёт? Почему?*

Врач молчит, уходит от ответа, так как он ещё не знает причин кровотечения.

Лингвистический анализ скриптов показал, что педиатрическому дискурсу свойственна модальность, которая характеризует: во-первых, отношение говорящего к содержанию высказывания; во-вторых, высказывание (речевой акт) по иллокутивной силе, то есть выражает коммуникативную цель говорящего (в нашем случае врача-педиатра). При осуществлении речевого акта педиатр как языковая личность, обладающая соответствующей коммуникативной компе-

тенцией, использует для его оформления такие языковые средства, которые специально предназначены языковой системой для передачи соответствующего коммуникативного значения.

Иллокутивная сила высказываний (утверждение, побуждение, вопрос) выражается на *синтаксическом уровне* соответственной синтаксической формой предложения (повествовательное, побудительное, вопросительное). Например:

Ночью может усиливаться кашель из-за муколитического действия препарата. – Речевой акт **объяснение** (утверждение) выражается повествовательным предложением. Не редко используется приём *персональный нарратив* (о персональном нарративе см. ниже).

Болит горло? Больно глотать? – Речевой акт **запрос информации** осуществляется в форме вопросительного предложения. Чаще всего это вопросы закрытого типа, которые требуют односложных ответов (*да/нет, болит* и т. п.). Такие вопросы используются в том случае, когда адресанту (в нашем случае врачу-педиатру) необходимо получить достаточный объём информации за короткое время (время приёма врача ограничено);

Надо дышать! – Речевой акт **внушение, убеждение** (побуждение к действию) в виде побудительного предложения.

На *лексическом уровне* отмечено:

– использование предикативов – лексических средств, выражающих необходимость. Например: *Надо содержать пуповину сухой и чистой. Необходимо сделать прививку; Тебе необходимо пить грудной сбор. Надо бы посетить аллерголога.*

– использование уменьшительно-ласкательных имён собственных и слов в уменьшительно-ласкательной форме, например: *Ариша, ничего не капала в нос? Вот какой молодец Амирчик. Нет сопелек?*

На *лексико-грамматическом уровне*:

а) речевой акт **совет** – выявлено употребление перформативных предложе-

ний с директивными глаголами (глаголы побуждения типа *предлагать, советовать* и т. п.) в форме 1-го лица настоящего времени. Согласно Е. В. Падучевой, «это предложения, повествовательные по форме, но обладающие тем свойством, что построенное с их участием высказывание не описывает соответствующее действие, а равносильно самому его осуществлению»¹. Например: *Советую вакцинироваться* – совет; *Рекомендую пить грудной сбор; Советую проконсультироваться у лора.*

б) речевой акт **предложение, рекомендация** (побуждение к действию) может выражаться:

– конструкцией с *давай/давайте*, с формами глагола в 1-м лице настоящего или будущего времени в гортативном значении (говорящий своим высказыванием каузирует адресата совершить действие, и сам также высказывает намерение совершить заданное действие) и со специальной формой совместного действия на *те-* (см. императивный иллокутивный тип в материале Е. В. Падучевой «Модальность»²) например: *Давай поговорим серьёзно! Давайте спросим у неё! Давай послушаю тебя, давай-ка откроем ротик; Давайте подышим.*

– вопросительным предложением с глагольной формой 1-го лица множественного числа³, например: *Подышим?*

– высказыванием с глаголом в императиве, например: *Делайте массаж, хлопывайте, разминайте.*

На *стилистическом уровне* отмечено использование врачом-педиатром такого стилистического приёма, как лекси-

¹ См.: Падучева Е. В. Модальность [Электронный ресурс] // Русская корпусная грамматика: [сайт]. URL: <http://rusgram.ru/Модальность> (дата обращения: 21.07.2023).

² Там же.

³ О вопросительной иллокутивности и о вопросах, выражающих побуждение также см.: Падучева Е. В. Модальность [Электронный ресурс] // Русская корпусная грамматика: [сайт]. URL: <http://rusgram.ru/Модальность> (дата обращения: 21.07.2023).

ческий повтор (повторение слова или речевой конструкции), что придаёт речи эмоциональную окраску, например:

– *Т-а-а-к, сопелек нет? Нет сопелек?*;

– *Вот какой молодец Амирчик. Он уже не боится. Так? Покажи ногу. Вот, молодец, а где у нас левая нога? В-о-о-о-т, молодец.*

На интонационном уровне из просодических средств часто встречается такой звуковой приём, как растягивание гласных в словах, например:

– *Т-а-а-к, хрипы есть. В-о-о-о-т, молодец. Д-а-а-а, оно вкусное (мороженое), но много его нельзя есть.*

В ходе анализа было также выявлено использование врачом-педиатром монологических высказываний, представляющих собой элементы *персонального нарратива* (*нарративного дискурса*).

О. А. Обдалова и З. Н. Левашкина, опираясь на мнение ряда исследователей, говорят о корреляции терминов *дискурс* и *нарратив*: «Дискурс – это форма протекания коммуникации, а нарратив, основной повествовательной единицей которого является событие, – это то, как протекает коммуникация» [16, с. 336]. Поскольку дискурс, согласно О. А. Обдаловой и З. Н. Левашкиной, представляет собой «процесс осуществления коммуникативных намерений говорящего» (в нашем случае педиатра) и «интерпретации речевых высказываний слушающими» (ребёнок / родитель / законный представитель) в конкретной речевой ситуации, то «нарративный дискурс выступает в виде построенного по определённому образцу (схеме, фрейму) комплексного речевого действия» [16, с. 340].

Персональный нарратив в нашем исследовании – это создание говорящим (педиатром) с определённой целью монологического высказывания (например, в виде доверительной беседы с подростком/родителем), в котором он исходит из своих представлений о субъекте (пациенте) и событии (болезни) и закладывает в речь интерпретацию своего опыта с учё-

том языковых, социокультурных, профессиональных знаний. Например: «*Давай поговорим серьёзно! Человек растёт всегда, а в твоём возрасте очень быстро, и сердце не успевает расти и работать со всем организмом. Поэтому у тебя появляется одышка, не надо торопиться. Всё пройдёт.*

Таким образом, для достижения коммуникативной цели врач-педиатр применяет ту или иную дискурсивную стратегию (тактику), в зависимости от которой в речи используются различные типы предложений, лексико-стилистические, грамматические и интонационные (просодические) средства, представленные в табл. 1.

Таким образом, табл. 1 иллюстрирует реализацию стратегий и тактик врача-педиатра в общении с ребёнком/представителем и указывает на его профессиональную компетенцию, содержащуюся в них, характеризуя врача как «носителя профессиональной культуры» [11, с. 228].

Функционирование медицинских терминов в педиатрическом дискурсе

«В процессе речемыслительной деятельности педиатр актуализирует не только общеупотребительные слова, но и специальную медицинскую лексику, базирующуюся на профессиональных знаниях и умениях» [11, с. 148]. Следовательно, коммуникативное пространство врача не может существовать без медицинских терминов. Терминологическое пространство врача детерминировано его знаниями, профессиональным опытом. В педиатрическом дискурсе функционируют как общемедицинские термины, так и узкоспециальные. Это подтверждает мнение «что медицинский язык для специальных целей используется в общении профессионалов (врач – врач) и в общении профессионала с непрофессионалом (врач – пациент) и включает не только официальную лексику, но и просторечие, и сленг» [цит. 17, с. 112]. Основные понятия, с которыми приходится сталкиваться педиатру – это названия болезней, их

Таблица 1 / Table 1

Дискурсивные стратегии (коммуникативные тактики) и средства их реализации /
Discursive strategies (communication tactics) and the means of their implementation

Дискурсивная стратегия (коммуникативная тактика)	Тип предложения	Лексико-стилистические, грамматические и интонационные (просодические) средства
Объяснение, разъяснение, «развёрнутое согласие»	Повествовательные предложения	<i>Не проводите ингаляцию вечером. Ночью может усилиться кашель из-за муколитического действия препарата</i> (монологическое высказывание). Необходимо сделать прививку; Надо содержать пуговину сухой и чистой (модальные слова). <i>Д-а-а-а, оно вкусное</i> (интонационное растягивание гласных в словах)
Совет, рекомендация	Повествовательные предложения	а) глагол в императиве (глагольные формы 2-го лица, мн. ч.): Делайте массаж, похлопывайте, разминайте; б) глагол в императиве (глагольные формы 1-го лица, мн. ч.): Дышим, делаем ингаляцию с лазолваном; в) перформативное предложение: Советую вакцинироваться.
Поощрение	Повествовательные предложения	В-о-о-о-т, молодец (интонационное растягивание гласных в словах); <i>Вот какой молодец Амирчик</i> (уменьшительно-ласкательное имя собственное).
Персональный нарратив	Повествовательные предложения	<i>Давай поговорим серьёзно! Человек растёт всегда, а в твоём возрасте очень быстро, и сердце не успевает расти и работать со всем организмом. Поэтому у тебя появляется одышка, не надо торопиться. Всё пройдёт</i> (монологическое высказывание).
Запрос информации	Вопросительные предложения	а) <i>Болит горло? Больно глотать?</i> (вопрос закрытого типа); б) <i>Подышим?</i> (глагол 1-го лица, мн. ч.); в) <i>Сколько капель, сколько раз?</i> (повтор); <i>Так сопелек нет? Нет сопелек?</i> (повтор).
Убеждение, внушение	Восклицательные предложения	Надо дышать! (предикативный глагол); <i>Давай поговорим серьёзно! Давайте спросим!</i> (конструкция с <i>давай/давайте</i>)

Источник: составлено авторами.

симптомы, признаки, способы лечения: ОРВИ, бронхит, пневмония, коклюш, скарлатина, краснуха, ветряная оспа (ветрянка), острые кишечные инфекции, глистные инвазии, пневмококковая и менингококковая инфекции, аллергия, бронхиальная астма, крапивница, атопический дерматит, рентген, флюорография, физиотерапия и др.

Каждое понятие имеет своё когнитивно-дискурсивное пространство, в котором функционируют термины, передающие определённую информацию, заложенную в них. Например: *иммунитет – способность организма сопротивляться инфекции, возникающая в результате присутствия циркулирующих в крови антител и белых клеток крови. Иммунизация – процесс создания иммунитета с помощью искусственных мер*¹. Или *корь – остроинфекционное вирусное заболевание*². Следовательно, нельзя не сказать о дефиниции термина, которая отражает знание специалиста-медика. Например, термин *краснуха – вирусная инфекция, вызывающая увеличение шейных лимфатических узлов и распространённую по всему телу розовую сыпь*³ – воспроизводит в сознании врача особенности данного заболевания – *вирусная инфекция, розовая сыпь, увеличение лимфатических узлов, именно в определённом месте – шее*.

Использование в речи медицинских терминов предполагает сохранение и передачу специальных знаний, связанных с мышлением врача-педиатра. Ценность терминов заключается в репрезентации опыта врача как языковой личности. Термин как когнитивно-дискурсивная единица «задаёт программу деятельности и поведения» [1], так как в нём заложена

связь профессионального знания и профессиональной деятельности.

С помощью медицинского термина врач создаёт специальное знание, следовательно, можно говорить о том, что он (термин) выстраивает собственную мыслительную деятельность, поведение, а в соответствии с ними – и речь [4].

Анализ скриптов бесед педиатра с маленькими пациентами / родителями / законными представителями показал, что детский врач употребляет в своей речи достаточно большое количество профессиональных и общенаучных терминов в ходе различных коммуникативных взаимодействий. Например:

Прививка снижает риск заражения гриппом. В организме происходит выработка защитных антител, стимулирующих иммунную систему для борьбы с инфекцией. Советую вакцинироваться.

Делайте хорошо ингаляцию. Она может вывести мокроту, не проводите ингаляцию вечером. Ночью может усилиться кашель из-за муколитического действия препарата.

Дышим, делаем ингаляцию с лазолваном.

Вот они (капли) и дали такой результат. Они гормональные, поэтому могут вызвать кровотечение.

Анализ скриптов бесед выявил наиболее частотные, в нашем случае, термины (см. табл. 2).

Использование медицинских терминов в речи врача-педиатра способствует расширению коммуникативного взаимодействия между педиатром и больным. Главная роль терминов в педиатрическом дискурсе – «быть инструментом теоретического познания» [5, с. 40]. Можно подтвердить суждение С. И. Маджаевой о том, что термины содержат в себе определённую когнитивно-дискурсивную нагрузку, при помощи терминов педиатр сообщает информацию, доказывает свои мысли, обосновывает и резюмирует их [11, с. 151].

¹ Большой толковый медицинский словарь: Oxford / пер. с англ.; под ред. Г. Л. Билича. М.: Вече, 2001. Т. 1. А–М. С. 356–357.

² Большой толковый медицинский словарь: Oxford / пер. с англ.; под ред. Г. Л. Билича. М.: Вече, 2001. Т. 1. А–М. С. 452.

³ Там же.

Таблица 2 / Table 2

Наиболее частотные термины / Most Frequent Terms

Бронхит (13)	<i>Он у Вас часто болеет бронхитом. Осложнением может быть пневмония.</i>
Иммунитет (12)	<i>Укрепить надо иммунитет. От иммунитета зависит, как часто будет болеть Ваш ребёнок.</i>
Вакцинация (8)	<i>Вакцинация необходима для профилактики инфекционных заболеваний. Не бойтесь вакцинации.</i>
Прививка (7)	<i>Перед прививкой придёте ко мне, я посмотрю Вас (горло, нос).</i>
Грипп (7)	<i>Надо сделать прививку от гриппа. Гриппом часто болеете?</i>
ОРЗ (7)	<i>ОРЗ у Вас. Острое респираторное заболевание! С ОРЗ надо сидеть дома.</i>
Кашель (7)	<i>Как часто кашляете? Кашель сухой или влажный?</i>
Ингаляция (5)	<i>Умеете делать ингаляцию? Как она реагирует на ингаляцию?</i>
Аллергия (4)	<i>Да-а-а! Аллергия у него на апельсин! У родителей есть аллергия? Кто-нибудь страдает аллергией?</i>
Инфекция (4)	<i>Где это вы подхватили инфекцию? В рану может попасть инфекция, хлоргексидином промойте.</i>

Источник: по данным авторов.

Фреймовое представление деятельности педиатра

Процесс становления детского врача как языковой личности характеризуется работой в специальной (детской) сфере, формированием профессионального опыта в специальной медицинской сфере (в нашем случае – педиатрия), дискурсивной и коммуникативной компетентностями (владение терминологией, умение общаться).

Деятельность педиатра можно представить в виде фрейма, под которым понимается типовая структура, предназначенная для упорядочения некоторой информации, то есть фрейм – свёрнутая информация, позволяющая адресату получить минимальные знания [12, с. 131].

Рассмотрим **фрейм «Определение заболевания»**, репрезентирующий речевое поведение педиатра. Данный термин применяется как часть медицинского названия какой-либо специфической болезни. Он состоит из следующих слотов:

Слот **«Выявление признаков»** – температура, горячие руки, кровотечение, синюшность, одышка, повышенное потоотделение, отёк и др.

Слот **«Описание симптомов»** – больное горло, хрипы в лёгких, температура, боль при глотании, сыпь, выделения, головокружение, покраснение глаз и др.

Слот **«Обоснование диагностики»** – инвазивное лечение, физиотерапия, ларингоскопия и др.

Слот **«Описание лечения»** – медикаментозное, ЛФК, физиотерапия, инъекции, госпитализация, узкий специалист, лекарственные препараты и др.

Слот **«Детализация лечения»** – консультирование, приём лекарственных препаратов, рентгенологическое обследование, флюорография, закаливание, вакцинация и др.

Слот **«Сбор анамнеза»** – возраст, проживание, условия, генетическое заболевание и др.

Слот **«Обсуждение профилактики заболеваний»** – закаливание, гимнастика, свежий воздух, вакцинация, режим и др.

Для каждого слота, безусловно, характерна своя лексика, тактика общения и стратегия.

Для представления слота **«Выявление признаков»** врач описывает внешний осмотр (*синяки под глазами, румянец на лице, трясущиеся руки и губы, синие губы, блестящие глаза*). В процессе общения

применяются вопросительные предложения: «*Что случилось? Что у нас болит?*» Применяя тактику сближения, врач старается наладить контакт. Он использует голос (приветливый), мимику (улыбается), жесты (поглаживание), иногда и предметы (карандаши, фломастеры, игрушки). Это свидетельствует о мультимодальности педиатрического дискурса.

Слот «Сбор анамнеза» репрезентирован вопросно-ответными предложениями. Его заполнение характеризуется большим числом уменьшительных слов (*Ариша, Юленька, укольчик, стульчик* и т. д.).

Вр.: *Итак, кто к нам пришёл?* (врач улыбается, протягивает руки к ребёнку).

Ребёнок (4 года) смущается, прячется за мамой, показывает страх.

Вр.: *Амирчик пришёл! Какой большой стал! Взрослый уже!* (Врач показывает заинтересованность). *Ты пришёл навещать меня? Здорово!* (Врач применяет тактику сближения). *Вот мы сейчас посмотрим твоё горлышко. Ну-ка подойди ко мне. Можно тебя обнять? О! Какой ты сильный! Открывай свой ротик, посмотрим твоё горлышко. Ну, ничего страшного нет, правда, Амир?* (Обращение к ребёнку). *Как давно кашляет? (Обращение к матери). Температура была?*

Вр.: *Т-а-а-а-к, давай послушаем тебя. Это стетоскоп, он поможет услышать твои лёгкие. Где у нас лёгкие? Правильно, поворачивайся, слушаем. Хорошо!* (Обращается к матери) *Хрипов нет.*

Анализ показал, что каждый слот терминирован, но количество используемых терминов различно. Самыми терминированными являются слоты «Описание симптомов» и «Описание лечения», «Обоснование диагностики».

Таким образом, фрейм, репрезентирующий дискурс педиатра, отражает сложившиеся в этой области знания, представляющие его в виде определённой структуры. Можно также сказать, что фрейм показывает, как врач углубил знания о пациенте, его состоянии, следова-

тельно, у врача появляется возможность провести правильное и необходимое лечение.

Заключение

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что коммуникация врача-педиатра характеризуется двунаправленностью, то есть она адресована одновременно и ребёнку (пациенту), и взрослому (родителю / законному представителю). Педиатр одновременно оперирует обыденным и научным знанием, что отражается в его речи, в которой присутствуют разговорная лексика, элементы детского / подросткового лексикона, научные и профессиональные термины. Это делает педиатрический дискурс особенным, представляющим собой синтез разговорной и профессиональной речи, характеризующейся иллокутивной модальностью.

В педиатрическом дискурсе при использовании дискурсивных стратегий и тактик педиатр употребляет:

– лингвистические средства в комплексе (синтаксические, морфологические, грамматические, лексические), затрагивая одновременно все уровни языка/речи;

– использует другую тональность, тембр голоса, интонацию (просодические средства);

– применяет мимику, жесты, игровые приёмы.

Считаем, что данная статья является своего рода попыткой осуществления комплексного анализа с целью изучения содержания дискурса педиатр ↔ пациент ↔ ↔ родитель / законный представитель через применение лингвистического, дискурсивного, когнитивного методов. Комплексный подход необходим для углубления исследования дискурса, в частности медицинского, что связано со стремительным развитием науки, медицины, «современного общества, сменой познавательных ориентиров и философского переосмысления явлений» [16].

Дата поступления в редакцию 12.09.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Авербух К. Я. Манифест современной терминологии // Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах («Коммуникация-2002»). Communicating across differences: материалы международной научно-практической конференции (Пятигорск, 03–06 июня 2002 г.). Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2002. Ч. 1. С. 192–194.
2. Акаева Э. В. Коммуникативные стратегии профессионального медицинского дискурса: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Омск, 2007. 23 с.
3. Бейлинсон Л. С. Профессиональный дискурс: признаки, функции, нормы: монография. Волгоград: Перемена, 2009. 278 с.
4. Бекишева Е. В., Рожкова Т. В. К вопросу о развитии научного концепта и его терминологического отражения (на материале психиатрической терминологии) // Лингвистика и образование. 2021. Т. 1. № 1. С. 18–31. DOI: 10.17021/2021.1.1.18.31.
5. Голованова Е. И. Профессиональный коллоквиализм: между обыденным и специальным // Лингвистика и образование. 2021. Т. 1. № 1. С. 38–49. DOI: 10.17021/2021.1.1.38.49.
6. Желязовска-Собчак М. Дискурс в медицине: краткий обзор в мировой литературе // Язык. Текст. Книга: материалы II Международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 25 апреля 2019 г.). Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2019. С. 35–42 [Электронный ресурс]. URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/78120> (дата обращения: 01.11.2022).
7. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 261 с.
8. Касьмова О. П., Линник Л. А. Медицинский дискурс в современной лингвистике // Вестник Башкирского университета. 2017. Т. 22. № 3. С. 767–773.
9. Кубрякова Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (обзор) // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2000. С. 5–13 (Серия «Теория и история языкознания»).
10. Маджаева С. И. Медицинские терминосистемы: становление, развитие, функционирование: дисс. ... докт. филол. наук. Волгоград, 2013. 356 с.
11. Маджаева С. И. Медицинские терминосистемы: становление, развитие, функционирование (на материале предметных областей медицины *сахарный диабет* и *СПИД*): монография. Астрахань: АГМА, 2012. 277 с.
12. Маджаева С. И. Фреймовый подход к систематизации терминологических знаний // Ученые записки: Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2012. № 2 (22). С. 130–137. URL: <http://scientific-notes.ru/magazine/archive/number/24> (дата обращения: 21.07.2023).
13. Майборода С. В. Речевые стратегии врача в условиях коллегиальной и авторитарной коммуникации доктора и пациента: схождения и противоречия: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2021. 24 с.
14. Мишланова С. Л. Семиотические аспекты терминологизации // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 24 (239). С. 40–43.
15. Недуруева Т. В., Павлова Л. Е. Особенности коммуникативных установок и совладающего поведения врачей-педиатров в ситуации лечебного взаимодействия // Коллекция гуманитарных исследований: электронный научный журнал. 2019. № 1 (16). С. 34–40. URL: <https://www.j-chr.com/jour/article/view/77> (дата обращения: 01.11.2022).
16. Обдалова О. А., Левашкина З. Н. Понятие «нарратив» как феномен культуры и объект дискурсивной деятельности // Язык и культура. 2019. № 48. С. 332–348. DOI: 10.17223/19996195/48/21.
17. Сорокина Э. А. О конференции «Концептуально-терминологическое пространство медицинского знания» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2021. № 2. С. 111–114. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-2-111-114.
18. Цурикова Л. В. Дискурсивные стратегии как объект когнитивно-прагматического анализа коммуникативной деятельности // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4 (13). С. 98–108.
19. Taavitsainen I. Medical discourse: early genres, 14th and 15th centuries // The Encyclopedia of Language & Linguistics / ed. K. Brown; 2nd ed. New York: Elsevier, 2006. P. 668–694. DOI: 10.1016/B0-08-044854-2/02352-X.

REFERENCES

1. Averbukh K. Ya. [Manifesto of modern terminology]. In: *Kommunikatsiya: teoriya i praktika v razlichnykh sotsial'nykh kontekstakh («Kommunikatsiya-2002»)*. Communicating across differences: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Pyatigorsk, 03–06 iyunya 2002 g.) [Communication: theory and practice in various social contexts (“Communication-2002”). Communicating across differences: materials of the international scientific and practical conference (Pyatigorsk, June 03–06, 2002)]. Pyatigorsk, Pyatigorsk State Linguistic University Publ., 2002, Part 1, pp. 192–194.
2. Akayeva E. V. *Kommunikativnyye strategii professional'nogo meditsinskogo diskursa: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Communicative strategies of professional medical discourse: abstract of PhD thesis in Philological sciences]. Omsk, 2007. 23 p.
3. Beylinson L. S. *Professionalnyy diskurs: priznaki, funktsii, normy* [Professional discourse: signs, functions, norms]. Volgograd, Peremena Publ., 2009. 278 p.
4. Bekisheva E. V., Rozhkova T. V. [Development of scientific concept and its terminological representation (as exemplified in psychiatric terminology)]. In: *Lingvistika i obrazovaniye* [Linguistics & Education], 2021, vol. 1, no. 1, pp. 18–31. DOI: 10.17021/2021.1.1.18.31.
5. Golovanova E. I. [Professional colloquialism: between ordinary and special]. In: *Lingvistika i obrazovaniye* [Linguistics & Education], 2021, vol. 1, no. 1, pp. 38–49. DOI: 10.17021/2021.1.1.38.49.
6. Zhelezovska-Sobchik M. [Discourse in Medicine: A Brief Review of World Literature]. In: *Yazyk. Tekst. Kniga: materialy II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Yekaterinburg, 25 aprelya 2019 g.)* [Language. Text. Book: materials of the II International Scientific and Practical Conference (Ekaterinburg, April 25, 2019)]. Ekaterinburg, Ural University Publ., 2019, pp. 35–42. Available at: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/78120> (accessed: 01.11.2022).
7. Karaulov Yu. N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost* [Russian language and linguistic personality]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 261 p.
8. Kasymova O. P., Linnik L. A. [Medical discourse in modern linguistics]. In: *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of the Bashkir University], 2017, vol. 22, no. 3, pp. 767–773.
9. Kubryakova Ye. S. [On the concepts of discourse and discourse analysis in modern linguistics (review)]. In: *Diskurs, rech, rechevaya deyatelnost: funktsionalnyye i strukturnyye aspekty* [Discourse, speech, speech activity: functional and structural aspects]. Moscow, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences Publ., 2000, pp. 5–13 (Series “Theory and History of Linguistics”).
10. Madzhayeva S. I. *Meditsinskiye terminosistemy: stanovleniye, razvitiye, funktsionirovaniye: diss. ... dokt. filol. nauk* [Medical terminology systems: formation, development, functioning: D. thesis in Philological Sciences]. Volgograd, 2013. 356 p.
11. Madzhayeva S. I. *Meditsinskiye terminosistemy: stanovleniye, razvitiye, funktsionirovaniye (na materialakh predmetnykh oblastey meditsiny sakharney diabet i SPID)* [Medical terminology systems: formation, development, functioning (based on the subject areas of medicine, diabetes mellitus and AIDS)]. Astrakhan, Astrakhan State Medical Academy Publ., 2012. 277 p.
12. Madzhaeva S. I. [Frame approach to systematization of terminological knowledge]. In: *Uchenyye zapiski: Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes: Electronic scientific journal of Kursk State University], 2012, no. 2 (22), pp. 130–137. Available at: <http://scientific-notes.ru/magazine/archive/number/24> (accessed: 21.07.2023).
13. Mayboroda S. V. *Rechevye strategii vracha v usloviyakh kollegial'noy i avtoritarnoy kommunikatsii doktora i patsiyenta: skhozhdeniya i protivorechiya: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Speech strategies of a doctor in conditions of collegial and authoritarian communication between doctor and patient: convergences and contradictions: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Saratov, 2021. 24 p.
14. Mishlanova S. L. [Semiotic aspects of terminology]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2011, no. 24 (239), pp. 40–43.
15. Nedurueva T. V., Pavlova L. E. [Communicative installations and coping behavior of pediatres in the situation of medical cooperation]. In: *Kollektsiya gumanitarnykh issledovaniy: elektronnyy nauchnyy zhurnal* [The Collection of Humanitarian Studies: electronic scientific journal], 2019, no. 1 (16), pp. 34–40. Available at: <https://www.j-chr.com/jour/article/view/77> (accessed: 01.11.2022).

16. Obdalova O. A., Levashkina Z. N. ["Narrative" as a cultural phenomenon and an object of discursive activity]. In: *Yazyk i kultura* [Language and culture], 2019, no. 48, pp. 332–348. DOI: 10.17223/19996195/48/21.
17. Sorokina E. A. [About the conference "Conceptual and terminological space of medical knowledge"]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2021, no. 2, pp. 111–114. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-2-111-114.
18. Tsurikova L. V. [Discourse strategies in cognitive-pragmatic analysis of communication]. In: *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2007, no. 4 (13), pp. 98–108.
19. Taavitsainen I. Medical discourse: early genres, 14th and 15th centuries. In: Brown K., ed. *The Encyclopedia of Language & Linguistics*. New York, Elsevier, 2006, pp. 668–694. DOI: 10.1016/B0-08-044854-2/02352-X.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Маджаева Санья Ибрагимовна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой латинского и иностранных языков Астраханского государственного медицинского университета; e-mail: sanya-madzhaeva@yandex.ru

Башкина Ольга Александровна – доктор медицинских наук, профессор, ректор Астраханского государственного медицинского университета; e-mail: Bashkina1@mail.ru

Гречухина Земфира Ришадовна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры латинского и иностранных языков Астраханского государственного медицинского университета; e-mail: grechukhinaz@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sanya I. Madzhaeva – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department Head, Department of Latin and Foreign Languages, Astrakhan State Medical University; e-mail: sanya-madzhaeva@yandex.ru

Olga A. Bashkina – Dr. Sci. (Medicine), Prof., Rector, Astrakhan State Medical University; e-mail: Bashkina1@mail.ru

Zemfira R. Grechukhina – Cand. Sci. (Philology), Senior Lecturer, Department of Latin and Foreign Languages, Astrakhan State Medical University; e-mail: grechukhinaz@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Маджаева С. И., Башкина О. А., Гречухина З. Р. Особенности педиатрического дискурса // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 1. С. 65–80.
DOI: 10.18384/2949-5075-2024-1-65-80

FOR CITATION

Madzhaeva S. I., Bashkina O. A., Grechukhina Z. R. Features of pediatric discourse. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2024, no. 1, pp. 65–80.
DOI: 10.18384/2949-5075-2024-1-65-80

УДК 81–116

DOI: 10.18384/2949-5075-2024-1-81-92

К ВОПРОСУ ИССЛЕДОВАНИЯ СОДЕРЖАНИЯ НЕИСКРЕННЫХ ТЕКСТОВ

Сидорова Н. А.^{1,2}, Федулова М. Н.¹, Долженков В. Н.¹

¹ Военный университет имени князя Александра Невского Министерства Обороны Российской Федерации

123001, г. Москва, ул. Большая Садовая, д. 14, Российская Федерация

² Российский государственный социальный университет

129226, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр. 1, Российская Федерация

Аннотация

Цель заключается в выявлении глубинных содержательных аспектов неискреннего текста, установлении параметров для интерпретации содержания текстов, рассматриваемых в коммуникативной ситуации как неискренние.

Процедура и методы. Методология исследования построена на базовом интерактивном принципе, применяемом к исследованию речевой коммуникации, к исследованию содержания текстов, позволяющем вовлекать в исследование тексты адресанта и адресата. Рассмотрение содержания неискреннего текста опирается на системно-деятельностный подход к исследованию содержания, включающий анализ содержания текстов каждого из участников речевого общения; не менее важным оказался компонентный и структурный анализ представленного эмпирического материала.

Результаты. В процессе исследования были установлены содержательные аспекты неискреннего текста. Предложено определение феномена «неискренний текст», определены условия и параметры интерпретации содержания неискреннего текста. Содержание неискреннего текста рассматривается как сопряжение содержаний текстов в аспекте коммуникативной деятельности участников речевого общения, коммуникативного акта, интерпретация содержания текстов подобного вида понимается как интерпретация знаковой модели развёртывания коммуникации в виде сопряжения коммуникативных деятельностей адресанта и адресата.

Теоретическая и практическая значимость исследования объясняется вкладом в научное изучение речевой коммуникации, текста, полученными комплексными данными по изучению содержания текста, в частности неискреннего текста. Представленные научные сведения являются полной, всеобъемлющей и окончательной интерпретацией исследуемой сущности, выявляют глубинные основания содержания неискренних текстов, что имеет большое теоретическое значение для лингвистической науки в аспекте исследования функционирования языковых явлений, в частности, текстов как центрального компонента дискурсивной реальности.

Ключевые слова: адресант, адресат, неискренний, речевая коммуникация, содержание, текст

ON THE ISSUE OF STUDYING THE CONTENT OF INSINCERE TEXTS

N. Sidorova^{1,2}, M. Fedulova¹, V. Dolzhenkov¹

¹ "Prince Alexander Nevsky Military University" of the Ministry of Defense of the Russian Federation
uliyasa Bolshaya Sadovaya 14, Moscow 123001, Russian Federation

² Russian State Social University
ulitsa Vilgelma Pika 4 build. 1, Moscow 129226, Russian Federation

Abstract

Aim. To identify the deep content aspects of an insincere text, to establish parameters for interpreting the content of the texts considered as insincere in a communicative situation.

Methodology. The methodology of the research is based on the basic interactive principle applied to the study of speech communication, to the study of the texts content, which allows involving the texts of the addressee and the recipient in the study. Consideration of the insincere text content is based on a system-activity approach to the content study, including content analysis of each of the participants' texts in speech communication; the component and structural analysis of the presented empirical material was no less important to the current study.

Results. In the course of the research, the content aspects of the insincere text were established. The definition of the "insincere text" phenomenon is proposed, the conditions and parameters of the insincere text content interpretation are determined. The insincere text content is considered as the conjugation of the contents of texts in the aspect of the communicative activity of participants in speech communication, a communicative act, the interpretation of the text content is understood as the interpretation of the communication symbolic model deployment in the conjugation form of the communicative activities of the addressee and the recipient.

Research implications. The article contributes to the scientific study of speech communication text, the complex data obtained regarding the study of the text content, in particular insincere text. The presented scientific information is a complete, comprehensive and final interpretation of the essence under study, reveals the deep foundations of the content of insincere texts, which is of great theoretical importance for linguistic science in the aspect of studying the linguistic phenomena functioning, in particular, texts as a central component of discursive reality.

Keywords: speaker, addressee, insincere, speech communication, content, text

Введение

Проблемой изучения феномена содержания текстов учёные занимаются очень давно. Начиная с античных времён, текст изучался в рамках философии и логики, при этом за основу были приняты лексико-семантическая и лексико-грамматическая характеристики, в корреляции с которыми рассматривалось качество связи содержательных частей текста, исследовалась когезия как важный компонент содержания текста.

Значительно позже исследования проводились филологами исходя из трёх базовых лингвистических подходов: семантического, синтаксического и праг-

матического. На всех этапах развития лингвистической мысли исследования текста и его содержания всегда шли в соответствии с актуальными тенденциями развития языка, иногда сближаясь, иногда отдаляясь, иногда параллельно либо смежно, но всегда в рамках общепринятых научных направлений. При этом новые теории стремились обогатить уже сложившиеся и традиционные – современные исследования содержания текста есть тому подтверждение. Учёные-лингвисты исследуют содержание текста, основываясь на актуальных лингвистических тенденциях. Н. Д. Арутюнова [2], Н. С. Болотнова [3], И. Р. Гальперин [6],

А. И. Новиков [9], Н. П. Пешкова [10] и другие применяют структурный подход, ряд учёных ещё с 60-х годов XX века исследуют глубинные текстовые процессы: В. Г. Гак [5], Г. Я. Солганик [16; 17] и другие. Для изучения содержания разрабатываются методы семантического анализа, методы дескрипторов, исследования структуры текстов, в частности семантической и синтаксической. Одним из актуальных направлений является исследование смысловой структуры содержания.

В настоящей статье, рассматривая неискренние тексты, мы считаем необходимым отметить, что исследование содержания таких текстов не подвергалось до сих пор систематическому изучению. *Под неискренними, или лживыми, текстами* мы понимаем намеренное когнитивное искажение коммуникантом предметного восприятия коммуникативной ситуации, референтной области речевой коммуникации, представленное в виде вербальной модели (высказывания/текста), рассчитанной изменить не только восприятие и интерпретацию отдельных ситуаций, предметов, текстов, но, возможно, концептуальную картину мира реципиента.

Неискренние тексты обычно рассматриваются в связи с изучением неискреннего дискурса, этических проблем речевой коммуникации, также исследуются неискренние речевые акты и речевые жанры. Следовательно, данная тема является, бесспорно, актуальной и нуждается в дальнейшем научном изучении. Нашей целью в связи с этим будет выявление содержательных аспектов текстов, рассматриваемых как неискренние, установление возможных способов интерпретации содержания неискренних текстов.

Современные тенденции в исследовании содержания текста

В современной лингвистической науке продолжают исследования содержания текста в аспектах изучения структуры его частей и элементов. Данное направление восходит к идеям Ф. де Соссюра, Л. Эль-

мслева, Р. Якобсона и продолжает их развитие на новом витке развития лингвистической науки. Эту тенденцию представляют видные учёные: Г. Я. Солганик, И. Р. Гальперин, Н. С. Валгина, Н. С. Болотнова, В. Е. Чернявская и другие.

Ещё одной показательной тенденцией современной науки в изучении феномена содержания текста является функциональное направление («функциональная перспектива»). В основе функционального анализа содержания лежит стремление определить отношения между структурой элементов и частей текста и его смысловой структурой. При этом вводится единая структурная единица как основная единица исследования, например, сверхфразовое единство. Рассмотрение сверхфразового единства проходит в сопоставлении его с другими структурными единицами и стилистическими понятиями, например, с предложением, абзацем [6; 9; 17]. Преимуществом и достижением подхода является введение понятия функции. Однако существует следующая проблема: с одной стороны, все без исключения исследователи этого направления отмечают трудность выделения границ структурной единицы текста, с другой стороны – необходимость такого выделения существует, поскольку позволяет вникнуть в существо содержания текста. Мы соглашаемся с И. Р. Гальпериным, который полагал, что возникает до некоторой степени парадоксальная ситуация: единицей провозглашается некий аморфный отрезок текста, не имеющий границ, т. к. сверхфразовым единством предлагается считать смысловое единое любого объёма, начиная с двух предложений и кончая любым произведением большой формы [6].

В результате исследований структуры текста, как поверхностной, так и глубинной, появились научные данные, позволяющие изучать текст семантически, синтаксически и функционально. Функциональный подход позволил выделять в тексте смысловое содержание

целого текста, переходя для этого к поиску форм проявления содержания текста. Такой формой была принята микротема, т. е. мельчайшая частная тема, включающая в себя и семантическое и синтаксическое содержание, тема, которую далее невозможно разложить на более мелкие тематические составляющие. Включение в исследование содержания текста функционального аспекта позволило придать прагматическое видение интерпретации. Другими словами, содержание текста мыслится как содержание самостоятельной единицы, формируемое в интересах и с интенцией автора, которое часто исследуется «изнутри», в рамках изучения смыслового содержания и внутренней структуры.

Интересный подход к исследованию содержания текста предлагает М. С. Соколова. Ей рассматривается содержание в рамках коммуникативного приспособления текста к ситуации общения, при этом «уровень содержания характеризует информационную, смысловую сторону коммуникативного приспособления» [15, с. 157]. Однако коммуникативное приспособление во многих работах исследовательницы, на самом деле, мыслится в метаязыковом плане, как стилистическое приспособление, тематическое приспособление, выбор форм обращения.

Мы полагаем, что исследование содержание текстов, и особенно неискренних, следует рассматривать, применяя комплексный подход, учитывая как внутренние характеристики смысловой целостности, так и «внешний» аспект, в рамках его функционирования в речевой деятельности, как центральный элемент коммуникативного акта, принимая во внимание и прагматику рассмотрения текста. А. Г. Диттрих предлагает выделять функциональную прагмалингвистику и скрытую прагмалингвистику, понимая под функциональной исследование осознанного, «продуманного» выбора слов, выражений говорящим, а под скрытой – непродуманный, «неосознаваемый,

автоматический, привычный и мгновенный выбор слов, выражений, предложений, которые употребляет говорящий в речевом общении» [7, с. 48]. Принимая во внимание всё вышеизложенное, мы считаем необходимым прояснить свою позицию в аспекте исследования феномена содержания текста.

Актуальные подходы к исследованию содержания текста

В трактовке содержания текста считаем правомерным опираться на актуальный подход к пониманию функционирования текста: текст создаётся, исходя не только из желаний, интенций, осознания автором окружающей действительности. *Текст* есть реализованные в определённой коммуникативной ситуации знаками этнического языка восприятие событий, фактов, интерпретация впечатлений, совокупность представлений автора. Немаловажным для нашего исследования является посыл психолингвистов, рассматривающих текст как заданную модель адресантом для формирования будущей программы действия адресата. Это означает, что говорящий или пишущий создаёт текст не просто так, а реализует в нём свои представления, значения, интенции и формирует его языковыми средствами. И. А. Зимняя [8], утверждая, что в содержании текста заложена мыслительная задача для адресата, подчёркивает не структурность содержания текста, а, выдвигая на первый план его функциональность, предлагает ключ к пониманию содержания – ключ к решению задачи, которая содержится в последовательности мыслительных операций по формированию передаваемого содержания, организующей мыслительную деятельность реципиента по смысловому восприятию. Таким образом, *содержание текста* можно трактовать как последовательность мыслительных процедур, оформленных вербально, в аспекте моделирования соответствующих мыслительных процедур у собеседника.

Следовательно, содержание текста формируется на психокогнитивной основе ментального конструкта участников общения в ситуации речевой коммуникации. Данный подход представляет деятельностьную парадигму взглядов, которая была развита в XX веке Московской психолингвистической школой. В связи с этим мы следуем утверждению Е. Ф. Тарасова, рассматривавшего содержание текста в виде «динамической организации операций в более сложные действия и далее в ещё более сложную деятельность. Применительно к речи это означает, что категории её анализа должны иметь статус речевых операций, а не речевых продуктов» [18, с. 96].

Таким образом, текст можно рассматривать как компонент коммуникативной деятельности участников общения, как знаковую модель развёртывания коммуникации в виде сопряжения коммуникативных деятельностей, как утверждал профессор Е. В. Сидоров [13]. Содержание текста будет включать представления, ценности, аксиологемы, идеологемы, установки коммуникантов по поводу воспринимаемой и интерпретируемой ситуации, фактов, отношений, предметов, референтной области, т. е. некоторую психическую сущность как компонент коммуникативной деятельности и говорящего, и адресата. Содержание находит реализацию определёнными этническими языковыми единицами, которые выбирает сам участник речевого общения и представляет именно в той логической, грамматической, лексико-семантической и стилистической последовательности, которую осознанно либо неосознанно рассматривает уместной и правомерной в аспекте взаимодействия с собеседниками. Данные рассуждения коррелируют с актуальным, принятым в лингвистической науке подходом – коммуникативно-интерактивным взглядом на природу речевой коммуникации и текста - и, по всей вероятности, могут пролить свет на исследование содержания неискреннего текста.

Аспекты рассмотрения содержания неискренних текстов

Многие авторы, исследующие неискренний дискурс, обращают внимание на его лингвистические характеристики (Н. В. Андриюхина, А. В. Ленец, С. Н. Плотникова и др.), которые, по мнению Н. В. Андриюхиной, «являются релевантными для выделения неискренного дискурса в качестве такового» [1, с. 145]. В связи с этим внимание исследовательницы приковано к языковой организации высказываний в системно-структурном и прагматическом аспектах.

Т. Е. Водоватова в своей статье делает крайне важное замечание о том, что содержание неискренних текстов не сводимо «к сумме значений составляющих его языковых компонентов», а содержательная сторона текста обусловлена «уникальным свойством текста, в основе которого лежит способность языка к самоорганизации, называемым “неаддитивностью”» [4, с. 130]. Однако от внимания учёной всё-таки ускользает трактовка содержательных компонентов лживых высказываний.

Очевидно, чтобы интерпретировать содержание неискренних текстов, необходимо иметь в виду, что, обладая знаковой оформленностью, тексты как вербальные модели определённым образом соотносятся с их содержанием, на самом деле являющимся психокогнитивной работой ментальности коммуникантов. Исходя из интерактивной трактовки речевой коммуникации, закономерным следует признать следующий постулат: тексты, адресованные собеседникам, порождают трактовки, которые всегда индивидуальны. Адресат будет трактовать текст, исходя из своих собственных образов, представлений, стереотипов и пресуппозиций. В связи с этим считаем важным обозначить следующие аспекты содержания неискренних текстов.

1. Психосемантический

Содержание неискренного текста, как и любого другого есть совокупность об-

разов, представлений в рамках интерпретации референтной ситуации. Такая совокупность основана на предшествующей мыслительной работе субъекта по освоению окружающей действительности и когнитивной переработке чувственных ощущений. Психические процессы способствуют формированию образов и представлений, которые благодаря мыслительным процессам структурируются в определённую мыслительную структуру, в дальнейшем вербализуясь в дискурсе для предъявления с определённой целью собеседнику. В неискренних текстах, по всей вероятности, образы и представления имеют несколько искажённую структуру и структурируются особым образом, для того чтобы быть реализованными такими языковыми средствами, которые бы исказили картину мира адресата, его образы и представления в рамках референтной ситуации на основе сложившегося коммуникативного контекста. Например:

– *В чём дело, Ник? Ты не хочешь со мной здороваться?*

– *Не хочу. Ты знаешь, что я о тебе думаю.*

– *Ты с ума сошёл, Ник! – воскликнул он. Ты просто спятил. Я понятия не имею, о чём ты говоришь¹.*

Приведённый пример демонстрирует неискренний текст говорящего, пытающегося установить дружеские отношения с приятелем. Содержание высказывания реализуется в позитивном кооперативном вербальном решении, попытке разобраться в непростой ситуации между ними: *В чём дело, Ник? Ты не хочешь со мной здороваться?* Однако, по мнению собеседника, в содержании высказывания кроется фальшь, поскольку в основе лежат искажённые образы и представления по поводу сложившейся ситуации: *Не хочу. Ты знаешь, что я о тебе думаю.*

Другими словами, собеседник рассматривает высказывания партнёра как неискренние. Не обладая возможностью интерпретировать и разгадать имплицитные, словесно не обозначенные представления, идеи, стереотипы, первый коммуникант продолжает развивать искреннюю содержательную сторону текста, направленную на кооперацию. Таким образом, психосемантический аспект содержания текста в аспекте интерактивности отношений собеседников представляет возможность его интерпретации на неискренность/искренность.

2. Прагматический

Трактовка прагматического аспекта напрямую связана с коммуникативной природой текста, поскольку использование вербальных знаковых сущностей в зависимости от своих намерений и желаний возможно осуществить лишь в рамках речевой коммуникации. Виды же речевых интеракций (как истинных, так и лживых) исследуются в зависимости от целей и установок референта и реципиента и условий их речевого взаимодействия.

Как мы видели в предыдущем примере, мнения людей по поводу той или иной ситуации вряд ли часто совпадают. Прагматические исследования содержания текстов обладают возможностью представить коммуникативную трактовку событий в зависимости от того, искренние они, или ложные. По мнению В. И. Шаховского, «изначально язык служил системой ориентирования homo loquens в общении. А теперь он всё больше превращается в систему дезориентации, разобщения людей. Недостроенная древними людьми Вавилонская башня продолжает разрушаться. И теперь виновато в этом не разноязычие, а «разномыслие», т. е. ложь в ментальных и в (а)вербальных репрезентациях ситуативного взаимодействия homo mentiens (fallens)» [19, с. 180]. Другими словами, исследование содержания текста с точки зрения прагматического компонента даёт возможность узнать

¹ Фицджеральд Ф. Д. Великий Гэтсби // Фицджеральд Ф. Д. Великий Гэтсби. Ночь нежна. Романы / пер. с англ. Е. Калашниковой. М.: Правда, 1989. С. 102.

определённую часть установок, желаний, мотивов субъекта неискреннего общения.

«Прокуратура, генпрокурор знают, кто заказчики и подстрекатели убийства Гии Гонгадзе – украинского журналиста – и намерены довести дело до суда»¹. – интерпретируя, отметим, что содержание данного текста ложное, поскольку здесь вербализована дезинформация, т. е. сведения о некоторых событиях представлены в деформированном виде. Текст соотнесён с дискурсом масс-медиа, и адресатом его является массовый реципиент. В связи с этим автор текста реализует лживые утверждения, которые наблюдаются при синтаксической последовательности частей высказывания, соотнесённых с реальными действиями, имеющими место в развитии политических событий. Очевидно, автор преследует прагматическую цель – создать такой текст, который будет способствовать массовому адресату стереть определённые образы в сознании, забыть эту сложную ситуацию и другие «громкие» убийства, снизить накал возмущения.

Как указывал американский лингвист и антрополог Э. Сепир, «мы видим, слышим и вообще воспринимаем мир именно так, а не иначе, главным образом, благодаря тому, что наш выбор при его интерпретации предопределяется языковыми привычками нашего общества» [12, с. 193]. Это известное высказывание Э. Сепира представляется весьма удачным в рамках исследования нашей темы, поскольку этнические привычки восприятия есть в то же время языковые привычки создания текста, в котором содержание неискреннего высказывания имеет этническую специфику. Это позволяет выделить такой важный прагматический аспект, как этнический компонент содержания неискреннего текста. Например, если при приветствии друзей,

хороших знакомых в традиции русскоговорящих на вопрос «Как дела» ответ «Всё хорошо!» звучит, по меньшей мере, неискренне, то в американской традиции ответ на приветствие “How are you?” самым естественным, искренним образом актуализируется как: “Fine, thank you!”

3. Ценностный

Следующий аспект рассматриваем как немаловажный при интерпретации содержания неискреннего текста. Ценности являются ориентирами личности в её поведении, включая речевое, поскольку, создавая текст, формируя его содержание, говорящий прежде всего реализует свои ценностные представления. Таким образом, ценности лежат не только в основе концептуальной структуры индивида, но и в основе его мотивационных действий. Другими словами, формирование неискреннего и искреннего содержания текстов в полной мере определяется ценностными предпочтениями личности. Как считает Н. А. Сидорова, «представляя “себя” в общении и воспринимая собеседника, говорящий, очевидно, воспримет партнёра по общению как носителя чуждых ценностей, узнавать которые придётся при идентификации адресата в рамках речевой коммуникации» [14, с. 342]. Следуя логике рассуждений, можно предположить, что для установления социовербального контакта большую роль играет знание или незнание собеседника, т. к. именно ценностные предпочтения коммуникантов будут способствовать формированию искреннего или неискреннего содержания высказываний. Например:

– *I suppose you broke into my house?*

– *Excuse me... We came here to protect you.*

– *That is another lie! You didn't know that I was in any danger. And, what's more, I was not in danger.*²

(– *Я полагаю, вы вломились в мой дом?*

¹ Салтыков В. Н. Особенности и приёмы управления сознанием граждан [Электронный ресурс]. URL: <https://vlsaltykov.narod.ru/00254.htm> (дата обращения: 04.08. 2023).

² Simenon G. *Maigret and the Death of a Harbor-master*. San Diego: First Harvest / HBJ edition, 1989. P. 97.

– Извините... Мы пришли сюда, чтобы защитить вас.

– Это ещё одна ложь! Вы не знали, что я в опасности. И более того, мне ничего не угрожало.)

Данный диалог реализует сложное по организации содержание. С точки зрения актуализации ценностного компонента, можно отметить, что содержание высказываний говорящего, по сути, неискренно, т. к. они основаны на ценности неверия к собеседникам. Аксиологическое основание таких высказываний определено представлением об адресатах как о чужих (*you broke into my house?*), а также о том, что содержание их действий, и речевых в частности, лживое: *That is another lie! You didn't know that I was in any danger.* Содержание высказываний собеседника демонстрирует ценность «оказания помощи и поддержки», его можно охарактеризовать в данном контексте как искреннее: *Excuse me ... We came here to protect you.*

Таким образом, будучи важнейшей составляющей культурной картины мира, ценности не только обуславливают выбор жизненных предпочтений, но и коммуникативных, прежде всего детерминируют содержание высказываний и использование их в речевой коммуникации.

4. Лингвистический аспект

Рассматривая лингвистический аспект содержания, стоит отметить, что именно языковые средства наиболее полно и явно демонстрируют неискреннее и искреннее содержание текстов, а именно «к вербальному искажению реальности относятся, например, такие многочисленные риторические фигуры, как, например, метафора, аллегория, эвфемизм, гипербола, эллипсис, разнообразные формулы вежливости, эмфаза, слова-табу, антропоморфизмы и т. п. Отказываясь от прямого номинирования предмета как он есть и пускаясь в образные характеристики, говорящий так или иначе уже отступает от реального мира в область

собственной переформатированной референции» [11].

Использование лексических языковых средств в неискренних высказываниях отмечается повышенным употреблением оценочного компонента, особенно эмоциональной оценки, применением нестандартных вокативов, агрессивных либо наоборот лицемерно льстивых словесных выражений, широкого веера синонимических групп при характеристике референта. Становится очевидным, что большая доля обозначения неискренности принадлежит стилистическим средствам языка, особенно в аспекте использования тропов и фигур. Именно они дают возможность оформить текст простым, понятным для собеседника языком, что позволяет избежать непонимания в процессе речевого взаимодействия либо, наоборот, завуалировать, затуманить содержание высказываний, чтобы собеседник оказался в коммуникативно невыгодном положении.

Например, в эпизоде из американского фильма «Учитель года» новый учитель пытается установить гармоничную коммуникацию с учениками способом использования высказываний, содержание которых сводится к отрицанию и неприменимости лжи, неискренности и в жизни, и в коммуникации: «... всем надо быть готовыми к великой битве против империи зла. Империя зла – это не наша школа, не наши родители и даже не отвратительная по вкусу еда в столовой. Нет. Вы увидите, что империя зла – это вера, вера в то, что мы ограничены в способностях. Это неправда. Осознаёте вы это или нет, неважно, но все вы – само совершенство. Моим учителем ожидало был Норман Уорнер. И он научил меня главному – пониманию того, что я сам себе учитель, что я сам хозяин своей судьбы...»¹. Таким образом, мы видим, что

¹ См.: Учитель года: фильм / реж. У. Дир. Канада, США: ABC Family, 2003. 110 мин. [Электронный ресурс]. URL: <https://okko.tv/movie/school-of-life> (дата обращения: 02.08.2023).

вербальным отрицанием неискренности автор пытается не только расположить к себе собеседников, но и повысить свою самоидентификацию, поднять этим свой авторитет.

Заключение

Неискренние тексты окружают человека в повседневной жизни, которая по-разному интерпретируется людьми. Разнообразие интерпретаций зависит от различных оснований личности и реализуется при создании и восприятии текстов в речевой коммуникации, соотносимых с их содержанием.

Исследование содержания неискренних текстов необходимым образом основывается на закономерностях исследования содержания, которые изучались долгое время различными гуманитарными науками и продолжают изучаться в современной лингвистике. Ход наших рассуждений привёл к формулировке содержания текста как последовательности мыслительных процедур, оформленных вербально говорящим, в аспекте моделирования соответствующих мыслительных процедур у собеседника. Соответственно, содержанием неискренного текста адресанта будет рассматриваться совокупность образов и представлений, ценностей, последовательность мыслительных процедур, намеренно когнитивно искажающая предметное восприятие коммуникативной ситуации, референтной области адресата, представленные в

виде вербальной модели в аспекте моделирования мыслительных процедур у собеседника с целью искажения, трансформации либо подмены его представлений, образов восприятия, ценностей и интерпретации коммуникативной ситуации.

Предложенные в статье аспекты исследования содержания текста представляют собой систематизацию потенциально возможных способов рассмотрения и характеристики чрезвычайно сложного феномена, каким является содержание неискренного текста. Содержание неискренного текста в акте коммуникации можно представить как сопряжение содержаний текстов в аспекте коммуникативной деятельности участников речевого общения, интерпретация содержания текстов подобного вида как интерпретация знаковой модели развёртывания коммуникации в виде сопряжения коммуникативных деятельностей.

В заключение отметим, что представленная трактовка, естественно, не является всеобъемлющей и окончательной интерпретацией исследуемой сущности, но выявляет глубинные основания содержания неискренных текстов, что имеет большое теоретическое значение для лингвистической науки в аспекте исследования функционирования языковых явлений, в частности текстов как центрального компонента дискурсивной реальности.

Дата поступления в редакцию 21.09.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Андрюхина Н. В. Неискренний дискурс в англоязычных политических текстах: дисс. ... канд. филол. наук. Самара, 2020. 229 с.
2. Арутюнова Н. Д. Истина и фон коннотации // Логический анализ языка. Культурные концепты / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1991. С. 21–30.
3. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста; 6-е изд. М.: ФЛИНТА, 2021. 520 с.
4. Водоватова Т. Е. Социолингвистическая категория «неискренность» в современной англоязычной политической коммуникации // Вестник Самарского муниципального института управления. 2022. № 3. С. 128–135.
5. Гак В. Г. Языковые преобразования. Книга 1. Некоторые аспекты лингвистической науки в конце XX века: от ситуации к высказыванию. М.: URSS, 2009. 368 с.
6. Гальперин И. Р. Членимость текста // Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования; 9-е изд. М.: URSS, 2016. С. 58–75.

7. Диттрих А. Г. Современные области прагмалингвистических исследований // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 4. С. 42–52. DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-42-52.
8. Зимняя И. А. Смысловое восприятие речевого сообщения // Зимняя И. А. Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). М.: Наука, 1976. С. 5–33.
9. Новиков А. И. Заметки на полях // Новиков А. И. Текст и его смысловые доминанты. М.: Институт языкознания РАН, 2007. С. 125–132.
10. Пешкова Н. П. Методология полидисциплинарности в исследованиях текста и его смысла // Язык и личность в полидисциплинарной перспективе: материалы международной научно-практической конференции. М.: ООО «Агенство социально-гуманитарных технологий», 2022. С. 63–65.
11. Пуссинен О. Язык как средство искажения действительности // Футурум АРТ. 2011. № 1 (26) [Электронный ресурс]. URL: <https://reading-hall.ru/publication.php?id=2919> (дата обращения: 02.08.2023).
12. Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс: Универс, 1993. С. 27–204.
13. Сидоров Е. В. Содержание текста. Свойства текста // Сидоров Е. В. Общая теория речевой коммуникации. М.: Издательство РГСУ, 2010. С. 188–211.
14. Сидорова Н. А. Ценность и оценка как факторы речевого воздействия: опыт системно-деятельностного рассмотрения // Военно-гуманитарный альманах. Серия «Лингвистика». Выпуск 7: материалы XVI Международной научной конференции по актуальным проблемам языка и коммуникации «Язык. Коммуникация. Перевод» (Москва, 24 июня 2022 г.). М.: Военный университет, 2022. С. 339–347.
15. Соколова М. С. Языковые средства адаптации к собеседнику в процессе коммуникации // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2012. № 2. С. 156–162.
16. Солганик Г. Я. К определению понятий «текст» и «медиа́текст» // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2005. № 2. С. 7–16.
17. Солганик Г. Я. Синтаксическая стилистика (сложное синтаксическое целое). М.: Высшая школа, 1973. 214 с.
18. Тарасов Е. Ф. Тенденции развития психолингвистики. М.: Наука, 1987. 168 с.
19. Шаховский В. И. Человек глуший в реальной и художественной коммуникации // Человек в коммуникации: аспекты исследования. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2005. С. 173–204.

REFERENCES

1. Andryukhina N. V. *Neiskrennii diskurs v angloyazychnykh politicheskikh tekstakh: diss. ... kand. filol. nauk* [Insincere discourse in English political texts: PhD thesis in Philological Sciences]. Samara, 2020. 229 с.
2. Arutyunova N. D. [Truth and the background of connotation]. In: *Logicheskiy analiz yazyka. Kulturnyye kontsepty* [Logical analysis of language. Cultural concepts]. Moscow, Nauka Publ., 1991, pp. 21–30.
3. Bolotnova N. S. *Filologicheskiiy analiz teksta* [Philological analysis of the text]. Moscow, FLINTA Publ., 2021. 520 p.
4. Vodovatova T. Ye. [Sociolinguistic category of insincerity in modern english-language political communication]. In: *Vestnik Samarskogo munitsipalnogo instituta upravleniya* [Bulletin of the Samara Municipal Institute of Management], 2022, no. 3, pp. 128–135.
5. Gak V. G. *Yazykovyye preobrazovaniya. Kniga 1. Nekotoryye aspekty lingvisticheskoy nauki v kontse XX veka: ot situatsii k vyskazyvaniyu* [Language transformations. Book 1. Some aspects of linguistic science at the end of the 20th century: from situation to statement]. Moscow, URSS Publ., 2009. 368 p.
6. Galperin I. R. [Articulation of the text]. In: Galperin I. R. *Tekst kak ob"yekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Moscow, URSS Publ., 2016, pp. 58–75.
7. Dittrikh A. G. [The modern fields of pragmalinguistics research]. In: *Voprosy sovremennoy lingvistiki* [Key Issues of Contemporary Linguistics], 2023, no. 4, pp. 42–52. DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-42-52.

8. Zimnyaya I. A. [Semantic perception of a speech message]. In: Zimnyaya I. A. *Smyslovoye vospriyatiye rechevogo soobshcheniya (v usloviyakh massovoy kommunikatsii)* [Semantic perception of a speech message (in conditions of mass communication)]. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 5–33.
9. Novikov A. I. [Notes in the margins]. In: Novikov A. I. *Tekst i yego smyslovyye dominanty* [Text and its semantic dominants]. Moscow, Institute of Linguistics RAS Publ., 2007, pp. 125–132.
10. Peshkova N. P. [Methodology of multidisciplinary in the study of text and its meaning]. In: *Yazyk i lichnost' v polidistsiplinarnoy perspektive: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Language and personality in a multidisciplinary perspective: materials of the international scientific and practical conference]. Moscow, LLC «Agenstvo sotsial'no-gumanitarnykh tekhnologiy» Publ., 2022, pp. 63–65.
11. Pussinen O. [Language as a means of distorting reality]. In: *Futurum ART*, 2011, no. 1 (26). Available at: <https://reading-hall.ru/publication.php?id=2919> (accessed: 02.08.2023).
12. Sapir E. [Language. Introduction to the study of speech]. In: Sapir E. *Izbrannyye trudy po yazykoznaniyu i kul'turologii* [Selected works on linguistics and cultural studies]. Moscow, Progress Publ., Univers Publ., 1993, pp. 27–204.
13. Sidorov Ye. V. [Contents of the text. Properties of text]. In: Sidorov Ye. V. *Obshchaya teoriya rechevoy kommunikatsii* [General theory of speech communication]. Moscow, Russian State Social University Publ., 2010, pp. 188–211.
14. Sidorova N. A. [Value and assessment as factors of speech influence: experience of system-activity consideration]. In: *Voyenno-gumanitarnyy al'manakh. Seriya «Lingvistika». Vypusk 7: materialy XVI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii po aktual'nym problemam yazyka i kommunikatsii «Yazyk. Kommunikatsiya. Perevod» (Moskva, 24 iyunya 2022 g.)* [Military-humanitarian almanac. Series "Linguistics". Issue 7: materials of the XVI International Scientific Conference on Current Issues of Language and Communication "Language. Communication. Translation" (Moscow, June 24, 2022)]. Moscow, Voyenny universitet Publ., 2022, pp. 339–347.
15. Sokolova M. S. [Language means of communicative adaptation]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universita. Seriya: Filologiya* [Herald of Tver State University. Series: Philology], 2012, no. 2, pp. 156–162.
16. Solganik G. Ya. [How to attribute text and media text]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika* [Lomonosov Journalism Journal], 2005, no. 2, pp. 7–16.
17. Solganik G. Ya. *Sintaksicheskaya stilistika (slozhnoye sintaksicheskoye tseloye)* [Syntactic stylistics (complex syntactic whole)]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1973. 214 p.
18. Tarasov Ye. F. *Tendentsii razvitiya psikholingvistiki* [Trends in the development of psycholinguistics]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 168 p.
19. Shakhovskiy V. I. [Lying man in real and artistic communication]. In: *Chelovek v kommunikatsii: aspekty issledovaniya* [Man in communication: aspects of research]. Volgograd, Volgograd Scientific Publishing House, 2005, pp. 173–204.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сидорова Наталья Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка Военного университета имени князя Александра Невского Министерства Обороны Российской Федерации; профессор кафедры иностранных языков и культур Российского государственного социального университета;
e-mail: natuzz@rambler.ru

Федулова Мария Николаевна – доктор филологических наук, доцент, заместитель начальника кафедры английского языка Военного университета имени князя Александра Невского Министерства Обороны Российской Федерации;
e-mail: mfedulova@mail.ru

Долженков Валерий Николаевич – доцент кафедры английского языка Военного университета имени князя Александра Невского Министерства Обороны Российской Федерации;
e-mail: natuzz@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Natalia A. Sidorova – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Prof., Department of English, “Prince Alexander Nevsky Military University” of the Ministry of Defense of the Russian Federation; Prof., Department of Foreign Languages and Cultures, Russian State Social University;
e-mail: natuzz@rambler.ru

Maria N. Fedulova – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Deputy Head, Department of English, “Prince Alexander Nevsky Military University” of the Ministry of Defense of the Russian Federation;
e-mail: mfedulova@mail.ru

Valery N. Dolzhenkov – Assoc. Prof., Department of English, “Prince Alexander Nevsky Military University” of the Ministry of Defense of the Russian Federation;
e-mail: natuzz@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Сидорова Н. А., Федулова М. Н., Долженков В. Н. К вопросу исследования содержания неискренних текстов // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 1. С. 81–92.
DOI: 10.18384/2949-5075-2024-1-81-92

FOR CITATION

Sidorova N. A., Fedulova M. N., Dolzhenkov V. N. On the issue of studying the content of insincere texts. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2024, no. 1, pp. 81–92.
DOI: 10.18384/2949-5075-2024-1-81-92

УДК 81`255.4

DOI: 10.18384/2949-5075-2024-1-93-105

ОСОБЕННОСТИ ЛОКАЛИЗАЦИИ ВНУТРИИГРОВЫХ ДИАЛОГОВ, СОДЕРЖАЩИХ ИДИОМЫ, УСТОЙЧИВЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ И ИХ ВАРИАЦИИ

Трушина М. К.

Национальный исследовательский университет «МЭИ»

111250, г. Москва, ул. Красноказарменная, д. 14, стр. 1, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Уточнить различия между собственно переводом и локализацией, а также проследить, как выявленные различия влияют на процесс лингвокультурной адаптации фрагментов, содержащих фразеологические единицы, устойчивые выражения и их вариации, для русскоязычного рынка.

Процедура и методы. В ходе написания работы была проанализирована актуальная научная литература, посвящённая локализации как особому виду лингвокультурной адаптации текстов. Также был проведён сопоставительный анализ подборки цитат из диалогов игры “Divinity: Original Sin”, имеющих в составе фразеологические единицы в традиционном или творчески преобразованном авторами игры виде. Отобранные фрагменты рассматривались с точки зрения структуры, происхождения и наличия эквивалентов в русском языке.

Результаты. На основании рассмотренного теоретического и практического материала установлено, что в ходе локализации компьютерных игр адекватная передача ключевого для прохождения игры содержания и соответствие техническим требованиям к тексту перевода являются более приоритетными, чем сохранение художественного своеобразия исходного текста. Особенно это заметно при переводе таких сложных для лингвокультурной адаптации единиц, как фразеологизмы и их вариации, так как при локализации внутриигровых диалогов возможности использования описательного перевода или пояснений крайне ограничены.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая значимость исследования заключается в том, что в работе была предпринята попытка дальнейшего разграничения художественного перевода и локализации внутриигровых художественно-повествовательных текстов и диалогов. Практическая значимость обусловлена тем, что уделяется внимание такому объекту перевода, как фразеологические единицы, и тому, как перевод таких единиц осложняется особенностями локализации в качестве специфического вида переводческой деятельности.

Ключевые слова: зоонимы, локализация, перевод видеоигр, перевод метафор, перевод устойчивых выражений, сопоставительный анализ, стилистика перевода

PECULIARITIES OF LOCALIZATION OF IN-GAME DIALOGUES CONTAINING IDIOMS, SET EXPRESSIONS AND THEIR VARIATIONS

M. Trushina

*National Research University "Moscow Power Engineering Institute"
ulitsa Krasnokazarmennaya 14, build. 1, Moscow 111250, Russian Federation*

Abstract

Aim. To clarify the differences between the actual translation and localization, as well as to trace how the identified differences affect the process of linguocultural adaptation of fragments containing phraseological units, set expressions and their variations for the Russian-speaking market.

Methodology. In the course of writing the work, the current scientific literature devoted to localization as a special type of linguocultural adaptation of texts was analyzed. A comparative analysis of a selection of quotes from the dialogues from the game "Divinity: Original Sin" was also carried out. The selection included phraseological units in a traditional form or creatively transformed by the authors of the game. The selected fragments were considered from the viewpoint of structure, origin and the presence of equivalents in Russian.

Results. On the basis of the considered theoretical and practical material, it has been established that in the course of the localization of computer games, the priority is given to the adequate transfer of the key content for going through the game and compliance with the technical requirements for the translation text, rather than to the artistic originality of the source text. This is especially noticeable when translating such difficult for linguistic and cultural adaptation units as phraseological units and their variations, since when localizing in-game dialogues, the possibility of using descriptive translation or explanations is extremely limited.

Research implications. The theoretical significance of the study lies in the fact that the work gives an attempt of further distinguishing between literary translation and localization of in-game artistic and narrative texts and dialogues. The practical significance is due to the fact that attention is paid to such an object of translation as phraseological units and how the translation of such units is complicated by the peculiarities of localization as a specific type of translation activity.

Keywords: zoonyms, localization, translation of video games, translation of metaphors, translation of set expressions, comparative analysis, stylistics of translation.

Введение

Несмотря на растущий интерес к проблемам локализации среди учёных-лингвистов, связь между собственно переводческими трудностями и особенностями процесса локализации мало изучена. К данной теме обращались такие учёные, как С. Н. Бредихин и А. А. Леонов [3], А. Э. Левицкий и А. И. Кондаков [7], А. О. Знамеровская и А. В. Агеева. [5], М. М. Бричева, С. А. Сасина и М. С. Мугу [8], С. А. Коптелова, Е. А. Руцкая [6] и др. Однако, за редким исключением, такие работы посвящены либо языковым сложностям процесса локализации, либо техническим, поэтому их взаимовлия-

ние по-прежнему исследовано лишь частично. Таким образом, актуальность исследования обусловлена тем, что локализация, будучи сравнительно молодой отраслью перевода, только формируется как самостоятельное направление, в связи с чем наблюдается недостаточная проработанность как теоретических оснований данной разновидности переводческой деятельности, так и обоснованных практических рекомендаций для переводчиков-локализаторов.

В данной работе мы рассмотрели подборку диалогов из игры "Divinity: Original Sin" и проследили, при помощи каких средств передаются особенности

речи персонажей-котов. Кроме того, была предпринята попытка проанализировать, что могло послужить причиной выбора итогового варианта перевода, задействованного в русскоязычной версии игры, чтобы лучше понять связь между техническими и переводческими аспектами локализации.

Таким образом, в исследовании ставятся следующие цели:

1) уточнить различия между собственно переводом и локализацией;

2) проследить, как выявленные различия влияют на процесс лингвокультурной адаптации фрагментов, содержащих фразеологические единицы, устойчивые выражения и их вариации, для русскоязычного рынка.

Для достижения поставленных целей исследования были решены следующие задачи:

1) изучена и проанализирована научная литература, посвящённая проблемам локализации видеоигр, а также переводу фразеологических единиц и устойчивых выражений (в частности, с компонентом-зоонимом);

2) рассмотрены различные определения понятия «локализация», сходства и различия между собственно переводом и локализацией при адаптации видеоигр для конкретного национального рынка;

3) отобраны и проанализированы 20 фрагментов оригинальных диалогов и их локализованные для русскоязычного рынка версии, содержащие фразеологизмы, устойчивые выражения и их вариации.

Как уже упоминалось выше, материалом исследования послужила подборка диалогов из первого акта игры “Divinity: Original Sin”, содержащих устойчивые выражения и их вариации, а также локализованные варианты этих фрагментов. Так как обозначенный объект изучения слишком обширен для достаточно тщательного рассмотрения в рамках статьи, предметом исследования были выбраны только реплики персонажей-котов, так как диалоги с ними несут в себе ряд инте-

ресных для лингвокультурной адаптации элементов. В качестве основного метода исследования был выбран сопоставительный анализ отобранных фрагментов на языке оригинала и в русской локализации, при этом во внимание принимались такие параметры, как происхождение фразеологической единицы, её строение, а также отсутствие или наличие эквивалента в русском языке и, при наличии, уместность его использования с учётом внутриигрового контекста.

Также был проведён сопоставительный анализ подборки цитат из диалогов игры “Divinity: Original Sin”, имеющих в составе фразеологические единицы в традиционном или творчески преобразованном авторами игры виде. Отобранные фрагменты рассматривались с точки зрения структуры, происхождения и наличия эквивалентов в русском языке.

Одна из наиболее известных среди любителей жанра RPG частей серии ролевых видео игр “Divinity” – “Divinity: Original Sin” – вышла в 2014 г. и несколько раз переиздавалась с различными улучшениями, в том числе с исправлениями в русской локализации. Помимо интересного сюжета и увлекательного игрового процесса, данная серия известна обилием иронии, шуток и различных отсылок (иногда максимально «анахроничных» для стилизованного под Средневековье мира), вплетённых в игровые диалоги. В силу особенностей жанра, верная передача содержания и стилистики внутриигровых текстов особенно важна, так они создают атмосферу игры, являются частью игрового опыта, а также непосредственно влияют на сюжет. Локализация – это комплексный, многоуровневый процесс [3, с. 72–73], поэтому, как и при адаптации любой видеоигры для нового рынка, перед переводчиками-локализаторами “Divinity: Original Sin” стояло несколько непростых задач. Во-первых, крайне важно вписаться во временные рамки оригинальной озвучки, так как текст перевода должен восприниматься как субтитры,

а, следовательно, не может значительно превышать по объёму или быть короче исходного текста, при том что средняя длина фразы отличается от языка к языку [11, с. 398]. Например, средняя длина фразы при переводе на русский язык обычно на 20–30% превышает длину английского оригинала [7, с. 60]. Во-вторых, передать стилистические особенности речи отдельных персонажей. И, наконец, в-третьих, сохранить иронию и юмор, которыми, несмотря на весь драматизм основной сюжетной линии, пронизана рассказываемая игрой история.

Видеоигры являются сравнительно новым типом развлекательного продукта, и долгое время они не получали должного внимания со стороны исследователей. Началом исследований в области видеоигр принято считать 2001 г. – тогда в свет вышел международный онлайн-журнал *Game Studies*, а сами игры были признаны культурным феноменом, достойным внимания. С тех пор игр рассматриваются с точки зрения информатики, психологии, нарратологии и, конечно же, лингвистики [12, с. 92–93]. Начиная с 2010-х такой вид переводческой деятельности, как локализация компьютерных игр, стал чаще освещаться в научной литературе [16, р. 6]. Научная новизна данного исследования обусловлена тем, что впервые уделяется внимание особенностям локализации реплик персонажей-животных, использующих в своей речи фразеологические единицы и их вариации, адаптированные под персонажа специфическим образом для создания комического эффекта.

На основе изученной в ходе подготовки статьи литературы, а также анализа конкретных примеров из игры “*Divinity: Original Sin*” можно сформулировать теоретическую и практическую значимость работы. С точки зрения теории материал исследования может быть полезен в силу того, что в нём акцентируется внимание на сходствах, различиях и взаимовлиянии собственно перевода и локализации. Практическая ценность заключается в

том, что в качестве объекта исследования выбраны фразеологические единицы, устойчивые выражения и их вариации – категория языковых единиц, признанная одной из самых сложных как для классического художественного перевода, так и для локализации.

Об особенностях локализации как специфического вида переводческой деятельности

Локализация – это не только собственно перевод текстовой составляющей продукта, но и процесс его лингвокультурной и технической адаптации [10, с. 70]. Может показаться, что перевод видеоигр не должен кардинально отличаться от иных видов аудио-визуального перевода (например, перевода фильмов). Тем более, перевод субтитров, дублированный перевод и локализация программного обеспечения достаточно широко изучены сами по себе, и все эти элементы встречаются в играх. Однако, как показывает практика, перевод видеоигр является самостоятельной производной упомянутых выше видов переводческой деятельности и несёт в себе ряд особенностей, не свойственных ни одному другому жанру [15, р. 5]. И если, например, учёт картины мира переводящего языка широко используется в любом виде перевода, то техническая сторона вопроса заметно отличает процесс локализации. Для качественной локализации видеоигр необходимо как грамотно перевести текстовую составляющую, так и интегрировать её в программное обеспечение, которым, по сути, является сама игра [6, с. 19]. С точки зрения непосредственно переводческой деятельности отдельно стоит отметить важность адаптации юмора и различных отсылок в играх: они вносят разнообразие в игровой процесс, задают стиль повествования, дают подсказки игроку [8, с. 41]. Естественно, если данные элементы теряются или искажаются при переводе, это влияет на игровой опыт, так как появляются фраг-

менты, сбивающие игрока с толку. Например, если речь идёт о переводе фразеологизмов, реплика, понятная носителю языка оригинала, может превратиться в головоломку для того, кто играет в переводе. Однако на конечный результат перевода текстовой составляющей видеоигры могут влиять не только собственно языковые факторы или компетентность переводчика и редактора, но и специфика процесса локализации с её техническими особенностями и ограничениями. С одной стороны, переводчикам внутриигровых художественных текстов даётся большая свобода относительно оригинала, так как основная цель их работы – сделать игровой продукт максимально понятным и привлекательным для пользователей целевой локали, а не передать литературное своеобразие исходного текста [7, с. 32]. Другими словами, качественная локализация принимает во внимание как языковые особенности локали, так и её культурные и технические особенности. С другой стороны, при текстовом переводе внутриигровых диалогов и других текстов художественно-повествовательного характера действуют ограничения по количеству символов. Это связано с тем, что переведённый текст интегрируется в код игры и получает своё отражение в её интерфейсе, а несоответствие заданному объёму может привести к некорректному отображению текста на экране. Таким образом, переводчику-локализатору необходимо и передать заложенные в исходный текст интенции, и уложиться в заданный объём текста, не имея возможности дать, например, подстрочную или подтекстовую сноску с пояснениями.

Кроме того, велика вероятность, что команда переводчиков, работающая над текстовой составляющей видеоигры, не видит продукт целиком, а реплики даже одного персонажа переводят несколько человек, что также осложняет процесс создания стилистически целостной, адекватной с точки зрения воздействия на конечного пользователя (игрока) ло-

кализации¹. Более того, в RPG, например, возможны варианты развития сюжета и, следовательно, связанных с ним диалогов, и даже если у переводчика-локализатора есть время и возможность посмотреть на свою работу собственно в игре, ознакомиться со всеми вариантами может быть затруднительно. Нередки также случаи, когда работа над локализацией идёт почти параллельно разработке, то есть игра может быть ещё не готова полностью, а переводится частями по мере готовности, чтобы дать возможность компании-издателю выпустить продукт сразу на нескольких рынках [7, с. 38]. При этом переводчики вынуждены работать практически вслепую, полагаясь лишь на комментарии и рекомендации разработчиков [7, с. 47].

Все перечисленные выше особенности процесса локализации оказывают непосредственное влияние на результат работы переводчиков, при этом проблемы, свойственные переводу художественного текста, также остаются актуальны. Таким образом, переводчик-локализатор должен не только обладать собственно переводческими компетенциями, но и в достаточной мере понимать технические особенности своей работы, связанные с тем, что любая видеоигра – разновидность программного обеспечения, а также принимать во внимание ограничения, накладываемые форматом, и быть готовым принимать переводческие решения, не имея возможности ознакомиться с будущим продуктом целиком.

Материал исследования и проблематика

Среди наиболее сложных для перевода составляющих текстовой стороны игры выделяют перевод идиом и устой-

¹ См.: Спецпроекты. Поговорили с Александрой «Альфиной» Голубевой о локализации Disco Elysium, вариативности, секретах игры и не только [Электронный ресурс] // Игромания: [сайт]. URL: https://www.igromania.ru/article/32258/Pogovorili_s_Aleksandroy_Alfinoj_Golubevoy_o_lokalizacii_Disco_Elysium_variativnosti_sekretah_igry_i_ne_tolko.html (дата обращения: 12.07.2023).

чивых выражений; перевод отсылок (так называемые «пасхалки»); перевод шуток; перевод сюжетного (эмоционального смысла) [8, с. 41]. В данной статье мы обратимся к первой группе.

В качестве материала настоящего исследования были отобраны 20 фрагментов из внутриигровых диалогов между протагонистами и персонажами-котами (или кошками). Их речь интересна тем, что для создания целостного образа и создания комического эффекта в ней широко используются различные экспрессивные средства, постоянно подчёркивающие, что игрок взаимодействует с представителем семейства кошачьих. Для этого авторы диалогов прибегают как к общеизвестным идиомам с компонентом 'cat', так и к различным экспрессивным выражениям и сравнениям, среди которых можно встретить фразеологизмы, изначально не имевшие ничего общего с кошками, однако видоизменённые в соответствии с характером четвероного персонажа. Таким образом, задача локализаторов с языковой точки зрения усложняется тем, что необходимо передать не только смысл фразеологической единицы, но и сохранить построенную на нём шутку. Перевод даже классических идиом и устойчивых выражений считается одной из самых сложных задач в работе переводчика, так как фразеологическая единица может иметь неполное соответствие в переводящем языке либо не иметь его вовсе в силу того, что этот пласт лексики обладает высокой культурной специфичностью [14, с. 68–69]. Кроме того, даже при наличии фразеологического эквивалента, в случае с выражениями с компонентом-зоонимом могут наблюдаться различия в коннотациях или используемых в эквиваленте элементах, что, в свою очередь, может принципиально изменить восприятие читателем [9, с. 85]. Обозначенные выше параметры важны и для передачи заложенной в исходном тексте шутки, так как культурологический аспект не может не влиять на

восприятие полученного при переводе текста, а значит, может либо помочь сохранить юмор исходного высказывания, либо «убить шутку» [1, с. 78]. К тому же, англо-русские и русско-английские словари идиом и устойчивых выражений нуждаются в дополнении и обновлении [2]. В связи с обозначенными выше сложностями при переводе фразеологизмов можно выделить следующие приёмы перевода:

- 1) фразеологический перевод;
- 2) фразеологический аналог;
- 3) калькирование;
- 4) описательный метод [4, с. 89].

Как уже говорилось в предыдущем разделе, помимо непосредственно переводческих сложностей, при локализации приходится принимать во внимание и технические особенности видеоигры как программного продукта. Во-первых, есть вероятность, что переводчики-локализаторы не видели итоговую версию игры и были вынуждены полагаться лишь на ту информацию об особенностях персонажей, которую им предоставил заказчик. Во-вторых, ограничения, накладываемые форматом повествования в компьютерной игре, вне зависимости от того идёт ли речь о текстовом переводе диалогов или о дубляже, значительно ограничивают возможность применения описательного метода и полностью исключают использование сносок и развёрнутых пояснений, которые могли бы помочь игроку в полной мере понять заложенную в оригинале отсылку или шутку. Поэтому при данном виде переводческой деятельности упор делается не на передачу всех заложенных авторами смыслов, а только тех из них, которые наиболее важны для продвижения игрока по сюжету и сохранения атмосферы игры, при этом, нередко, какими-то культурно-специфичными тонкостями приходится жертвовать.

Интерпретация результатов анализа фрагментов диалогов с персонажами котами/кошками

Обратимся непосредственно к примерам из игры “Divinity: Original Sin”. Отобранные в ходе исследования фрагменты можно разделить на три группы: идиомы с элементом-зоонимом ‘cat’; идиомы и устойчивые выражения, изменённые говорящими для придания «кошачьего колорита»; и, наконец, экспрессивные сравнения, построенные на образах, ассоциирующихся с представителями семейства кошачьих.

Первая группа оказалась самой малочисленной, однако это не делает её самой простой для перевода. Рассмотрим примеры, приведённые в табл. 1.

В примере 1 (табл. 1) мы видим распространённую идиому, устоявшийся перевод которой – «проболтаться, выдать секрет». В русском языке нет соответствующего выражения с компонентом «кот»,

при этом сохранение данного элемента принципиально для внутриигрового повествования, так как Арху (персонаж, произносящий эту реплику) впервые появляется перед игроком именно в облике кота и лишь потом превращается в человека. Переводчику пришлось прибегнуть к дословному переводу для сохранения игрового смысла высказывания, что является достаточно распространённой практикой при переводе фразеологических единиц [14, с. 71]. Однако не совсем понятно, с какой целью при переводе единственное число было заменено множественным: кот как был один, так и остался, никаких других неожиданных тайн Арху в этой части диалога не раскрывает, а использование окончаний множественного числа и расширение реплики «предлагаю перейти к делу –...» (при дословном переводе «давайте перейдём к...») делает перевод затянутым относительно оригинальной озвучки. Воз-

Таблица 1 / Table 1

Идиомы с зоонимом ‘cat’ / Idioms with zoonym ‘cat’

№	Оригинал	Перевод	Исходная идиома, её значение и перевод
1	Now that the cat is out of the bag , let us turn to the counselor Jake’s murder.	Ну, теперь, когда все коты вылезли из мешков , предлагаю перейти к делу – расследованию убийства советника Джейка ¹ .	To let cat out of the bag – reveal a secret, especially carelessly or by mistake ² – выдать секрет/тайну/план; проболтаться ³ .
2	The moment I hit the water, I writhed around like I wound on a hot tin roof ⁴ .	Попав в воду, я заработал лапами так яростно, будто попал на раскалённую крышу ⁵ .	like a cat on a hot tin roof (or on hot bricks) – very agitated, restless, or anxious ⁶ – очень взволнованный, беспокойный или встревоженный.

¹ Divinity Original Sin. Первое Прохождение Дивинити #1 // Timson Tes: YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=tMzlet4r-BM&t=10729s> (дата обращения: 22.05.2023).

² См.: Oxford Dictionary of Idioms / ed. by J. Siefring. New York: Oxford University Press Inc., 2004. P. 48.

³ См.: Шитова Л. Ф., Брускина Т. Л. English Idioms and Phrasal Verbs = Англо-русский словарь идиом и фразовых глаголов; 3-е изд. СПб.: Антология, 2012. С. 99.

⁴ Divinity: Original Sin Quest Guide-Kitty Love // Friendly Fire Co-Op: YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=SlFqELZ61Fw> (дата обращения: 22.05.2023). Далее – Divinity: Original Sin Quest Guide-Kitty Love.

⁵ Прохождение Divinity: Original Sin – Часть 47 (Квест кошачья любовь) // Vladymyr Tkachuk: YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ZPpTOV6Bbd4> (дата обращения: 22.05.2023). Далее – Прохождение Divinity: Original Sin – Часть 47 (Квест кошачья любовь).

⁶ См.: Oxford Dictionary of Idioms/ ed. by J. Siefring. New York: Oxford University Press Inc., 2004. P. 48.

можно, модуляция была введена, чтобы сделать речь персонажей более естественной и непринуждённой, но с точки зрения сюжета, длины реплики в субтитрах или же раскрытия сути использованной в оригинале идиомы, использование данного приёма является не самым оптимальным решением.

Многие английские фразеологизмы имеют литературный первоисточник (например, Библия или произведения У. Шекспира) [13, с. 33]. В примере 2 (табл. 1) использована ещё одна известная идиома с компонентом 'cat'. Это выражение получило широкое распространение после выхода в 1955 г. одноимённой пьесы Теннесси Уильямса (до этого использовался вариант 'a cat on hot bricks'), поэтому для носителя языка отсылка и коннотации, заложенные в данном фрагменте, очевидны. В локализации использован калькированный перевод, созвучный устоявшемуся переводу названия упомянутого выше художественного произведения. Однако заложенный в эту фразу смысл можно проследить либо будучи знакомым с пьесой, либо полагаясь на ассоциации с опасностью, которую может представлять для нежных кошачьих лап раскалённая крыша. Это, как раз, один из тех случаев, когда локализация как специфический вид переводческой деятельности накладывает свои ограничения на процесс передачи культурно-специфического содержания оригинала: у переводчика нет возможности дать сноску, а передать смысл высказывания получается лишь через дословный перевод-сравнение. Таким образом, локализатор уложился в заданное количество символов, сохранил в переводе основную сюжетную информацию, оставив отсылку к литературному произведению на возможную эрудицию игрока, так как на прохождение игры знание или незнание пьесы Теннесси Уильямса не влияет.

Следующая группа фрагментов – это видоизменённые для придания кошачьего колорита идиомы и устойчивые выра-

жения (см. табл. 2). В таких высказываниях задача переводчика дополнительно усложняется тем, что прежде всего необходимо установить, какая же фразеологическая единица лежала в основе, затем проверить англо-русские словари на наличие эквивалентов или соответствий. Лишь после такой обширной подготовительной работы можно приступать непосредственно к переводу. При этом важно учитывать эффект, который перестроенные идиомы производят на носителя английского языка и постараться передать не только смысл высказывания, но и комический эффект оригинала.

Из 11 рассмотренных реплик 4 переведены описательно, 3 – посредством калькирования, ещё в 4 случаях дана попытка фразеологического перевода. Однако далеко не во всех случаях переводчикам удалось сохранить игру слов, основанную на перефразировании персонажами-котами исходных идиом. Обратимся к наиболее показательным, на наш взгляд, примерам.

Во фрагменте 1 (табл. 2) при переводе утрачена отсылка к тому, что речь идёт о коте: устойчивое выражение «потерять голову от любви» широко употребляется в русском языке в отношении людей, а трансформация про лапы и хвост, имеющая место в оригинале, была опущена. Стоит отметить, что для перевода можно было взять другой фразеологический эквивалент – например, «по уши влюблён» и перестроить его с учётом «кошачьей специфики» («влюблён от ушей до хвоста» или что-то в этом роде), однако мы не можем знать наверняка, какой частью контекста владел переводчик-локализатор, работавший над данной частью диалога. С прагматической точки зрения перевод скорее удачный: он и передаёт значимый для сюжета смысл, и не выходит за рамки окна диалога в игре, но часть эмоционального воздействия на игрока потеряна.

Во фрагменте 2 (табл. 2) для получения метафорического сравнения 'as shallow as a spaniel' авторами исходного текста

была проделана целая цепочка трансформаций, которую локализаторам нужно было проследить для адекватной передачи смысла и эффекта высказывания в русскоязычной версии игры. 'As shallow as a puddle' – дословно «неглубокий, как лужица» – так говорят о мелочном человеке, который ставит дорогие вещи и наряды выше чувств и морали. Однако в словарях зафиксировано переносное значение только самого слова 'shallow', а данная фраза является его метафорическим расширением. Кроме того, слово 'puddle' (лужа) в английском языке созвучно названию породы собак 'poodle' (пудель). Вероятно, пудель был заменён на более распространённую породу собак, спаниеля, чтобы не перегружать метафору игрой слов. В принципе, перевод «циничная сука» достаточно точно передаёт суть

исходного высказывания (хотя вариант «мелочная» или «меркантильная» был бы точнее), но звучит скорее грубо, чем комично. На развитие сюжета этот момент никак не влияет, но, как и в примере 1, эмоциональное воздействие на игрока несколько другое, нежели в оригинале.

В примере 3 (табл. 2) использован перевод-калькирование, из-за чего теряется игра слов, основанная на изменении одного элемента во фразеологическом сочетании: 'true color' – 'true collar'. Дополнительную сложность для перевода представляет тот факт, что в данном примере мы имеем дело с игрой слов на фонетической основе, а эта разновидность наиболее затруднительна для передачи на другом языке¹. Локализатору приходится пожертвовать каламбуром в пользу краткости и сохранения сюжетно-значимой

Таблица 2 / Table 2

Видоизменённые идиомы и устойчивые выражения / Modified idioms and set expressions

№	Оригинал	Перевод	Исходная идиома / устойчивое выражение, его значение или перевод
1	Paws over tails in love with me, and who can blame him? ²	Он совсем потерял голову от любви, да и кто его в этом упрекнёт? ³	to be head over heels in love – 'madly in love' ⁴
2	At the risk of sounding as shallow as a spaniel , I can't but admit that my love does not come unconditionally ⁵ .	Не хочу показаться циничной сукой, но всё же должна признать, что за мою любовь нужно платить ⁶ .	shallow – lacking intellectual or mental depth or subtlety; superficial ⁷
3	Behold my true collar and marry me! ⁸	Узри мой истинный ошейник и выходи за меня замуж! ⁹	To see smb's true colours – видеть истинное лицо ¹⁰

¹ См.: Галь Н. Слово живое и мертвое. М.: Эксмо, 2018. С. 136.

² Divinity: Original Sin Quest Guide-Kitty Love.

³ Прохождение Divinity: Original Sin – Часть 47 (Квест кошачья любовь).

⁴ См.: Oxford Dictionary of Idioms / ed. by J. Stefring. New York: Oxford University Press Inc., 2004. P. 139.

⁵ Divinity: Original Sin Quest Guide-Kitty Love.

⁶ Прохождение Divinity: Original Sin – Часть 47 (Квест кошачья любовь).

⁷ См.: Shallow [Электронный ресурс] // The Free Dictionary: [сайт]. URL: <https://www.thefreedictionary.com/shallow> (дата обращения: 29.05.2023).

⁸ Divinity: Original Sin Quest Guide-Kitty Love.

⁹ Прохождение Divinity: Original Sin – Часть 47 (Квест кошачья любовь).

¹⁰ См.: Шитова Л. Ф., Брускина Т. Л. English Idioms and Phrasal Verbs = Англо-русский словарь идиом и фразовых глаголов; 3-е изд. СПб.: Антология, 2012. С. 136.

информации. В отличие от традиционного художественного перевода, в таком коротком фрагменте нет возможности ввести игру слов в другой, более удобной для переводящего языка части текста, а комический эффект сохраняется за счёт соседства возвышенного глагола «узри» и слова «ошейник».

Третья группа отобранных для анализа примеров представляет собой экспрессивные сравнения, основанные на стереотипных представлениях о представителях семейства кошачьих, закреплённых в английском языке. Многие из таких сравнений понятны и носителям русского языка, поэтому эта группа оказалась наиболее простой в плане локализации. Исключение составляет пример, рассмотренный ниже, где в оригинале для обозначения мелочи используется слово 'mite', также имеющее значение 'клещ', тогда как в переводе данный элемент словесной игры опускается. На сюжет это никак не влияет, поэтому выбор был сделан в пользу краткого и эквивалентного по смыслу высказывания, а не попытки сохранить выразительное своеобразие оригинала (см. табл. 3).

Заключение

Локализация компьютерных игр – это особый вид переводческой деятельности, который требует от переводчика учё-

та большого количества разнообразных параметров. При адаптации видеоигр на другие языки недостаточно перевести их текстовую составляющую, важно также понимать технические особенности формата и внутриигровой контекст. Из-за стремления компаний-издателей выпустить игру сразу на нескольких рынках, локализаторам часто приходится работать не с готовым продуктом, а с его частями по мере их готовности, опираясь на комментарии разработчиков и сценаристов, не имея доступа к полному контексту.

На основании проведённого анализа фрагментов диалогов из ролевой компьютерной игры "Divinity: Original Sin" можно сделать выводы о том, что особенности, отличающие локализацию от собственно перевода, заметно усложняют процесс лингвокультурной адаптации фрагментов, содержащих фразеологические единицы, устойчивые выражения и их вариации. Так, у переводчика внутриигровых диалогов нет возможности дать поясняющую сноску к какой-то культурной отсылке, в силу ограничений по количеству символов, в которое нужно уложиться для корректного отображения текста в интерфейсе игры. Использование описательного перевода или переноса, например, игры слов в другую часть диалога также крайне затруднительно.

Таблица 3 / Table 3

Экспрессивные сравнения / Expressive comparisons

№	Оригинал	Перевод	Комментарий
1	And dear me, one must have at least a mite of standards! ¹	А ведь у кошки должны быть хоть какие-то стандарты! ²	a mite – клещ, мелкий паразит, часто досаждающий в том числе кошкам; также в переносном значении 'to a minor or small extent' ³ ; игра слов, основанная на том, что клещ мелкий и том, что даже у кошки есть какие-то минимальные требования к потенциальному жениху.

¹ Divinity: Original Sin Quest Guide-Kitty Love.

² Прохождение Divinity: Original Sin – Часть 47 (Квест кошачья любовь).

³ См.: A mite [Электронный ресурс] // The Free Dictionary: [сайт]. URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/a+mite> (дата обращения 29.05.2023).

Иными словами, переводчику-локализатору постоянно приходится делать выбор между передачей ключевой для сюжета информации, техническими требованиями к полученному тексту и сохранением в переводе эмоционального воздействия игрока за счёт передачи экспрессивных средств, использованных в оригинале. Зачастую первые два параметра в приоритете по отношению к художественной составляющей, так как именно они оказывают непосредственное влияние на продвижение игрока по сюжету игры. Конечно, это лишает игроков, не владеющих английским языком, части игрового опыта, так как диалоги (сюжетные и побочные) – неотъемлемая часть ролевых видеоигр, однако необходимость такого рода компромиссов является одной из

черт, отличающих локализацию от художественного перевода.

Результаты проведённого исследования могут быть использованы в теоретических работах по дальнейшему разделению художественного перевода в классическом понимании и локализации внутриигровых художественно-повествовательных текстов, включая диалоги, как особый вид переводческой деятельности. Значимость работы для практики перевода обуславливается тем, что в статье рассматриваются особенности перевода фразеологических единиц и их вариаций и те сложности, с которыми сталкивается переводчик при локализации подобных специфических единиц.

Дата поступления в редакцию 27.07.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаева Е. С. Параметры передачи юмористического эффекта при переводе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 1. С. 75–83. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-1-75-83.
2. Боровых Ю. С., Багрецов Д. Н. К вопросу о создании англо-русского словаря фразеологизмов с компонентом-зоонимом // Аграрное образование и наука. 2017. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://aon.urgau.ru/ru/4-2017/24-4-2017> (дата обращения: 25.05.2023).
3. Бредихин С. Н., Леонов А. А. Трансформации структуры концепта в процессе локализации компьютерных игр с элементами жанра фэнтези // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. № 1. С. 70–76. DOI: 10.29025/2079-6021-2019-1-70-76.
4. Давыдова Е. А., Бабанина Е. Ю. Фразеологизмы и приёмы их перевода // Успехи в химии и химической технологии. 2021. Т. 35. № 11 (246). С. 88–90.
5. Знамеровская А. О., Агеева А. В. Междисциплинарность как ключевая характеристика процесса локализации компьютерных игр // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. № 1. С. 218–222. DOI: 10.30853/phil210006.
6. Коптелова С. А., Руцкая Е. А. Лингвистические аспекты локализации видеоигр // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14. № 3. С. 16–25. DOI: 10.17072/2073-6681-2022-3-16-25.
7. Левицкий А. Э., Кондаков А. И. Трудности англо-русского перевода в сфере локализации видеоигр: монография. М.: КДУ, Университетская книга, 2019. 126 с.
8. Мугу М. С., Бричева М. М., Сасина С. А. Проблемы языковой локализации компьютерных игр // The Scientific Heritage. 2021. № 61-3 (61). С. 40–42. DOI: 10.24412/9215-0365-2021-61-3-40-42.
9. Плескачева Я. С. Лингвокультурологические особенности пословиц с зоонимами в английском, немецком и русском языках // Lingua mobilis. 2014. № 5 (51). С. 83–90.
10. Саяхова Д. К. Языковая локализация видеоигр: лингвокультурологический и когнитивно-прагматический аспекты: дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2021. 189 с.
11. Тбоева З. Э. Национально-культурная специфика перевода зоонима “horse” на примере романа «Путешествия Гулливера» Дж. Свифта // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 3 (64). С. 398–401.
12. Харлашкин М. Н. Особенности дискурса видеоигр // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. № 1. С. 92–98. DOI: 10.18384/2310-712X-2016-1-92-98.

13. Чумакова Д. А. Особенности перевода фразеологических оборотов с элементами-зоонимами (на примере русского, английского и немецкого языков) // Наука, образование и культура. 2021. № 5 (60). С. 32–34.
14. Шепелева Е. В. Особенности перевода фразеологизмов // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. 2009. № 15. С. 68–72.
15. Czech D. Challenges in video game localization: An integrated perspective // Explorations: A Journal of Language and Literature. 2013. Vol. 1. P. 3–25.
16. Mejías-Climent L. Enhancing Video Game Localization Through Dubbing. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, Springer International Publishing, 2021. 247 p.

REFERENCES

1. Abaeva E. S. [Essential parameters for translating an extract with humorous effect]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2019, no. 1, pp. 75–83. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-1-75-83.
2. Borovykh Yu. S., Bagretsov D. N. [To the question about the compiling of English-Russian dictionary of idioms with the zoonym-component]. In: *Agrarnoye obrazovaniye i nauka* [Agrarian education and science], 2017, no. 4. Available at: <http://aon.urgau.ru/ru/4-2017/24-4-2017> (accessed: 25.05.2023).
3. Bredikhin S. N., Leonov A. A. [Concept structure transformations in localization of computer games with fantasy genre elements]. In: *Aktualnyye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics], 2019, no. 1, pp. 70–76. DOI: 10.29025/2079-6021-2019-1-70-76.
4. Davydova E. A., Babanina E. Yu. [Phraseological units and methods of their translation]. In: *Uspekhi v khimii i khimicheskoy tekhnologii* [Advances in chemistry and chemical technology], 2021, vol. 35, no. 11 (246), pp. 88–90.
5. Znamerovskaia A. O., Ageeva A. V. [Interdisciplinarity as key characteristic of video games localisation process]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2021, vol. 14, no. 1, pp. 218–222. DOI: 10.30853/phil210006.
6. Koptelova S. A., Rutskaia E. A. [Linguistic aspects of video game localization]. In: *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, no. 3, pp. 16–25. DOI: 10.17072/2073-6681-2022-3-16-25.
7. Levitskiy A. E., Kondakov A. I. *Trudnosti anglo-russkogo perevoda v sfere lokalizatsii videoigr* [Difficulties of English-Russian translation in the field of video game localization]. Moscow, KDU Publ., Universitetskaya kniga Publ., 2019. 126 p.
8. Mugu M. S., Bricheva M. M., Sasina S. A. [Problems of language localization of computer games]. In: *The Scientific Heritage*, 2021, no. 61-3 (61), pp. 40–42. DOI: 10.24412/9215-0365-2021-61-3-40-42.
9. Pleskacheva Ya. S. [Linguistic and cultural features of proverbs with toonami in English, German and Russian languages]. In: *Lingua mobilis*, 2014, no. 5 (51), pp. 83–90.
10. Sayakhova D. K. *Yazykovaya lokalizatsiya videoigr: lingvokul'turologicheskii i kognitivno-pragmaticheskiy aspekty: diss. ... kand. filol. nauk* [Language localization of video games: linguocultural and cognitive-pragmatic aspects: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Ufa, 2021. 189 p.
11. Tboeva Z. E. [National and cultural peculiarities of translating zoonym horse using novel “Gulliver’s travels” by J. Swift as an example]. In: *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The world of science, culture and education], 2017, no. 3 (64), pp. 398–401.
12. Kharlashkin M. N. [Features of discourse of videogames]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2016, no. 1, pp. 92–98. DOI: 10.18384/2310-712X-2016-1-92-98.
13. Chumakova D. A. [Features of the translation of phraseological units with zoonymic elements (on the example of Russian, English and German languages)]. In: *Nauka, obrazovaniye i kultura* [Science, education and culture], 2021, no. 5 (60), pp. 32–34.
14. Shepeleva E. V. [The peculiarities of the phraseological units' translation]. In: *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. G. Belinskogo* [News PPSU named after V. G. Belinskiy. Humanities], 2009, no. 15, pp. 68–72.
15. Czech D. Challenges in video game localization: An integrated perspective. In: *Explorations: A Journal of Language and Literature*, 2013, vol. 1, pp. 3–25.

16. Mejías-Climent L. Enhancing Video Game Localization Through Dubbing. Cham, Switzerland, Palgrave Macmillan, Springer International Publishing, 2021. 247 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Трушина Мария Константиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Национального исследовательского университета «МЭИ»;
e-mail: trushinam@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Mariya K. Trushina – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Foreign Languages, National Research University “Moscow Power Engineering Institute”;
e-mail: trushinam@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Трушина М. К. Особенности локализации внутриигровых диалогов, содержащих идиомы, устойчивые выражения и их вариации // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 1. С. 93–105.
DOI: 10.18384/2949-5075-2024-1-93-105

FOR CITATION

Trushina M. K. Peculiarities of localization of in-game dialogues containing idioms, set expressions and their variations. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2024, no. 1, pp. 93–105.
DOI: 10.18384/2949-5075-2024-1-93-105

УДК 81'42

DOI: 10.18384/2949-5075-2024-1-106-113

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ В ФОНОВОМ ТЕРМИНАЛЕ КОГНИТИВНОЙ СЦЕНЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Г. ДЖЕЙМСА «БОСТОНЦЫ» И Г. ЗУДЕРМАНА «ФРАУ ЗОРГЕ»)

Тугуз Т. Р.

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85, Российская Федерация*

Аннотация

Целью исследования является определение особенностей употребления глаголов движения в роли проксем, формирующих художественное пространство в фоновом терминале при построении когнитивных сцен в разноязычных произведениях Г. Джеймса «Бостонцы» и Г. Зудермана «Фрау Зорге».

Процедура и методы. В данной работе интерпретируются особенности репрезентации художественного пространства в тексте разноязычных произведений Г. Джеймса «Бостонцы» и Г. Зудермана «Фрау Зорге». Исследуются проксемы, которые выявлены в фоновом терминале текстовых когнитивных сцен. В ходе исследования проксемного аспекта фонового терминала когнитивных сцен был применён когнитивно-герменевтический анализ глаголов движения в качестве проксем. Материалом исследования являются разноязычные произведения Г. Джеймса «Бостонцы» и Г. Зудермана «Фрау Зорге».

Результаты. Согласно исследованию, когнитивные сцены высокочастотны в текстах обоих романов. Проксемный спектр фоновых терминалов текстовых когнитивных сценариев представлен преимущественно глаголами движения. Наиболее частотным типом глаголов-проксем в обоих разноязычных текстах являются глаголы во времени Past Simple / Präteritum (простое прошедшее время). Глаголы во времени Past Perfect / Perfekt являются менее частотными проксемами.

Теоретическая и практическая значимость заключается в определении специфики построения когнитивных сцен как динамичного сегмента концептосферы художественного мира писателей XIX века Г. Джеймса и Г. Зудермана, в пополнении теоретико-методологической базы интерпретации текстовых когнитивных сцен детальным описанием глаголов движения в качестве одного из типов проксем, формирующих художественное пространство.

Ключевые слова: глаголы движения, информационный терминал, когнитивная сцена, проксема, спейснама, фоновый терминал, художественный текст

VERBS OF MOVEMENT FUNCTIONING IN THE BACKGROUND TERMINAL OF THE COGNITIVE SCENE (IN H. JAMES'S "THE BOSTONIANS" AND H. SUDERMANN'S "DAME CARE")

T. Tuguz

*Belgorod State National Research University
ulitsa Pobedy 85, Belgorod 308015, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify the specific features of verbs of movement used as proxemes that form the literary space in the background terminal forming cognitive scenes in H. James's novel "The Bostonians" and H. Sudermann's "Dame Care".

Methodology. This paper interprets the features of the representation of literary space in the multilingual texts of H. James's novel "The Bostonians" and H. Sudermann's novel "Dame Care". The proxemes revealed in the background terminals of cognitive text scenes are studied. In the course of the study of the cognitive scene background terminal proxeme aspect, a cognitive-hermeneutic analysis was carried out. The research material were the multilingual texts of Henry James's novel "The Bostonians" and Hermann Sudermann's novel "Dame Care".

Results. According to the study, cognitive scenes are of high-frequency in the texts of both novels. The proxeme spectrum of background terminals of textual cognitive scenarios is represented mainly by verbs of movement. The most frequent type of verb-proxeme in both multilingual texts are verbs in the Past Simple / Präteritum tense (simple past tense). Verbs in Past Perfect / Perfekt tense are less frequent proxemes.

Research implications. The theoretical and practical significance lies in determining the specifics of the construction of cognitive scenes as a dynamic segment of the conceptual sphere of the literary world of writers of the 19th century – H. James and H. Sudermann, in replenishing the theoretical and methodological basis of textual cognitive scenes interpretation with a detailed description of verbs of movement as one of the types of proxemes that form the literary space.

Keywords: verbs of movement, information terminal, cognitive scene, proxeme, spacename, background terminal, literary text

Введение

В современном языкознании одним из главных вопросов является всестороннее рассмотрение архитектоники художественного текста, для чего предложены новые теоретико-методологические подходы, обусловленные «ракурсом исследовательского интереса» [10, с. 37]. Исследовательские подходы к интерпретации архитектоники текста зиждятся на различных определениях этого явления. Так, в работах Е. С. Кубряковой текст предстаёт как «информационно самодостаточное речевое сообщение» [7, с. 73].

Н. С. Валгина даёт следующее определение термину «текст»: «целостная единица, состоящая из коммуникативно-функциональных элементов» [1, с. 13]. По мнению Ю. М. Лотмана, текст – это «некоторое сообщение на языке искусства» [8, с. 129].

Как единое целое художественный текст состоит из «взаимосвязанных смысловых элементов – художественных концептов» [5, с. 476]. Концепты, свойственные определённому автору, об-

разуют авторскую концептосферу. Они выступают «средством репрезентации ценностных понятий в художественном тексте» [14, с. 103].

Существуют различные определения термина «концепт». Например, С. Г. Воркачев определяет концепт как «синоним понятия» [2, с. 269], тогда как по Е. С. Кубряковой концепт – это «многомерный мыслительный конструкт»¹. Согласно определению Н. А. Кобриной, концепт – это «единица знания, объединяющая принципы суждения и оценки» [6, с. 61].

Совокупность художественных концептов составляет художественную картину мира. Одной из главных составляющих художественной картины мира является концепт ПРОСТРАНСТВО, поскольку его номинанты представляют собой текстовый проксемный спектр, на фоне которого происходят различные «литературные события» [17, р. 266]. При этом важен учёт того факта, что входя-

¹ См.: Кубрякова Е. С. Концепт // Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Изд-во МГУ, 1996. С. 90–92.

щие в художественную картину мира «пространственные «картинки» постоянно сопровождают нашу мыслительную (когнитивную) деятельность» [4, с. 87], оперирующую концептами или данными, «восходящими к пространственным концептам» [16, р. 175]. Пространственно-временной код отражает «осмысление прошлого, настоящего и будущего в категориях центричности глобальных процессов»; семиотика пространства и времени, «передавая разные смыслы, создаёт разные парадигмы» [9, с. 80].

Согласно результатам проведённого исследования, концепт ПРОСТРАНСТВО высокочастотен в архитектонике текстовых когнитивных сцен, интерпретируемых как «исследовательский конструкт, который описывает взаимодействие двух и более коммуникантов» [12, с. 105]. Наряду с наличием двух и более коммуникантов, рассматриваемых как адресат и адресант, в архитектонику сцены включены два терминала, а именно «информационный и фоновый терминал» [11, с. 6]. Текстовая когнитивная сцена, состоящая из перечисленных четырёх терминалов, рассматривается в качестве четырёхтерминальной текстовой когнитивной сцены. Материал художественных произведений показывает, что в ряде текстовых когнитивных сцен фоновый терминал отсутствует, в наличие только три компонента архитектоники, без которых невозможно конструирование текстовой когнитивной сцены, а именно адресат, адресант и информативный терминал [там же].

В архитектонике текстовой когнитивной сцены, в её фоновом терминале, выявлены различные маркеры невербального кода: хронемы, проксемы, такемы, кинемы, сенсемы. Данная работа посвящена исследованию проксем, под которыми понимается «единица пространства, обладающая физическими параметрами»¹.

¹ См.: Проксема // Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 168–169.

Проведённые ранее исследования показали наличие в архитектонике художественного текста четырёх типов проксем, а именно «1) слова и конструкции, семантика которых маркирует художественное пространство; 2) глаголы движения; 3) топонимы; 4) пейзажные единицы» [11, с. 56].

Дальнейшие исследования проксем позволили вести авторский термин «спейсгема», обозначающий «словосочетание, состоящее из существительного и предлога, характеризующее местонахождение героя произведения или месторасположение предмета» [13, с. 130].

Интерпретация проксемной составляющей фонового терминала текстовых когнитивных сцен зиждется на когнитивно-герменевтическом анализе, заключающемся в «осмыслении и истолковании исследуемых лексических единиц и концептов» [3, с. 28], что в совокупности «объективируется в материальной данности текста» [15, с. 142]. Среди параметров материальной данности текста основополагающим аспектом, наряду с темой и архитектоникой, предстаёт язык, на котором написан текст. В свете этого научный интерес представляет проведение сравнительно-сопоставительного анализа номинантов художественного пространства в фоновых терминалах текстовой когнитивной сцены в текстах одного жанра, написанных на различных языках.

При построении проксемной сравнительно-сопоставительной модели фоновых терминалов текстовых когнитивных сцен был применён следующий авторский алгоритм:

1-й этап: выбор схожих по времени написания и сюжетно-тематическим параметрам одножанровых текстов в качестве материала исследования. Для данного исследования были выбраны два произведения писателей XIX в.: англоязычный роман Г. Джеймса «Бостонцы», опубликованный в 1886 г., и немецкоязычный роман Г. Зудермана «Фрау Зорге», опубликованный в 1887 г.

2-й этап: выявление динамичных текстовых конструкторов – когнитивных сцен посредством когнитивно-герменевтического анализа. В исследуемых разноязычных романах определена высокая частотность текстовых когнитивных сцен, среди которых преобладают четырёхтерминальные конструкторы.

3-й этап: выявление проксем в фоновом терминале посредством лингвистического анализа фонового терминала. В исследуемых разноязычных романах выявлено следующее количество проксем в фоновых терминалах когнитивных сцен: в англоязычном романе «Бостонцы» – 92 проксема, в немецкоязычном романе «Фрау Зорге» – 81 проксема.

4-й этап: классификация проксем на четыре группы посредством семантического анализа. В обоих разноязычных текстах романов выявлены 4 типа проксем: спейсемы, глаголы движения, топонимы, пейзажные единицы.

5-й этап: формирование шкалы частотности проксем на основе выявления преобладающего типа проксем посредством количественного анализа единиц четырёх типов. Определена следующая шкала частотности проксем: в англоязычном романе «Бостонцы» глаголы движения высокочастотны, спейсемы среднечастотны, топонимы частотны ниже среднего, пейзажные единицы низкочастотны; в немецкоязычном романе «Фрау Зорге» глаголы движения высокочастотны, спейсемы среднечастотны, пейзажные единицы частотны ниже среднего, топонимы низкочастотны.

6-й этап: структурная характеристика проксем каждого типа. В данной статье охарактеризованы только высокочастотные проксема, а именно глаголы движения.

Глаголы движения как преобладающий тип проксем в романе Г. Джеймса «Бостонцы»

Исследование выявило, что наиболее частотный тип проксем в романе

Г. Джеймса «Бостонцы» – глаголы движения. Под глаголами движения в данном исследовании подразумеваются глаголы, обозначающие перемещение героя или персонажа в текстовом пространстве.

В когнитивных сценах романа Г. Джеймса «Бостонцы» были выявлены глаголы движения во времена Past Simple и Past Perfect, что иллюстрируется в приведённых контекстах. В рассматриваемых примерах для обозначения компонентов архитектоники текстовой когнитивной сцены применяется следующая аббревиатура: **ИИ** – информационный импульс, **ФТ** – фоновый терминал, **ГД** – глагол движения.

Пример 1. Проксема – глагол движения в Past Simple

(ИИ I) Olive will come down in about ten minutes; she told me to tell you that. About ten; that is exactly like Olive ...

(ФТ) These words were spoken with much volubility by a fair, plump, smiling woman who entered (ГД) a narrow drawing-room.

(ИИ II) You imply that you do tell fibs. Perhaps that is one¹.

В рассматриваемой сцене говорится о двух коммуникантах, которыми являются миссис Луна и Бэзил Рэнсом. В фоновом терминале сцены выявлена проксема “entered”, которая выражена глаголом движения во внутрь помещения. Данный глагол употреблён во времени Past Simple.

Пример 2. Проксема, выраженная глаголом движения в Past Perfect

(ИИ I) Are you against our emancipation?

(ИИ II) Do you mean your voting and preaching and all that sort of thing?... I will tell you when I have heard Mrs. Farrinder.

(ФТ) They had arrived (ГД) at the address given by Miss Chancellor to the coachman.

В рассматриваемой сцене говорится о двух коммуникантах, которыми являются Бэзил Рэнсом и Олив Чанселлор.

¹ Здесь и далее цит. по: James H. The Wings of Dove [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gutenberg.org/files/29452/29452-h/29452-h.htm> (дата обращения: 11.01.2022).

В фоновом терминале сцены выявлена проксема “had arrived”, которая выражена глаголом движения к определённой точке в пространстве. Данный глагол использован во времени Past Perfect.

Установлено, что преобладающими являются глаголы движения, выраженные формой Past Simple и обозначающие движение героев и персонажей во внутрь помещения, а также из одной точки пространства в другую.

Глаголы движения как преобладающий тип проксем в романе Г. Зудермана «Фрау Зорге»

Согласно исследованию наиболее частотным типом проксем в романе Г. Зудермана «Фрау Зорге» также являются глаголы движения.

В когнитивных сценах романа Г. Зудермана «Фрау Зорге» были выявлены глаголы движения во времена Präteritum и Perfekt, что отражено в приведённых контекстах. В рассматриваемых примерах для обозначения компонентов архитектоники текстовой когнитивной сцены применяется следующая аббревиатура: **ИИ** – информационный импульс, **ФТ** – фоновый терминал, **ГД** – глагол движения.

Пример 1. Проксема – глагол движения в Präteritum

(ФТ) *Und er kam (ГД). – Mit seinen dröhnenden Schritten trat er vor das Bett der Wöchnerin und sah sie an mit einem Gesicht, das in seiner erzwungenen Unbefangenheit doppelt verzerrt und verzweifelt dreinschaute.*

(ИИ I) *“Max”, sagte sie schüchtern, denn sie hatte immer Angst vor ihm, “Max, verheimliche mir nichts – ich bin ja ohnehin auf das Schlimmste gefaßt”.*

(ИИ II) *“Bist du?” fragte er mißtrauisch, denn er erinnerte sich an die Warnung des Arztes”¹.*

В рассматриваемой сцене говорится о двух коммуникантах, которыми являются

Макс и его жена. В фоновом терминале сцены выявлена проксема “kam”, которая выражена глаголом движения. Данный глагол использован во времени Präteritum.

Пример 2. Проксема – глагол движения в Perfekt

(ФТ) *Die älteren Brüder sind Schlittschuhlaufen gegangen (ГД), er aber liegt in seinem Bette, denn er muß frühe schlafen gehen, und neben ihm sitzt die Mutter, die eine Hand um seinen Hals gelegt ...*

(ИИ I) *“Mama, erzähl mir ein Märchen”, bittet er.*

Und die Mutter erzählte. ... Er verbarg den Kopf im Arm der Mutter – sein Herz pochte, der Atem fing an, ihm zu fehlen, und in Todesangst mußte er aufschreien:

(ИИ II) *“Mama, da ist sie, da ist sie!”*

(ИИ III) *“Wer? die Frau Sorge?” fragte die Mutter.*

В рассматриваемой сцене говорится о двух коммуникантах, которыми являются Пауль и его мама. В фоновом терминале сцены выявлена проксема “sind gegangen”, которая выражена глаголом движения. Данный глагол использован во времени Perfekt.

В целом выявлено, что в когнитивных сценах немецкоязычного романа, также как и в когнитивных сценах англоязычного романа преобладают глаголы движения в простом прошедшем времени.

Заключение

Согласно исследованию, когнитивные сцены в разноязычных произведениях Г. Джеймса «Бостонцы» и Г. Зудермана «Фрау Зорге» обладают высокой частотностью. Самым распространённым типом проксем в фоновом терминале когнитивных сцен обоих произведений являются глаголы движения. Вторым по частотности типом проксем являются спейсмены. В романе «Бостонцы» на 3-м месте находятся топонимы, на 4-м – пейзажные единицы. В романе «Фрау Зорге» на 3-м месте находятся пейзажные единицы, на 4-м – топонимы.

¹ Здесь и далее цит. по: Sudermann H. Frau Sorge [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zeno.org/Literatur/M/Sudermann,+Hermann/Roman/Frau+Sorge> (дата обращения: 11.01.2022).

В рассмотренных текстовых когнитивных сценах были определены такие английские глаголы движения, как: *to enter, to arrive, to sit down, to rise, to wander, to reach* и др., и такие немецкие глаголы движения, как *gingen, kommen, laufen* и др. Наиболее частотным типом проксем являются глаголы в Past Simple (Präteritum). Глаголы в Past Perfect (Perfekt) являются менее частотными проксемами.

Следовательно, применённый авторский алгоритм исследования позволил выявить и интерпретировать специфику проксемного сегмента в фоновом термине в архитектонике текстовой когнитивной сцены.

Дата поступления в редакцию 03.03.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Валгина Н. С. Теория текста. М.: Логос, 2003. 280 с.
2. Воркачев С. Г. Культурный концепт и значение // Труды Кубанского государственного технологического университета. 2003. Т. 17. № 2. С. 268–276.
3. Даниленко И. А. Когнитивно-герменевтическое моделирование художественного концепта (на материале романа Э. М. Ремарка “Der Funke Leben”) // Гуманитарные исследования. 2021. № 1 (77). С. 26–32. DOI: 10.21672/1818-4936-2021-77-1-026-032.
4. Жирова И. Г. Структура высказывания и система языковых коммуникативных средств: на материале современных художественных произведений // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2020. Т. 6. № 3. С. 85–98. DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-3-0-7.
5. Иванова Ю. В. Количественный подход как способ верификации результатов качественного анализа художественного текста (на примере произведений Ч. Диккенса) // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 6 (91). С. 475–478. DOI: 10.24412/1991-5497-2021-691-475-478.
6. Кобрин Н. А. О соотносимости ментальной сферы и вербализации: взаимозаменяемость / относительная автономность / неоднозначность векторной зависимости // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 3 (4). С. 59–69.
7. Кубрякова Е. С. О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика: доклады VIII Международной конференции. М.: СпортАкадемПресс, 2001. Т. 1. С. 72–80.
8. Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3-х томах. Таллинн: Александра, 1992. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. С. 129–132.
9. Николаева О. В. Медианарратив «Азиатский Век» сквозь призму национальных нарративов Востока и Запада // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 4. С. 73–86. DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-73-86.
10. Огнева Е. А. Концепция когнитивного моделирования текстового художественного пространства // Вопросы когнитивной лингвистики. 2022. № 2. С. 37–49. DOI: 10.20916/1812-3228-2022-2-37-49.
11. Огнева Е. А., Кузьминых Ю. А. Архитектоника текстовой когнитивной сцены: проблемы моделирования и интерпретации. М.: Эдитус, 2014. 202 с.
12. Тутуз Т. Р. Особенности репрезентации проксем в фоновом термине когнитивных сцен (на материале произведения Генри Джеймса «Крылья голубки») // Филологический аспект. 2021. № 11 (79). С. 105–112.
13. Тутуз Т. Р. Спейсмены как маркеры художественного пространства (на материале произведения Г. Джеймса «Крылья Голубки») // Гуманитарные исследования. 2022. № 2 (82). С. 128–132. DOI: 10.54398/18184936_2022_2_128.
14. Черкасова И. П., Черкасова А. С. Кристаллизация аксиологических доминант *time* и *soulmate* в романе Р. Баха «Мост через вечность» // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 4. С. 102–115. DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-102-115.
15. Щирова И. А. К проблеме смыслового конструирования в художественном тексте // Studia Linguistica (Санкт-Петербург). 2020. № 29. С. 142–150.
16. Löve K. H. The Structure of Space in I. A. Gončarov's Oblomov. Russian Literature // Russian Literature. 1990. Vol 28. Iss. 2. P. 175–210. DOI: 10.1016/S0304-3479(05)80117-6.

17. Perenič U. Space in Literature and Literature in Space // *Slavistična Revija*. 2012. Vol. 60. No. 3. P. 265–270 [Электронный ресурс]. URL: https://srl.si/sql_pdf/SRL_2012_3_02.pdf (дата обращения: 11.01.2022).

REFERENCES

1. Valgina N. S. *Teoriya teksta* [Theory of text]. Moscow, Logos Publ., 2003. 280 p.
2. Vorkachev S. G. [Cultural concept and meaning]. In: *Trudy Kubanskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta* [Proceedings of the Kuban State Technological University], 2003, vol. 17, no. 2, pp. 268–276.
3. Danilenko I. A. [Cognitive-hermeneutic modeling of a literary concept (based on the novel by E. M. Remark “Der Funke Leben”)]. In: *Gumanitarnyye issledovaniya* [Humanitarian Researches], 2021, no. 1 (77), pp. 26–32. DOI: 10.21672/1818-4936-2021-77-1-026-032.
4. Zhironov I. G. [The structure of utterance and the system of language communication tools: based on contemporary literary works of art]. In: *Nauchnyy rezul'tat. Voprosy teoreticheskoy i prikladnoy lingvistiki* [Research Result. Theoretical and Applied Linguistics], 2020, vol. 6, no. 3, pp. 85–98. DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-3-0-7.
5. Ivanova Yu. V. [Quantitative approach as a way of verifying the results of qualitative analysis of a literary text (on the example of works by Charles Dickens)]. In: *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The world of science, culture and education], 2021, no. 6 (91), pp. 475–478. DOI: 10.24412/1991-5497-2021-691-475-478.
6. Kobrina N. A. [The interrelation of concepts and verbalization]. In: *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2005, no. 3 (4), pp. 59–69.
7. Kubryakova Ye. S. [About the text and the criteria for its definition]. In: *Tekst. Struktura i semantika: doklady VIII Mezhdunarodnoy konferentsii* [Text. Structure and semantics: reports of the VIII International Conference]. Moscow, SportAkademPress Publ., 2001, vol. 1, pp. 72–80.
8. Lotman Yu. M. [Semiotics of culture and the concept of text]. In: Lotman Yu. M. *Izbrannyye stat'i: v 3 tomakh* [Selected articles: in 3 volumes]. Tallinn, Aleksandra Publ., 1992, vol. 1: Articles on semiotics and typology of culture, pp. 129–132.
9. Nikolaeva O. V. [The “Asian Century” media narrative through the lens of national narratives of the East and the West]. In: *Voprosy sovremennoy lingvistiki* [Key Issues of Contemporary Linguistics], 2023, no. 4, pp. 73–86. DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-73-86.
10. Ogneva E. A. [The theory of cognitive modeling literary text space]. In: *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2022, no. 2, pp. 37–49. DOI: 10.20916/1812-3228-2022-2-37-49.
11. Ogneva Ye. A., Kuz'minykh Yu. A. *Arkhitektonika tekstovoy kognitivnoy stseny: problemy modelirovaniya i interpretatsii* [Architectonics of the text cognitive scene: problems of modeling and interpretation]. Moscow, Editus Publ., 2014. 202 p.
12. Tuguz T. R. [Specific features of the representation of proxemes in the background terminal of cognitive scenes in Henry James's “The Wings of Dove”]. In: *Filologicheskii aspekt* [Philological aspect], 2021, no. 11 (79), pp. 105–112.
13. Tuguz T. R. [Spacenames as markers of literary space in H. James's “The Wings of the Dove”]. In: *Gumanitarnyye issledovaniya* [Humanitarian Researches], 2022, no. 2 (82), pp. 128–132. DOI: 10.54398/18184936_2022_2_128.
14. Cherkasova I. P., Cherkasova A. S. [Crystallization of axiological dominants time and soulmate in R. Bach's novel “The bridge across forever”]. In: *Voprosy sovremennoy lingvistiki* [Key Issues of Contemporary Linguistics], 2023, no. 4, pp. 102–115. DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-102-115.
15. Shchirova I. A. [On the issue of meaning construal in a fictional text]. In: *Studia Linguistica (Sankt-Peterburg)* [Studia Linguistica], 2020, no. 29, pp. 142–150.
16. Löve K. H. The Structure of Space in I. A. Gončarov's Oblomov. Russian Literature. In: *Russian Literature*, 1990, vol 28, iss. 2, pp. 175–210. DOI: 10.1016/S0304-3479(05)80117-6.
17. Perenič U. Space in Literature and Literature in Space. In: *Slavistična Revija*, 2012, vol. 60, no. 3, pp. 265–270. Available at: https://srl.si/sql_pdf/SRL_2012_3_02.pdf (accessed: 11.01.2022).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тугуз Тамара Руслановна – аспирант кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации Белгородского государственного национального исследовательского университета;
e-mail: tuguz@bsu.edu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tamara R. Tuguz – Postgraduate Student, Department of Romance and Germanic Philology and Cross-Cultural Communication, Belgorod State National Research University;
e-mail: tuguz@bsu.edu.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Тугуз Т. Р. Особенности функционирования глаголов движения в фоновом терминале когнитивной сцены (на материале произведений Г. Джеймса «Бостонцы» и Г. Зудермана «Фрау Зорге») // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 1. С. 106–113.
DOI: 10.18384/2949-5075-2024-1-106-113

FOR CITATION

Tuguz T. R. Verbs of movement functioning in the background terminal of the cognitive scene (in H. James's "The Bostonians" and H. Sudermann's "Dame Care"). In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2024, no. 1, pp. 106–113.
DOI: 10.18384/2949-5075-2024-1-106-113

УДК 81'373

DOI: 10.18384/2949-5075-2024-1-114-126

ГЕНДЕР В ЗЕРКАЛЕ АФОРИЗМА: СУЩНОСТЬ, ЯЗЫК, ЭВОЛЮЦИЯ

Ширяева Т. А.¹, Катермина В. В.²

¹ *Пятигорский государственный университет*

357532, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр-т Калинина, д. 9, Российская Федерация

² *Кубанский государственный университет*

350040, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149, Российская Федерация

Аннотация

Цель статьи – установление и описание динамики социокультурных сходств и отличий британских и американских афоризмов с гендерной оценкой, отражённых в их семантике и структуре.

Процедура и методы. Основное содержание исследования составляет анализ субъекта оценки в афоризмах, принимая во внимание пол, социальное положение, профессию. Также произведено: установление концептуального пространства; выявление и интерпретация культурной информации, отражённой в афоризмах определённых столетий посредством метода лингвокультурологического анализа; сравнение социокультурных особенностей британских и американских оценочных афоризмов с помощью сопоставительного анализа.

Результаты. Исследование афоризмов разных эпох позволило проследить процесс формирования системы ценностей у американской и британской наций, что способствует пониманию особенностей характера англоязычных народов. В результате проведённого исследования были обозначены основные различия между британскими и американскими оценочными афористическими высказываниями, имеющими социолингвистический характер.

Теоретическая и прикладная значимость статьи заключается в том, что работа вносит вклад в разработку когнитивной сущности и национально-культурной специфики афоризмов в гендерном аспекте, способствует выявлению наиболее эффективных способов создания ярких оценочных английских и американских афоризмов и вскрытию и пониманию процесса инференции различных по структуре афоризмов, вербализующих оценку лингвокультурных образов мужчины и женщины.

Ключевые слова: афоризмы, гендер, оценка, британский вариант английского языка, американский вариант английского языка

GENDER IN THE MIRROR OF APHORISM: ESSENCE, LANGUAGE, EVOLUTION

T. Shiryayeva¹, V. Katermina²

¹ *Pyatigorsk State University*

prospect Kalinina 9, Pyatigorsk 357532, Stavropolskiy Region, Russian Federation

² *Kuban State University*

ulitsa Stavropolskaya 149, Krasnodar 350040, Krasnodar Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To establish and describe the dynamics of sociocultural similarities and differences between British and American aphorisms with a gender assessment reflected in their semantics and structure.

Methodology. The main content of the study is the analysis of the subject of assessment in aphorisms, considering gender, social status, profession; establishing a conceptual space; identification and interpretation of cultural information reflected in the aphorisms of certain centuries through the method of linguoculturological analysis; comparison of sociocultural characteristics of British and American evaluative aphorisms using comparative analysis.

Results. The study of aphorisms from different eras made it possible to trace the process of formation of the axiological system of the American and British nations which contributes to understanding the peculiarities of the character of the English-speaking people. As a result of the study, the main differences between British and American evaluative aphoristic statements of a sociolinguistic nature were identified.

Research implications. The theoretical and practical significance of the article lies in the fact that the work contributes to the development of the cognitive essence and national and cultural specificity of aphorisms in the gender aspect, helps to identify the most effective ways to create vivid evaluative English and American aphorisms and to reveal and understand the process of inference of aphorisms of different structure, verbalizing the assessment of linguocultural images of men and women.

Keywords: aphorisms, gender, evaluation, British English, American English

Введение

С давних пор афоризмы считались воплощением острого и живого человеческого ума. Насквозь исполненные мудростью, они были направлены на глубинное познание человеческой сущности, восприятие мира и самосовершенствование. Действительно, зачастую самые короткие фразы впечатляют смысловым содержанием и воздействуют на человеческое сознание оригинальной формулировкой мысли. И хотя афоризмы привлекают внимание с древнейших времён как учёных, так и обывателей, научные исследования в области теории афоризма немногочисленны. В большинстве своём это работы литературоведческой направленности [22, с. 65], тогда как лингвистические исследования англоязычных афоризмов в целом единичны, а сравнительно-сопоставительные – практически отсутствуют.

Данная работа посвящена исследованию афористических высказываний британских и американских авторов в период с XVII по XXI в., содержащих гендерную оценку, их семантическим особенностям и структурным характеристикам.

Принимая во внимание, что в исследовательский фокус помещены афоризмы с гендерной оценкой, важно отметить, что теоретические положения гендерной

лингвистики как относительно нового направления являются одними из основополагающих для данного исследования. В центре исследования гендерной лингвистики находится социальный пол, то есть «гендер» [10]. Пол человека – это не только одна из его важнейших экзистенциальных характеристик, но также и общественно значимая, во многом определяющая социальную, культурную и когнитивную ориентацию личности в мире, в том числе и посредством языка. В рамках антропоцентрического подхода к языку, главенствующего в лингвистике в настоящее время, предполагается пристальное внимание ко всем параметрам человеческой личности, отражающимся в языке [11, с. 5]. И здесь, конечно, не вызывает сомнений, что одним из таких параметров выступает гендер, понимаемый вслед за А. В. Кирилиной, как культурно обусловленный и социально воспроизводимый феномен [10].

Изучение англоязычных афоризмов XVII–XXI вв. с гендерной оценкой нацелено на выявление «модификации» языка, изменений на различных языковых уровнях [22, с. 16]. В афоризмах отражены не только языковые особенности британского и американского вариантов английского языка, но и представления о системе ценностей репрезентантов этих

лингвокультурных сообществ. Из выше сказанного следует, что семантическую характеристику англоязычных афоризмов необходимо рассматривать в лингвокультурологическом аспекте, так как лингвокультурология – «это наука, исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке» [15, с. 18]. Более того, в рамках данного исследования немаловажную роль играет диахроническая лингвокультурология, которая изучает изменения «лингвокультурного состояния этноса за определенный период времени» [15, с. 30]. Таким образом, полагаем, что изучение афоризмов с гендерной оценкой британских и американских авторов позволит установить и описать особенности гендерных стереотипов британского и американского лингвокультурных сообществ, динамику иерархии их ключевых ценностей.

Несмотря на достаточно большое количество исследований, посвящённых афоризмам, на сегодняшний день в данной научной области остались исследовательские лакуны, одной из которых, безусловно, является компаративное изучение британских и американских афоризмов. Сегодня можно говорить о наличии фрагментарного описания универсальных и уникальных черт данного явления в некоторых учебных пособиях и учебниках. Таким образом, проблема когнитивной сущности и национально-культурной специфики афоризмов в гендерном аспекте является неразработанной и требует специального рассмотрения.

Цель работы заключается в установлении и описании динамики социокультурных сходств и отличий британских и американских афоризмов с гендерной оценкой, отражённых в их семантике и структуре.

Материал и методология исследования

Материалом исследования послужили оценочные афоризмы, объектом которых являются женщина и мужчи-

на, отобранные из таких тематических разделов, как “Women”, “Men”, “Love”, “Marriage”, “Friendship”. Формальным критерием выбора послужило наличие слов-идентификаторов, а именно woman, women, man, men, и их синонимов: wife, husband, girl, girls, boy, boys.

Методика анализа афористических единиц включает в себя несколько этапов:

1) сбор корпуса эмпирического материала, для чего были задействованы электронные словари афоризмов [AZ Quotes¹, LibQuotes², Quotery³], электронные версии антикварных изданий-коллекций цитат и афоризмов Dictionary of Quotations from Ancient and Modern, English and Foreign Sources⁴ и Woman and Her Wits⁵;

2) определение информативной насыщенности афоризмов, выявление объекта оценки с помощью метода семантического анализа;

3) анализ субъекта оценки в афоризмах, принимая во внимание пол, социальное положение, профессию;

4) выявление и интерпретация культурной информации, отражённой в афоризмах определённых столетий по-

¹ A-Z Quotes [Электронный ресурс]. URL: <https://www.azquotes.com/> (дата обращения: 15.04.2023). Далее – A-Z Quotes.

² LibQuotes. 100% Sourced Quotations [Электронный ресурс]. URL: <https://libquotes.com/> (дата обращения: 15.04.2023). Далее – LibQuotes.

³ Quotery. An Encyclopedic Playground of Wit&Wisdom [Электронный ресурс]. URL: <https://www.quotery.com/> (дата обращения: 15.04.2023). Далее – Quotery.

⁴ Wood J. Dictionary of Quotations from Ancient and Modern, English and Foreign Sources. London: Frederick Warne and Co., N.Y., 1893 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/48105/pg48105-images.html> (дата обращения: 15.04.2023). Далее – Wood J. Dictionary of Quotations from Ancient and Modern, English and Foreign Sources.

⁵ Monkshood G. F. Woman and Her Wits. London, 1899 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gutenberg.org/files/55722/55722-h/55722-h.htm> (дата обращения: 15.04.2023). Далее – Monkshood G. F. Woman and Her Wits.

средством метода лингвокультурологического анализа;

5) сравнение социокультурных особенностей британских и американских оценочных афоризмов с помощью сопоставительного анализа.

Неоднозначное понимание термина «афоризм»

В лингвистике существует целый ряд близких или соотносимых терминов: афоризм, максима, сентенция, апофегма, гнома, хрия.

The Concise Oxford Dictionary of Literary Terms предлагает следующую дефиницию афоризма: “aphorism – a statement of some general principle, expressed memorably by condensing much wisdom into few words”¹.

Многие отечественные лингвисты и литературоведы выделяют афоризм как основной и ведущий термин, обозначающий «устойчивое изречение, в котором в краткой, лаконичной, образной и легко запоминающейся форме высказывается обобщённая законченная мысль»², а термины *максима* и *сентенция* являются разновидностями афоризма. Издание «Поэтика. Словарь актуальных терминов и понятий» предлагает рассматривать афоризм как жанр, который восходит своим происхождением ещё к античности³.

Проблеме теории афоризма посвящены исследования Н. Т. Федоренко и Л. И. Сокольской, которые рассматривают названные понятия не как составляющие классификации афоризмов, а как термины, встречающиеся в рамках афористики [21].

В «Большом лингвистическом словаре» В. Д. Стариченок отмечает, что афоризмы тематически охватывают все

сферы человеческой жизни, и выделяет общественно-политические, философские, этические, педагогические, жизненно-бытовые⁴.

Следует отметить неоднозначность определений термина «афоризм» в различных словарных статьях. Так, согласно «Большой советской энциклопедии», афоризм представляет собой «глубокую мысль определенного автора», которой свойственны «явная неожиданность суждений» и «оригинальная формулировка», эмоционально воздействующая на сознание адресата⁵. В других справочниках не указывается принадлежность афоризма к конкретному автору, исследуемый феномен наделяется дополнительными характеристиками, такими как выразительность, лаконичность, неожиданность суждения, при этом афоризм часто включает какой-то художественный приём, например, гиперболу, метафору, антитезу, параллелизм [1, с. 7]. Примерами афоризмов выступают пословицы и поговорки. Кроме того, афоризмы можно разделить как на самостоятельные произведения жанра, так и на вводные произведения, связанные с контекстом, который в целом не является афористическим⁶.

По мнению Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова, афоризм, представляя собой краткое высказывание, является малой текстовой формой, которая отличается обобщённостью и меткой выразительностью. Авторы выделяют две группы афоризмов: языковые (массовые) и речевые (индивидуальные). Так, языковой (массовый) афоризм рассматривается как фраза, известная всем адресатам, и, соответственно, не создаётся заново, а извлекается из памяти. Безусловно, язы-

¹ См.: Baldick Ch. The Concise Oxford Dictionary of Literary Terms. Oxford University Press, 2004. P. 205.

² См.: Стариченок В. Д. Большой лингвистический словарь. Ростов-н/Д.: Феникс, 2008. С. 76.

³ См.: Поэтика. Словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. С. 25.

⁴ См.: Стариченок В. Д. Большой лингвистический словарь. Ростов-н/Д.: Феникс, 2008. С. 76.

⁵ См.: Большая советская энциклопедия; 3-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1970. Т. 2. С. 434.

⁶ См.: Краткая литературная энциклопедия. Т. 1: Аарне – Гаврилов / гл. ред. А. А. Сурков. М.: Советская энциклопедия, 1962 [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/default.asp> (дата обращения: 15.04.2023).

ковые афоризмы наиболее употребляемы и массово воспроизводимы в речи. К языковым афоризмам относятся пословицы и поговорки, крылатые слова, девизы, лозунги, общественно-научные формулы, призывы, естественно-научные формулировки [3, с. 186]. К речевым (индивидуальным) афоризмам относят выражения, употребляемые впервые и отвечающие всем базовым характеристикам афоризма [17, с. 125]. К афоризмам данного типа относятся высказывания из художественного текста, их отличительными характеристиками являются авторство, содержательная завершенность, зачастую парадоксальность, понимаемая как неожиданность суждений, отличающихся от общепринятого, традиционно-мнения [17, с. 125–126].

Несмотря на различные мнения о сущности афоризма, исследователи, занимающиеся изучением данного феномена, единогласны в том, что любой вид афоризмов в краткой, сжатой форме неизбежно отражает авторское видение картины мира, его восприятие культурных, общечеловеческих и национально-специфических ценностей [8; 13]. Наряду с авторской интерпретацией картины мира, к специфическим характеристикам афоризмов нужно, на наш взгляд, отнести общезначимость, т. е. конвенционально разделяемую значимость некой реалии, субъекта, действия для определённого лингвокультурного сообщества, а также для определённого исторического периода [16, с. 71]. Универсальность афоризмов заключается также в экспрессивности, оригинальности их языковой формы.

В центре данного исследования – афоризмы оценочного характера. Иными словами, все анализируемые афоризмы обязательно содержат элементы субъективного отношения автора, имеющие экспрессивную окраску. Полагаем, что именно языковой анализ авторской оценки, присутствующей во всех отобранных афоризмах, поможет изучить отличия британского и американского вариантов

английского языка, так как они отражают характер народа.

Не вызывает сомнений, что в качестве ценностного аспекта значения в самых различных языковых выражениях присутствует оценка, ограниченная меньшими элементами, чем высказывание [4, с. 12]. Оценочную семантику характеризуют аффиксы (ср. *warm – the warmest*), слова (ср. *woman – beauty*). Среди огромного разнообразия лексики, выражающей оценку, стоит выделить прилагательные и наречия, обнаруживающие широкий спектр оценочной семантики: ср. *good – bad*; наименования предметов и действий нередко сопровождаются оценкой: *gigolo, to bestow*; пропозициональные структуры глаголов тоже зачастую имеют оценочный компонент: *to rejoice, to enjoy* (глагол, выражающий радость, всегда хороший для субъекта), *to admire* (объект восхищения имеет знак «+») [4, с. 12]. Здесь нужно сказать, что оценку может содержать и целое высказывание: ср. *Woman alone knows true loyalty of affection (Schiller)*¹ ‘Только женщина знает настоящую верность привязанности’ – высказывание содержит одобрение, *A retired husband is often a wife’s full-time job (Ella Harris)*² ‘Муж на пенсии – это полный рабочий день жены’ – осуждение.

Высказывания, обладающие оценочным компонентом, весьма неоднородны. С одной стороны, оценочными являются те сообщения, в которых есть собственно оценочные слова *хорошо / плохо*, с другой, к оценочным также относятся многочисленные виды высказываний, содержащих оценочную сему как один из элементов своего значения: *Men love things best; women love persons best (Jean Paul)*³ / ‘Мужчины лучше любят вещи; женщины – людей’. Оценочный смысл приобретают сообщения с глаголами, имеющими оценочную сему, – *to like / not*

¹ Monkshood G. F. *Woman and Her Wits*.

² A-Z Quotes.

³ Wood J. *Dictionary of Quotations from Ancient and Modern, English and Foreign Sources*.

to like, to affect / to blame, to admire / to hate и ряд других, где значение «хорошо/плохо» проявляется в одном из элементов пропозициональной структуры глагола [14, с. 163].

Понятие гендера и гендерных стереотипов

Сегодня исследователи единодушны в осознании того факта, что одним из существенных факторов, влияющих на оценку событий и реалий, является половая принадлежность говорящего [5; 6; 12]. Гендер не рассматривается как лингвистическая категория, но он актуализируется в языке, раскрываясь содержательно в процессе анализа языка [10]. Конец двадцатого столетия обусловил интерес исследователей к пониманию гендерных особенностей, когда, кроме однозначных биологических отличий между людьми, необходимо говорить о разделении их социальных ролей и форм деятельности, многообразии поведенческих и эмоциональных проявлений [23; 24].

Безусловно, одной из главных общественных характеристик является пол индивида, определяющий его социальную, культурную и когнитивную ориентации. Различные исторические общности выделяют великое множество символов, характеризующих мужские и женские черты: мужская сила, величие, воля, импульсивность противопоставлены женской беспомощности, слабости, послушанию, зависимости, тем самым предопределяя иерархию социальных ролей [9, с. 52].

Первые исследования гендера связаны с проблемами неравенства полов в современном обществе [7, с. 34]. Дифференциация физиологических и поведенческих половых признаков обусловила развитие новых концепций о степени влияния социума на формирование личности индивида [10]. Учёные указывают, что нередко гендерные отношения в языке предопределены культурными стереотипами, навязываемыми индивиду обществом. Стереотипы, в свою очередь, также влияют

на поведение и речевую деятельность человека [19]. Они воздействуют на восприятие уже имеющихся у субъекта знаний о предмете, задавая упрощённую норму одобряемого обществом и социально допустимого поведения.

Понятие гендерной оценки тесно связано с гендерными стереотипами. Гендерные стереотипы имеют оценочный аспект, который отражает характер оценки – положительной или отрицательной. Афоризмы выражают субъективное отношение автора к тому или иному предмету. Однако важно то, что на формирование у автора тех или иных суждений влияют социальные факторы. Следовательно, в афоризмах могут отражаться эпоха, нормы и суждения общества, правила поведения, характерные для определённого времени, менталитет, национальные черты какого-либо народа. Гендерная оценка несёт в себе черты и нормы определённой культуры и указывает на социальный статус и положение мужчин и женщин этой культуры. В авторских высказываниях она указывает на мужские и женские стереотипы, сложившиеся в обществе.

Таким образом, пол человека представляется одной из важнейших как общественно-значимых, так и экзистенциальных специфических особенностей, во многом обуславливающих социальную, культурную и когнитивную ориентацию индивида в окружающем мире, включая и его речевую деятельность.

Отражение гендерной оценки в афоризмах британского и американского английского языка

Не вызывает сомнений тот факт, что британский английский и американский английский, будучи вариантами одного языка, имеют существенный ряд различий. Данные различия между двумя вариантами английского языка на протяжении долгого времени находятся в центре внимания лингвистов. Главной

целью, которую преследуют лингвисты, является решение вопроса, какой именно вариант английского языка – британский или американский – следует считать образцовым, эталонным. Исследователь А. Д. Швейцер полагает, что «характерной чертой высказываемых взглядов является явное преувеличение расхождений между американским и британским вариантами» [22, с. 12]. Кроме того, причиной многих споров лингвистов считается вопрос, является ли американский вариант самостоятельным языком, обособленным от британского, или же американский вариант занимает подчинённое место, т. е. является ли он диалектом британского языка. Согласно Г. Г. Бондарчук и Е. А. Бурой [2], в названных вариантах существуют значимые различия в области орфографии, фонетики, грамматики, лексики. Не менее важными являются культурные различия.

Несмотря на множество дискуссионных вопросов о сходствах и различиях двух вариантов английского языка, не вызывает сомнений тот факт, что именно вариативность считается признаком развития, эволюции языка, а, следовательно, и его изменчивости. Языковая трансформация является основополагающей при формировании языковой картины мира индивида. Так, языковая картина мира является динамичным явлением, постоянно подвергающимся коррективам со стороны реалий окружающего мира. Причём следует учитывать, что мировосприятие, языковая картина мира и принятие окружающей действительности будут различными для представителей разных поколений [20, с. 21].

Языковая картина мира в сознании её носителя как явление динамичное постоянно подвергается коррективам со стороны реалий окружающего мира, причём мировосприятие представителя молодого поколения и образованная на основе этого мировосприятия языковая картина мира отличается от мировосприятия представителя другого поколения [20,

с. 21]. Таким образом, можно сказать, что, применительно к американскому и британскому вариантам английского языка явления вариативности и языковой картины мира глубоко взаимосвязаны, поскольку изменения в мировосприятии отражаются в наборе языковых единиц, используемых в речи говорящего на том или ином варианте языка, а значит, обуславливают различие этих вариантов.

Принимая во внимание цель и задачи данной работы, а также тот факт, что проводимое исследование осуществляется в рамках лингвокультурологического подхода, нужно подчеркнуть, что в центре внимания находятся не только лингвистические особенности американского и британского вариантов английского языка, но и сходства и отличия в языковой системе мира, которая актуализируется в оценочных афоризмах. Более того, исследование афоризмов разных эпох позволит, по нашему мнению, проследить процесс формирования системы ценностей у американской и британской наций, что способствует пониманию особенностей характера англоязычных народов.

Социологические и общетеоретические исследования афористической тематики убедительно доказывают её трансформацию во времени в обеих изучаемых лингвокультурах. Выбор тематики афоризмов обусловлен многообразием граней человеческой индивидуальности и его места в социальном обществе в процессе их диалектического развития. Любой исторический отрезок времени и любая эпоха выдвигают свои уникальные идеи, концепции, тезисы, которые неизменно обогащают и расширяют тематику афористики, превращая её во всеобъемлющий и универсальный феномен. Но всё же она сфокусирована на человеке с его сложным духовным миром и «непрестанными идейными исканиями» [18, с. 74].

Учитывая многогранность афористической тематики, классификация данного феномена возможна только в общих

чертах. Можно выделить различия британских и американских афористических высказываний в общественно-политических, этических, философских, педагогических, жизненно-бытовых и других вопросах [18, с. 73]. Из этого значительного разнообразия могут быть выделены несколько более конкретных тем. Например, жизненно-бытовые афоризмы могут быть о семье, о браке, о жене, о муже, о родственниках и т. д. Из философских афоризмов можно выделить выражения о дружбе, о любви, о женщине и мужчине вообще. Определённая часть этических афоризмов тоже содержит упоминания о женщине и о мужчине в условиях их социальной жизни.

Зачастую авторы в своих крылатых высказываниях предлагают анализ ситуации или назидательное обращение, и только немногие из них выражают суждения, содержащие положительную или отрицательную оценку.

В данном исследовании интерес представляет та тематика британских и американских афоризмов, в которой объектами оценки являются мужчина и женщина. Как показало исследование, чаще всего мужчина и женщина становятся объектами оценки в сентенциях о браке, о дружбе, о любви (табл. 1).

Согласно данным таблицы, чаще всего говорили о браке в британском обществе независимо от эпохи.

Как свидетельствует анализ языкового материала, в английском социуме преобладают афоризмы о браке, в которых

это понятие имеет следующие семантические признаки: 1. *Legally recognized personal union entered into by a man and a woman usually with the intention of living together and having sexual relations and entailing property and inheritance rights*¹ 'общепризнанный законный союз мужчины и женщины, обычно с намерением жить вместе и иметь сексуальные отношения, иметь общую собственность и права наследования', как например, в известном афоризме, принадлежащем первой известной английской феминистке Мэри Астелл: *If all men are born free, how is it that all women are born slaves? (Mary Astell)*² 'Если все мужчины рождаются свободными, как же так, что все женщины рождаются рабами?' – в котором автор обращает внимание на то, что положение и права женщин ограничивались на государственном уровне, как правило, заключением брака. 2. Не менее частотным семантическим признаком брака в Великобритании является – *The condition of being a husband or wife*³ 'статус мужа или жены', как в афоризме Мэтью Генри, английского комментатора Библии: *That the woman was made of a rib out of the side of Adam; not out of his feet to be trampled upon by him, but out of his side to be equal with him, under his arm to be pro-*

¹ The New Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles / ed. by L. Brown. Vol. 1. A-M. Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press, 1993. P. 1701. Далее – The New Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles.

² A-Z Quotes.

³ The New Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles. P. 1701.

Таблица 1 / Table 1

Тематика британских и американских оценочных афоризмов в период с XVII по XXI в. / The theme of British and American evaluative maxims in the period from the 17th to the 21st centuries

Тематика	XVII в.		XVIII в.		XIX в.		XX в.		XXI в.	
	BE	AE	BE	AE	BE	AE	BE	AE	BE	AE
Брак	+	-	+	+	+	+	+	+	+	+
Любовь	-	-	+	-	+	+	+	+	+	+
Дружба	-	-	-	-	+	+	+	+	-	+

tected, and near his heart to be loved (Matthew Henry)¹ ‘Женщина создана из ребра Адама, не из его ступни, чтобы быть подавленной им, а из его бока, чтобы быть равным с ним, быть защищённой его рукой, и возле его сердца, дабы быть любимой’. 3. И наконец, ещё одним признаком брака являются – *The relation between persons married to each other*² ‘отношения между женатыми людьми’.

Американских афоризмов о браке выделено не было. Данный факт можно объяснить тем, что американское общество характеризуется гораздо более поздним процессом зарождения. Здесь важно упомянуть, что согласно проведённому анализу, о дружбе между мужчиной и женщиной начали говорить только в XIX и XX вв. как в США, так и в Великобритании, а о любви с XVIII в. только в британском обществе.

В свою очередь в оценочных афоризмах о любви, согласно проведённому анализу, понятие «любовь» чаще всего употребляется в трёх значениях: первым семантическим признаком является *feel of love for (a person, a thing personified)*³, как, например, в афоризме А. Поупа: *No woman ever hates a man for being in love with her, but many a woman hate a man for being a friend to her (Alexander Pope)*⁴. ‘Ни одна женщина не будет ненавидеть мужчину, влюблённого в неё, но многие женщины возненавидят мужчину, который будет ей другом’. Вторым семантическим признаком любви в английских афоризмах являются – *be very fond of; hold dear*⁵ ‘чувство любви к к-л; быть любящим, обождать’, а третьим – ‘чувство сексуальной

любви: *Feel of sexual love for; be in love with; feel love; being in love*⁶.

Нельзя не обратить внимание на тот факт, что количество оценочных афоризмов зависит от частоты употребления определённой тематики. Из 700 отобранных афоризмов с гендерной оценкой больше всего афоризмов о браке (около 29% от общего количества), афоризмов о любви в два раза меньше – всего 101 крылатое высказывание, что составляет около 14% от общего количества отобранных оценочных афоризмов, и всего 63 единицы о дружбе, что в процентном соотношении равно 9% (см. табл. 2)

Таблица 2 / Table 2

Количественная характеристика англоязычных оценочных афоризмов с точки зрения их тематики / Quantitative characteristics of English evaluative maxims in terms of their subject matter

Вариант	BE	AE	Всего (%)
Тематика			
Брак	110	93	203 (29%)
Любовь	50	51	101 (14%)
Дружба	26	37	63 (9%)

Ещё одним интересным результатом анализа явилось понимание того, что на всём протяжении развития общества в период с XVII по XXI в. появлялись объекты оценки – мужчина и женщина (вне тематики), где в фокусе оценки были отдельные женские и мужские черты, которые выражались и интерпретировались автором в соответствии с нормами общества определённой эпохи. Так, мужчины в афоризмах предстают как: *A gentleman is simply a patient wolf (Lana Turner)*⁷ ‘Джентльмен – это просто спокойный волк’; *It’s a man’s world, and you men can have it (Katherine Anne Porter)*⁸ ‘Это муж-

¹ LibQuotes.

² The New Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles. P. 1701.

³ The New Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles. P. 1636.

⁴ A-Z Quotes.

⁵ The New Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles. P. 1636.

⁶ The New Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles. P. 1636.

⁷ A-Z Quotes.

⁸ A-Z Quotes.

ской мир, и вы, мужчины, можете иметь его'. В свою очередь женщины предстают перед нами в качестве *Women are beautiful, and yummy* (A. C. Van Cherub)¹ 'Женщины прекрасны и привлекательны' или *Women polish the silver and water the plants and wait to be really needed* (Mignon McLaughlin)². 'Женщины натирают серебро, поливают цветы и ждут момента, когда они будут нужны'. Как видим, приведённые примеры свидетельствуют об актуализации разнообразных дополнительных семантических признаков концептов МУЖЧИНА и ЖЕНЩИНА.

Здесь нужно добавить, что в ходе исследования всего было отобрано 304 афоризма о женщине, 202 афоризма о мужчине и 194 афористических высказывания, объектом которых являются оба – женщина и мужчина (см. табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

Количественная характеристика оценочных афоризмов по параметру «объект оценки» / Quantitative characteristics of evaluative maxims for the parameter «object of evaluation»

Объект оценки	Количество	Процентное соотношение
женщина	304	45%
мужчина	202	28%
оба	94	27%

Опираясь на вышеизложенные данные, можно сделать вывод о том, что женщина чаще всего становилась объектом оценки в афоризмах (45%) о браке, о любви и о дружбе, хотя, оговоримся, что не для всех исследуемых эпох характерна та или иная тематика.

Заключение

Афоризмы не всегда были столь разнообразны по тематике, как мы можем наблюдать сейчас. Тема и, главное, акту-

альность афоризма во многом зависит от общества, его норм и стереотипов, его законов и правил. Афоризмы содержат информацию, отображающую характер какой-либо культуры, но человек воспринимает эту информацию через призму субъективного мироощущения автора изречения. Поэтому афоризмы одной эпохи могут нести не только различную информационную нагрузку, но и их количественные показатели будут непосредственно свидетельствовать об определённом характере эпохи. В ходе анализа оценочных афоризмов британских и американских авторов были обозначены основные различия между британскими и американскими оценочными афористическими высказываниями, имеющими социолингвистический характер. Здесь важен тот факт, что в период с XVII по XVIII в. тематика британских и американских афоризмов о мужчине и женщине претерпевает значительные изменения. Наиболее частотными для Великобритании являются афоризмы о браке, причём семантический объём понятия «брак» значительно расширился в течение рассматриваемого периода, в то же время американская нация не создала о браке в XVII в. ни одного афористического высказывания. Общей тенденцией в британских и американских афористических высказываниях о любви явилось значительное семантическое обогащение понятия «любовь» в период с XVIII по XXI в., что подтверждается и значительным ростом афоризмов о любви как в британском, так и в американском вариантах английского языка. Количество британских и американских афоризмов о дружбе между мужчиной и женщиной небольшое, так как понятие «дружба» приобретает дополнительные семантические признаки только в XIX и XX вв.

Дата поступления в редакцию 10.08.2023

¹ Quotery.

² Quotery.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блох М. Я., Любимова Е. А. Сентенция и максима как ядерные основы христианских проповедей (на материале проповедей, отражённых в англоязычных произведениях XX века) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 6. С. 6–14. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-6-6-14.
2. Бондарчук Г. Г., Бурая Е. А. Основные различия между британским и американским английским. М.: Флинта: Наука, 2007. 136 с.
3. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. М.: Изд-во «Индрик», 2005. 1035 с.
4. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: URSS, 2020. 278 с.
5. Гаранович М. В. Социолингвистическое варьирование гендерных стереотипов в языковом сознании носителей русского языка // Когнитивные исследования языка. 2019. № 37. С. 897–903.
6. Гриценко Е. С. О современных тенденциях в лингвистическом изучении гендера, его концептуализации и репрезентации (на материале английского языка) // Вопросы психолингвистики. 2021. № 3 (49). С. 60–73. DOI: 10.30982/2077-5911-2021-49-3-60-73.
7. Дробышева Т. В. Художественный текст в гендерном аспекте // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2008. № 1. С. 34–37.
8. Иванов Е. Е., Ломакина О. В., Петрушевская Ю. А. Национальная специфичность пословичного фонда: основные понятия и методика выявления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 4. С. 996–1035. DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035.
9. Калугина Е. Н. Гендерные исследования языкового субстандарта в российской лингвистике // Acta Linguistica. 2012. Vol. 6. No. 2. P. 52–60.
10. Кирилина А. В. Гендер и гендерная лингвистика на рубеже третьего тысячелетия // Вопросы психолингвистики. 2021. № 3 (49). С. 109–147. DOI: 10.30982/2077-5911-2021-49-3-109-147.
11. Кубрякова Е. С. О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001. № 1. С. 4–10.
12. Купцова Г. И. Отражение современных гендерных репрезентаций в семиотическом ландшафте Москвы // Культура и цивилизация. 2018. Т. 8. № 6А. С. 156–164.
13. Ломакина О. В., Хохлов А. А. Варьирование крылатых единиц как способ расширения репрезентантов концепта (на материале газетных заголовков 2020–2022 гг.) // Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. 2022. № 1 (37). С. 72–80.
14. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. Минск: ТетраСистемс, 2004. 256 с.
15. Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Юрайт, 2023. 208 с.
16. Мухин С. В. Афористика письменных памятников древней Англии: фразеологический аспект // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2020. № 6. С. 70–82. DOI: 10.18384/2310-712X-2020-6-70-82.
17. Патрушева Е. В. К вопросу выделения языковых и речевых афоризмов // Альманах современной науки и образования. 2010. № 2-2. С. 124–126.
18. Пермяков Г. Л. От поговорки до сказки (Заметки по общей теории клише). М.: Наука, 1970. 240 с.
19. Смирнова Е. В. Гендерные и социокультурные особенности коммуникации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 2. С. 131–138.
20. Стернин И. А., Попова З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2001. 189 с.
21. Федоренко Н. Т., Сокольская Л. И. Афористика. М.: Наука, 1990. 416 с.
22. Швейцер А. Д. Литературный английский язык в США и Англии. М.: Едиториал УРСС, 2003. 200 с.
23. Haslanger S. Gender and race:(What) are they? (What) do we want them to be? // *Noûs*. 2000. Vol. 34. Iss. 1. P. 31–55. DOI: 10.1111/0029-4624.00201.
24. Schep D. The Limits of Performativity: A Critique of Hegemony in Gender Theory // *Hypatia*. 2012. Vol. 27. Iss. 4. P. 864–880. DOI: 10.1111/j.1527-2001.2011.01230.x.

REFERENCES

1. Blokh M. Ya., Lyubimova E. A. [Maxim as a kernel of a Christian sermon (study of the sermons represented in the 20th century English-language fiction)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2019, no. 6, pp. 6–14. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-6-6-14.
2. Bondarchuk G. G., Buraya Ye. A. *Osnovnyye razlichiya mezhdu britanskim i amerikanskim angliyskim* [The main differences between British and American English]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2007. 136 p.
3. Vereshchagin Ye. M., Kostomarov V. G. *Yazyk i kultura* [Language and culture]. Moscow, Indrik Publ., 2005. 1035 p.
4. Volf Ye. M. *Funksionalnaya semantika otsenki* [Functional semantics of assessment]. Moscow, URSS Publ., 2020. 278 p.
5. Garanovich M. V. [Sociolinguistic variation of gender stereotypes in the linguistic consciousness of native speakers of the Russian language]. In: *Kognitivnyye issledovaniya yazyka* [Cognitive studies of language], 2019, no. 37, pp. 897–903.
6. Gritsenko Ye. S. [New trends in the linguistic study of gender, its conceptualization and representation in modern English]. In: *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 2021, no. 3 (49), pp. 60–73. DOI: 10.30982/2077-5911-2021-49-3-60-73
7. Drobysheva T. V. [Verbal work of art: the gender perspective]. In: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism], 2008, no. 1, pp. 34–37.
8. Ivanov E. E., Lomakina O. V., Petrushevskaya J. A. [The national specificity of the proverbial fund: basic concepts and procedure for determining]. In: *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], 2021, vol. 12, no. 4, pp. 996–1035. DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035.
9. Kalugina Ye. N. [Gender studies of the language substandard in Russian linguistics]. In: *Acta Linguistica*, 2012, vol. 6, no. 2, pp. 52–60.
10. Kirilina A. V. [Gender and gender linguistics at the border of the third millennium]. In: *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 2021, no. 3 (49), pp. 109–147. DOI: 10.30982/2077-5911-2021-49-3-109-147.
11. Kubryakova Ye. S. [On cognitive linguistics and semantics of the term “cognitive”]. In: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication], 2001, no. 1, pp. 4–10.
12. Kuptsova G. I. [Reflection of modern gender representations in the semiotic landscape of Moscow]. In: *Kultura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 2018, vol. 8, no. 6A, pp. 156–164.
13. Lomakina O. V., Khokhlov A. A. [Variation of winged units as a way to expand the representatives of the concept (on the basis of newspaper headlines 2020–2022)]. In: *Uchenyye zapiski Natsional'nogo obshchestva prikladnoy lingvistiki* [Proceedings of National Association of Applied Linguistics (NAAL)], 2022, no. 1 (37), pp. 72–80.
14. Maslova V. A. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Minsk, TetraSistems Publ., 2004. 256 p.
15. Maslova V. A. *Lingvokulturologiya* [Linguoculturology]. Moscow, Yurayt Publ., 2023. 208 p.
16. Mukhin S. V. [Aphoristic sayings in old English texts: phraseological aspect]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2020, no. 6, pp. 70–82. DOI: 10.18384/2310-712X-2020-6-70-82.
17. Patrusheva Ye. V. [Aphorism of written monuments of ancient England: phraseological aspect]. In: *Almanakh sovremennoy nauki i obrazovaniya* [Almanac of Modern Science and Education], 2010, no. 2-2, pp. 124–126.
18. Permyakov G. L. *Ot pogovorki do skazki (Zametki po obshchey teorii klishe)* [From sayings to fairy tales (Notes on the general theory of clichés)]. Moscow, Nauka Publ., 1970. 240 p.
19. Smirnova Ye. V. [Gender, social and cultural peculiarities of communication]. In: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication], 2005, no. 2, pp. 131–138.

20. Sternin I. A., Popova Z. D. *Ocherki po kognitivnoy lingvistike* [Essays on cognitive linguistics]. Voronezh, Istoki Publ., 2001. 189 p.
21. Fedorenko N. T., Sokol'skaya L. I. *Aforistika* [Aphoristics]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 416 p.
22. Shveytser A. D. *Literaturnyy angliyskiy yazyk v SShA i Anglii* [Literary English in the USA and England]. Moscow, Yeditorial URSS Publ., 2003. 200 p.
23. Haslanger S. Gender and race:(What) are they? (What) do we want them to be? In: *Noûs*, 2000, vol. 34, iss. 1, pp. 31–55. DOI: 10.1111/0029-4624.00201.
24. Schep D. The Limits of Performativity: A Critique of Hegemony in Gender Theory. In: *Hypatia*, 2012, vol. 27, iss. 4, pp. 864–880. DOI: 10.1111/j.1527-2001.2011.01230.x.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ширяева Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка и профессиональной коммуникации Пятигорского государственного университета;

e-mail: shiryaevat@list.ru

Катермина Вероника Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии Кубанского государственного университета;

e-mail: veronika.katermina@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tatyana A. Shiryayeva – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of the English Language and Professional Communication, Pyatigorsk State University;

e-mail: shiryaevat@list.ru

Veronika V. Katermina – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of English Philology, Kuban State University;

e-mail: veronika.katermina@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ширяева Т. А., Катермина В. В. Гендер в зеркале афоризма: сущность, язык, эволюция // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 1. С. 114–126.

DOI: 10.18384/2949-5075-2024-1-114-126

FOR CITATION

Shiryayeva T. A., Katermina V. V. Gender in the mirror of aphorism: essence, language, evolution. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2024, no. 1, pp. 114–126.

DOI: 10.18384/2949-5075-2024-1-114-126

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН (ГЕРМАНСКИЕ И РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ)

УДК 811.133.1

DOI: 10.18384/2949-5075-2024-1-127-138

АББРЕВИАТУРНЫЕ НЕОЛОГИЗМЫ В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ВОЕННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Комалова А. С.

Государственный университет просвещения

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Целью данной статьи является рассмотрение аббревиатурных неологизмов современной французской военной лексики и раскрытие особенностей образования аббревиатур и условных обозначений в текстах военной тематики.

Процедура и методы. В работе преимущественно используются общелингвистические методы, в частности описательный и сравнительно-сопоставительный, специальные методы и приёмы, такие как метод лингвистического описания и структурно-семантический анализ в качестве приёмов исследования системы аббревиатур французской военной сферы.

Результаты. В результате проведённого анализа выявлены аббревиатурные неологизмы и особенности их функционирования в сфере современного французского языка военной сферы. Научная новизна исследования заключается в рассмотрении аббревиатурных неологизмов в военных текстах современного французского языка в аспекте их словообразовательных особенностей, которые отличаются спецификой парадигматических отношений.

Теоретическая значимость исследования заключается в выявлении специфики аббревиатурных неологизмов военной сферы, что дополняет теоретические знания образования французской терминологии. **Практическая значимость** состоит в возможности использования полученных результатов в практике преподавания в профильных военных учебных заведениях, при составлении учебных пособий военно-профессиональной направленности.

Ключевые слова: аббревиатурные неологизмы, военная лексика, военная терминология, новые термины, телескопия

ABBREVIATION NEOLOGISMS IN MODERN FRENCH MILITARY VOCABULARY

A. Komalova

Federal State University of Education

ulitsa Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To consider the abbreviated neologisms of modern French military vocabulary and to reveal the features of the formation of abbreviations and symbols in military texts.

© CC BY Комалова А. С., 2024.

Methodology. The work primarily uses general linguistic methods, in particular, descriptive and comparative, special methods and techniques, such as the method of linguistic description and structural-semantic analysis as methods for studying the system of abbreviations in the French military sphere.

Results. As a result of the analysis, abbreviated neologisms and features of their functioning in the modern French language of the military sphere were identified. The scientific novelty of the study lies in the consideration of abbreviated neologisms in military texts of the modern French language in the aspect of their word-formation features, which differ due to the specificity of paradigmatic relations.

Research implications. The theoretical significance of the study lies in identifying the specifics of abbreviated neologisms in the military sphere, which complements the theoretical knowledge of the formation of French terminology.

The practical significance lies in the possibility of using the results obtained in the practice of teaching in specialized military educational institutions, in the preparation of training manuals for the military professional orientation.

Keywords: abbreviated neologisms, military vocabulary, military terminology, new terms, telescoping

Введение

В настоящее время значительные изменения в лексической системе языка связаны с существенными политическими, экономическими и культурными преобразованиями. Меняющаяся реальность способствует появлению новых номинаций, активизирует все системы современных языков, стимулирует их развитие.

В современном периоде развития языка терминология – наиболее активная часть специальной лексики, которая позволяет раскрыть результативность процесса, так как термин – слово или словосочетание специального языка, которое даёт определение понятию или предмету в пределах профессиональной сферы.

Динамика изменений, происходящих в языке, характеризуется появлением большого количества лексических новообразований и приводит в действие закон языковой экономии.

Проблемой аббревиации занимались такие лингвисты как: И. А. Цыбова [22], Н. С. Валгина [5], А. С. Макарова [14], Е. А. Дюжикова [8; 9]. В своей работе «Французский язык. Словообразование» И. А. Цыбова отмечает, что «Сокращение, или аббревиация, отражает тенденцию экономии языковых средств» [22, с. 109]. На особенность компрессивной функции аббревиатур обращают вни-

мание Н. С. Валгина [5, с. 147], А. С. Макарова [14, с. 331], Е. А. Дюжикова [8, с. 284], считающие аббревиатуру единицей языка, потому что она выполняет функции, присущие всем полнозначным языковым единицам.

Из приведённых выше определений следует, что главной характеристикой модификации языка является экономия языковых средств, которая выполняет компрессивную функцию словообразования и оправдывает наличие аббревиации – одного из наиболее конструктивных способов современного словообразования в области терминологии.

В последние десятилетия употребление сокращённых слов и словосочетаний стало широко распространённым явлением во всех языках. Словарный состав непрерывно меняется, обогащается новыми реалиями в соответствии с изменениями в жизнедеятельности человека. Устаревшие аббревиатуры исчезают вместе с понятиями, которые они обозначают. Новая лексика насыщает язык более интенсивно в определённые исторические периоды. В последние годы увеличивается число словарей сокращённых лексических единиц.

В настоящий период аббревиация признана одним из самых общеизвестных способов создания номинативных единиц. Особенности их употребления

в языке обусловлены тем, что аббревиация – это способ словопроизводства, который отвечает прагматическим тенденциям современного мира. При этом процесс аббревиации можно считать особым способом словообразования. В работе Т. С. Сергеевой даётся определение: «аббревиация – произвольный процесс сокращения наименования какого-либо объекта, а аббревиатура – результат этого процесса: искусственно введенная (государством, соответствующим учреждением, автором и т. д.) номинационная сокращенная единица» [16, с. 176].

Чаще всего «аббревиатура» и «сокращение» употребляются как абсолютные синонимы, а различие между ними состоит в истоках происхождения («аббревиатура» – заимствованный термин) [15, с. 917].

Использование и внедрение различных аббревиатур в составе наименований военной техники, вооружения представляет комплексный языковой процесс, в ходе исследования которого решались следующие задачи:

- раскрыть специфику образования аббревиатурных неологизмов военной терминологии;

- составить их классификацию, основанную на принципе способа словообразования;

- выявить особенности их употребления в текстах военной тематики.

Общая характеристика аббревиатурных неологизмов

Прогресс эволюции языка характеризуется непрерывным развитием и увеличением функциональных возможностей, и реализуется на лексическом уровне обогащением лексики языка новыми словами. «Ярким свидетельством динамики языка является процесс возникновения новых слов, движимый переменами в объективной действительности, поскольку общество всегда стремится найти средства для номинации новых реалий» [13, с. 207].

Неологизмы традиционно трактуются как результат динамичных процессов, передающих адаптацию языка к трансформациям в различных сферах деятельности человека. Лингвисты Г. Н. Алиева [2], И. В. Скуратов [17], Е. Г. Водолазкин¹, М. И. Тибилова [21], И. Г. Буцков, В. В. Поталуи [4], М. Я. Блох [3], А. С. Данилин [7] отмечают, что один из словообразовательных способов для неологизмов – возникновение аббревиатур. Но также существует мнение, что аббревиатурные неологизмы – производные от несокращённых слов. Отечественный лингвист Д. И. Алексеев отмечает: «Аббревиатуры, как слоговые, так и инициальные, будучи словами производными, с одной стороны, сохраняют семантику производности, с другой стороны, отличаются от обычных производных существительных в семантическом отношении. Аббревиатура по своему замыслу не предназначена для передачи всей информации, содержащейся в развернутом и, следовательно, в какой-то мере описательном наименовании. Аббревиатура предусматривает обязательное обобщение указанной информации и ее сжатие, ее конденсацию» [1, с. 212-213]. К этому мнению присоединяется Е. А. Земская [10, с. 185].

Образование аббревиатур – один из принципов экономии речевых средств, который характеризуется целесообразностью дать компрессивную форму новым словам, увеличить скорость их воспроизведения и восприятия и повысить эффективность коммуникации.

Аббревиатурные неологизмы – это составная часть словообразовательных неологизмов. Активизация процесса сокращений слов в начале XXI в. выразилась в высокой скорости распространения новой информации, в увеличении роли интернет-технологий, что повлияло на поиск средств адекватного и экономного

¹ См.: Водолазкин Е. Г. Надо развивать аббревиатуры // Новая газета. 2008. № 16. С. 13.

наименования новых явлений действительности. Установлено, что неологизмы-аббревиатуры обогащают терминологическую лексику и относятся к словам с точным номинативным значением.

Основными факторами возникновения аббревиатурных неологизмов можно считать необходимость в наименовании новых предметов и понятий, а также потребность дать номинацию тем словам, которые уже имели обозначение в языке, и назвать одним словом уже существующие понятия, которые обозначались раньше словосочетаниями.

Поступательное движение науки и техники, постоянная модернизация военной техники и вооружений, активная деятельность вооружённых сил различных стран ведут к разработке множества новых моделей оружия с присвоением им заводских номеров и аббревиатур. Перечисленные факты являются причиной образования новых военных терминов.

Военная терминология также представляет собой открытую языковую систему, принимающую вновь возникающие слова и словосочетания – неологизмы.

Аббревиатурные неологизмы возникают и фиксируются в военном лексиконе под влиянием ряда причин: вооружённые конфликты, новые технологии, модификация вооружения, проведение реформ вооружённых сил, изменения военных директив, приказов, уставов и других документов. Эти факты и явления определяют необходимость их номинации, в том числе к сокращениям в силу принципа лингвистической экономии.

Создание в современном французском языке общей теории аббревиации позволило выявить отличительные черты этого лингвистического явления. Использование разного вида сокращённых лексических единиц играет важную роль в системе современного французского языка.

Особенности формирования и употребления военных аббревиатурных неологизмов

В процессе аббревиации создаются независимые коммуникативные единицы, со всеми характеристиками, присущими слову. Полученное новообразование является новой формой, даже если изначально оно рассматривается как сокращение. При рассмотрении и изучении данного «новообразования» можно заметить, что различные термины описывают один и тот же лингвистический феномен, например, термины: аббревиатура, сокращение и усечение. В отечественной романистике усечённые слова рассматривались в работах таких лингвистов, как: Н. А. Смахтин [19; 20], И. В. Скуратов [17; 18], Н. А. Катагощина [12], И. Б. Воронцова [6]; в зарубежной: М-М. Дюбуа (M-M. Dubois) [24], М. Гаудин (M. Gaudin) [25] и А. Слиозберг (A. Sliosberg) [26].

Терминологические аббревиатуры – сокращённые синонимические варианты стандартных терминов, понятные лишь специалистам.

Процесс аббревиации представляет собой распространённое языковое явление во всех языках, в том числе во французском. Аббревиатурные неологизмы используются в средствах массовой информации, в книгах, в специальных словарях и справочниках, в технической документации. Массовое применение аббревиатур свойственно бытовой речи: устной и письменной. Большое количество аббревиатурных конструкций встречается в профессиональной речи военных и в последующие годы их количество только растёт.

Значительная активизация социальной роли вооружённых сил стимулирует как стандартное, так и нестандартное словообразование в языке военной сферы. Одним из способов решения этой проблемы и является развитие аббревиации.

Основное внимание уделяется терминам, обозначающим современные об-

разцы вооружения и военной техники, новые военные операции, стратегии и тактики.

В работе проведён анализ трёх основных структурных типов аббревиатур-неологизмов (инициальных, слоговых сокращений и телескопии) на материале французских обзорных и новостных статей по военной тематике (www.defense.gov.fr, www.europe1.fr, www.lemonde.fr, www.senat.fr, www.challenges.fr, lignesdedefense.blogs.ouest-france.fr, www.lefigaro.fr). Абброннеологизмы рассматриваются с точки зрения моделей сокращения исходных словосочетаний и особенностей их употребления в современной военной терминологии на материале французского языка.

Во французских профессиональных текстах военной тематики важное место занимают различные типы сокращений.

Инициальная аббревиатура

Один из доминирующих способов сокращений – инициальная аббревиатура. Это сложносокращённые слова, образованные из первых букв или звуков слов, входящих в начальную форму словосочетания, и произносимые при чтении в сокращённой, а не в полной форме.

В процессе изучения материала выявили, что в современных текстах военной направленности в основном используются инициальные аббревиатуры, учитывая их высокий уровень имплицитности, предполагающий подбор точного эквивалента к полному аббревиатурному термину.

Инициальные аббревиатуры, в большинстве случаев, совпадают по значению с исходными лексическими единицами и являются наиболее продуктивными в образовании военных терминов. Инициальные сокращения делятся на алфавитизмы и акронимы.

Алфавитизмы, или буквенные аббревиатуры, сформированы путём оставления начальных букв словосочетаний и произносятся по буквам. Приведём примеры:

“De même la mission prioritaire des forces aériennes est le bombardement stratégique, avec son complément la défense aérienne de la *F.N.S*”¹. (forces nucléaires stratégiques). («Точно так же приоритетной задачей ВВС является стратегическая бомбардировка, с её дополнением ПВО СЯС»²).

“Dans le cadre de l’appui des forces en opérations, la *DRM* (la Direction du renseignement militaire) apporte le renseignement nécessaire à la planification et à la conduite des opérations au niveau stratégique”³. («В рамках сил поддержки операций СВР предоставляет разведанные, необходимые для планирования и проведения операций на стратегическом уровне»).

“Le système de missile moyenne portée (MMP) est destiné à équiper les unités de combat au contact et les forces spéciales débarquées et à les doter d’une capacité de neutralisation de combattants et de cibles blindées, de jour comme de nuit jusqu’à 2500 mètres”⁴. («Ракетный комплекс средней дальности (РСД) предназначен для оснащения подразделений контактного боя и спешенного спецназа и обеспечения им возможности по нейтрализации боевых и бронетанковых целей днём и ночью на расстоянии до 2500 метров»).

В приведённых выше примерах видно, что в процессе компрессии словосочетаний в инициальные аббревиатуры в большинстве случаев опускаются служебные слова: предлоги и артикли.

Акронимы, или звуковые аббревиатуры, создаются из начальных букв, имеют

¹ См.: Fourquet M. Emploi des différents systèmes de forces dans le cadre de la stratégie de dissuasion [Электронный ресурс] // La Revue Défense Nationale : [сайт]. URL: <https://www.defnat.com/e-RDN/vue-article.php?article=12488> (дата обращения: 15.03.2023).

² Здесь и далее перевод осуществлён автором статьи – А. К.

³ См.: Nos missions [Электронный ресурс] // Ministre des Armées : [сайт]. URL: <https://www.defense.gouv.fr/drm/nos-missions> (дата обращения: 18.08.2023).

⁴ См.: Le système de missile moyenne portée (MMP) [Электронный ресурс] // Ministre des Armées: [сайт]. URL: <https://clck.ru/39Ytfj>. (дата обращения: 18.09.2023).

не менее одной гласной фонемы в середине или в конце и читаются как обычное слово, например: “Les premiers missiles de longue portée SCALP (Système de croisière conventionnel autonome à longue portée), livrés par la France à l’Ukraine, sont arrivés sur le territoire ukrainien mardi”¹. («Первые ракеты большой дальности “SCALP”, поставленные Францией в Украину, прибыли на территорию Украины во вторник»).

В этом случае наблюдается терминологическое моделирование, в процессе которого создаётся термин для эффективного использования в языке, учитывая факторы: корреляция с прототипом, информативность, краткость и т. д.

В качестве других примеров приводятся термины: “BIM”, “COS”, “DOT”:

“Le général Paul Sanzey, commandant de la 27e Brigade d’Infanterie de Montagne (BIM), était présent ce matin à la base aérienne d’Istres (Bouches-du-Rhône) avec ses troupes”². («Генерал Поль Санзей, командир 27-й горно-пехотной бригады (гпб), сегодня утром находился со своими войсками на авиабазе Истр (Буш-дю-Рон)»).

“Alors que la guerre en Ukraine interroge les doctrines de toutes les armées du monde, le commandement français des opérations spéciales (COS), qui a fêté ses trente ans, vendredi 24 juin, n’échappe pas à la règle”³. («В то время как война на Украине ставит под сомнение доктрины всех армий мира, КСО Франции, отметившее своё 30-летие в пятницу 24 июня, не является исключением из правил»).

“M. Hubert Haenel demande à M. le ministre de la défense de bien vouloir définir les notions de défense du territoire, de DOT (défense opérationnelle du territoire), et de lui préciser les rôles respectifs de l’armée de terre, de la gendarmerie, de l’armée de l’air et de la marine nationale à la suite de la réorganisation récente des forces armées”⁴. («Г-н Юбер Энель просит министра обороны дать определение понятиям теробороны, (оперативной территориальной обороны), а также указать соответствующие роли армии, жандармерии, ВВС и национального флота после недавней реорганизации вооружённых сил»).

Во французском языке ещё одним распространённым видом акронимов являются четырёхбуквенные сокращения:

“OCEA (Océanique construction en aluminium) Deux des patrouilleurs construits par le chantier Océa pour l’Ukraine ont quitté la France”⁵. («OCEA. Два патрульных катера, построенных на верфи Осэа для Украины, покинули Францию»).

“Le design du porte-avions de nouvelle génération (PANG), successeur du Charles de Gaulle prévu pour 2038, est présenté au salon Euronaval, qui s’ouvre aujourd’hui au Bourget”⁶. («Проект авианосца нового поколения (PANG), преемника запланированного на 2038 год “Шарля де Голля”, представлен на выставке Euronaval, которая открывается сегодня в Ле-Бурже»).

Анализируя приведённые примеры, разделяем точку зрения Е. А. Дюжиковой, где она отмечает, что «... у инициальных аббревиатур наиважнейшей

¹ См.: Une arme d’une haute précision... Ce qu’il faut savoir des missiles SCALP livrés par la France à Kiev [Электронный ресурс] // Europe 1: [сайт]. URL: <https://clck.ru/39Ytu3> (дата обращения: 25.03.2023).

² См.: Pulze S. Guerre en Ukraine. “Notre mission est de montrer la détermination de la France”: le discours du commandant de la 27e BIM avant le départ pour la Roumanie [Электронный ресурс] // Le Dauphiné Libéré: [сайт]. URL: <https://clck.ru/39Yufj> (дата обращения: 17.03.2023).

³ См.: Vincent E. La guerre en Ukraine interroge les modes opératoires des forces spéciales françaises [Электронный ресурс] // Le Monde: [сайт]. URL: <https://clck.ru/39Yv6T> (дата обращения: 20.03.2023).

⁴ См.: Haenel H. Définition des notions de défense du territoire et de défense opérationnelle du territoire [Электронный ресурс] // Senat: [сайт]. URL: <https://www.senat.fr/questions/base/1999/qSEQ990314722.html> (дата обращения: 21.03.2023).

⁵ См.: Deux des patrouilleurs construits par le chantier Océa pour l’Ukraine ont quitté la France [Электронный ресурс] // Lignes de défense: [сайт]. URL: <https://clck.ru/39Yvo7> (дата обращения: 14.07.2023).

⁶ См.: Lamigeon V. Euronaval: le PANG, futur porte-avions français, se dévoile, mais fait toujours débat [Электронный ресурс] // Challenges: [сайт]. URL: <https://clck.ru/39Yw3W> (дата обращения: 06.10.2023).

становится функция условного знака-заменителя, знака-копии длинных по протяжённости наименований, т. е. функция выступать в качестве коротких, ярких и удобных наименований» [9].

Следует подчеркнуть, что акронимия – это способ замены сложных терминологических сочетаний на более короткие, которые не препятствуют их восприятию или воспроизведению.

Слоговые аббревиатуры

Слоговые аббревиатуры образуются путём объединения в единый произносительный комплекс начальных слогов слов, входящих в словосочетание. В качестве примера слоговых аббревиатур можно привести следующие наименования, где сохраняется начальная часть слова, а его конечная часть усекается. Например:

“Le *COMLOG* (commandement de la logistique) sera chargé de la conception des opérations, de la programmation des activités comme des tâches organiques (RH, budget, équipement ...) et du transport sur le territoire national de son optimisation aussi”¹. («Командование тыла будет отвечать за планирование операций, программирование деятельности, а также штатные задачи (кадры, бюджет, оборудование и т. д.) и транспорт на территории страны, а также его оптимизацию»).

“Le «*Comcyber*» français couvrira quatre rôles: la protection des réseaux informatiques des armées, la défense, avec le Centre d’analyse de lutte informatique défensive, les opérations offensives et de renseignement et la réserve”². («Французский “Комкибер” будет охватывать четыре направления: защиту армейских компьютерных сетей, оборону с Центром анализа оборони-

тельной компьютерной войны, наступательные и разведывательные операции и резерв»).

“*OPEX* (opérations exterieur) La qualification d’*OPEX* résulte d’un arrêté du ministre des armées, qui porte ouverture du théâtre d’engagement en précisant la zone géographique et la période concernées”. («*OPEX*. Квалификация *OPEX* вытекает из приказа министра вооружённых сил, который открывает театр боевых действий с указанием географического региона и соответствующего периода»).

“Les *OPEX* se distinguent des forces prépositionnées dans des bases en Afrique en vertu d’accords de défense ou en mer”³. («*OPEX* отличаются от сил, заранее размещённых на базах в Африке в соответствии с соглашениями об обороне или на море»).

“*OPINT* (opérations intérieures) La mobilisation des troupes dans le cadre d’*OPINT* n’est pas nouvelle. Une réflexion plus globale portant sur le type de moyens à utiliser dans le cadre des *OPINT* ainsi que sur la doctrine et les règles d’engagement qui y président mériterait donc sans doute d’être engagée”⁴. («*OPINT*. Мобилизация войск в рамках *OPINT* не нова. Поэтому, несомненно, заслуживает более глобального размышления о типе средств, которые будут использоваться в рамках *OPINT*, а также о доктрине и правилах ведения боевых действий, которые её регулируют»).

Приведённые примеры представляют собой слого-буквенные сокращения, где из первого слова берётся слог, а из последующих вычленяются как звуки, так и слоги.

Слоговые сокращения в военной сфере французского языка характеризуются

¹ См.: Le nouveau commandement logistique de l’armée de terre est bien arrivé (à Lille) [Электронный ресурс] // Défense globale : [сайт]. URL: <https://clck.ru/39YwuT> (дата обращения: 23.03.2023).

² См.: Guibert N. L’armée française consolide son commandement cyber [Электронный ресурс] // Le Monde: [сайт]. URL: <https://clck.ru/39Ywjpl> (дата обращения: 23.03.2023).

³ См. Les opérations militaires extérieures de la France (OPEX) [Электронный ресурс] // Vie-publique: [сайт]. URL: <https://clck.ru/39Yx6u> (дата обращения: 10.07.2023).

⁴ См. Les opérations intérieures ou «OPINT». Du contrat opérationnel à la vision capacitaire [Электронный ресурс]. URL: https://www.avis-partners.com/wp-content/uploads/2017/01/note_strat_-_operations_interieures.pdf (дата обращения: 10.07.2023).

большей продуктивностью, так как начала слова часто достаточно, чтобы понять значение всего слова.

В процессе анализа данных примеров можно сделать вывод, что слоговые аббревиатуры типичны для современного французского языка и чаще образуются из существительных. Встречается небольшое количество слов, в сокращении которых присутствуют и прилагательные.

Телескопные слова

Телескопия – это способ словосложения, при котором усечённые основы слов сливаются, чтобы образовать новое слово.

Л. В. Эрстлинг отмечает: «Создание телескопных слов – способ обогатить язык или придать ему большую выразительность, поэтому механизм телескопии стал широко использоваться в “терминотворчестве” и как стилистический прием в художественной литературе» [23, с. 134].

В своём исследовании Т. А. Золотарева обращает внимание на то, что «телескопное слово является результатом слияния полной основы одного исходного слова с усечённой основой другого или же слияния двух и более усечённых основ исходных слов с возможным наложением букв / звуков в месте слияния» [11, с. 92]. Со своей стороны, И. Б. Воронцова считает, что «этот способ номинации реализует необходимые условия для закрепления слова в языке: компактность, чёткость структуры, семантическая ясность. Телескопные слова передают отличительные черты называемого понятия в сжатой форме» [6, с. 112].

Во французском языке структура телескопных образований может быть различной. В текстах военной тематики она менее распространена, чем инициальные и слоговые аббревиатуры. В данной работе рассмотрены два основных подтипа телескопных сокращений: частичные и полные телескопизмы.

Частичные телескопизмы – создание слов начинающихся с усечённых элементов bio- : bioarmes (bio- + armes). Напри-

мер: “La Russie met en garde contre de nouvelles *bioarmes*”¹. («Россия предупреждает о новом биооружии»).

Полные телескопизмы – соединение начальной морфемы / части морфемы первого слова и конечной морфемы / части морфемы второго слова, например: “La Bretagne s'affirme comme le fer de lance de la *cybercurité*, avec le Pôle d'excellence cyber créé en 2014 par le ministère de la Défense et la Région Bretagne”². («Бретань заявляет о себе как острие кибербезопасности благодаря Киберцентру передового опыта, созданному в 2014 году Министерством обороны и регионом Бретань»). В приведённом примере телескопизм “*cybercurité*” образован в результате слияния основ двух слов: (*cybernétique* + *sécurité*) – слово образовано из первой половины первого слова и второй половины второго слова.

Ещё один пример разновидности телескопии – слово *therm(o)viseur* (*thermique* + *téléviseur*). Например “*Quelques jours plus tard, la Lituanie a annoncé qu'elle livrerait de surcroît des thermoviseurs à l'armée ukrainienne pour plus de 300.000 euros*”³. («Через несколько дней Литва заявила, что также поставит украинской армии тепловизоры на сумму более 300 тысяч евро»).

Приведённые примеры показывают, что телескопия – тип сокращения, где новая номинативная единица включает в себя полное или частичное значение входящих в него структурных элементов.

Таким образом, все вышеперечисленные примеры выявили общие и специфические черты в аббревиатурных неоло-

¹ См.: La Russie met en garde contre de nouvelles bioarmes [Электронный ресурс] // French Press TV: [сайт]. URL: <https://clck.ru/39Yxyi> (дата обращения: 05.04.2023).

² См.: Recherche ingénieurs et professionnels du numérique désespérément [Электронный ресурс] // Emploi public: [сайт]. URL: <https://clck.ru/39ZEP7> (дата обращения: 05.04.2023).

³ См.: Bienvenu H., Vitureau M. La Pologne et les pays Baltes livreront des armes à l'Ukraine [Электронный ресурс] // Le Figaro: [сайт]. URL: <https://clck.ru/39ZEd5> (дата обращения: 12.09.2023).

гизмах военной терминологии Франции. Выявленные неологизмы включены в классификацию, основанную на принципе способа словообразования. Исследование аббревиатурных неологизмов показало, что они характеризуются большим многообразием и разносторонностью используемых для этого способов в контексте появления новых типов и видов вооружений.

Заключение

В ходе исследования были получены следующие результаты:

– раскрыта специфика образования аббревиатурных неологизмов военной терминологии на материале современного французского языка;

– составлена их классификация, основанная на принципе способа словообразования;

– выявлены особенности их употребления в текстах военной тематики.

Активное употребление аббревиатур – это ответная реакция на стремительно развивающуюся тенденцию образования многокомпонентных терминов в профессиональной деятельности. Чем сложнее военная техника, тем интенсивнее используется процесс аббревиации для номинации понятий военной сферы.

Частота использования аббревиатур продиктована необходимостью максимальной концентрации информации, экономии времени для написания и целью усилить статус секретности сведений, что позволяет сократить сложную военную терминологию и избежать её повторения в документах.

Следует отметить, что применение аббревиации в профессионально-терминологической лексике доминирует в военной сфере из-за точности, чёткости, сжатости формы и полноты содержания.

Инициальные, слоговые сокращения и телескопия являются аббревиатурными конструкциями, которые пополняют военную терминологию современного французского языка.

Несмотря на эффективное употребление аббревиатур в военной терминологии, существуют принципиальные проблемы при работе с профессионально-ориентированной лексикой: отсутствие достаточного количества специализированных словарей военных аббревиатур, недостаточное внимание к специфике аббревиатур при обучении специалистов военному переводу.

Знание военных аббревиатур необходимо для успешной, полноценной профессиональной коммуникации, так как делает возможным рецепцию специальной информации, зашифрованной несколькими символами, труднодоступной, что снижает риск использования специальных данных вероятным противником, но понятной для военных специалистов.

Таким образом, изучение появляющихся новых военных аббревиатур является важной составляющей обучения военных специалистов. Систематизация аббревиатур связана с вопросом разграничения термина/не-термина, а также интерпретации аббревиатур в плане социолингвистических показателей в контексте субкодов и профессионального жаргона, т. е. социолекта, включающего коннотативную лексику, не отвечающую требованиям терминологической нейтральности, сниженную лексику, вульгаризмы и случаи институциональной неологизации.

Анализ сокращений в военной терминологии показал, что процесс интеграции и формирования новых аббревиатур зависит от лингвистических возможностей самого языка и от экстралингвистических факторов, значение которых коррелирует с экономическим и политическим раскладом сил в международном масштабе.

Учитывая влияние военного подъязыка на формирование общественного мнения в отношении современной политической обстановки, изучение аббревиатур военной тематики на материале медиапродукции представляется актуальным и перспективным.

Дата поступления в редакцию 06.06.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев Д. И. Сокращенные слова в русском языке. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1979. 328 с.
2. Алиева Г. Н. Аббревиатуры должны быть краткими и благозвучными // Русская речь. 2004. № 1. С. 54–56.
3. Блох М. Я., Сергеева Т. С. Аббревиация как продуктивный способ словообразования в истории европейских языков // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2014. № 1 (29). С. 186–199.
4. Буцков И. Г., Поталуй В. В. Сокращения в английской военной лексике // Международный журнал экспериментального образования. 2011. № 8. С. 94–95.
5. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. М.: Логос, 2003. 304 с.
6. Воронцова И. Б. Очерки по современному французскому словообразованию. М.: URSS, 2013. 112 с.
7. Данилин А. С., Мавлеев Р. Р. Сравнительный анализ способов аббревиации в англоязычной и русскоязычной военной терминологии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 7 (849). С. 61–75. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_7_849_61.
8. Дюжикова Е. А. Аббревиация в современном английском языке: (когнитивно-дискурсивный аспект). Одинцово: АНОО ВПО «ОГИ», 2013. 319 с.
9. Дюжикова Е. А. Функции аббревиатур в свете когнитивно-дискурсивной парадигмы (на материале английского языка) // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2013. № 3. URL: <https://www.evestnik-mgou.ru> (дата обращения: 10.05.2023). DOI: 10.18384/2224-0209-2013-3-697.
10. Земская Е. А. Словообразование: учебное пособие; 7-е изд. М.: Флинта: Наука, 2012. 328 с.
11. Золотарева Т. А. Структурный анализ телескопных новообразований в современном английском языке // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. № 2. С. 91–94.
12. Катагощина Н. А. Как образуются слова во французском языке; 4-е изд. М.: КомКнига, 2012. 112 с.
13. Катермина В. В., Воробьева И. В. Лингвостилистические особенности функционирования аббревиатурных неологизмов в англоязычном дискурсе // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 9 (142). С. 206–210.
14. Макарова А. С. О причинах возникновения и широкого распространения аббревиатур (на материале французского языка) // Язык и культура. К юбилею профессора Эммы Фёдоровны Володарской. М.: Изд-во Института иностранных языков, 2010. С. 331–333.
15. Полетаева Е. Д. Аббревиация и сокращение: unus et idem? // Молодой ученый. 2016. № 4 (108). С. 917–920.
16. Сергеева Т. С. Аббревиатура в системе лексических сокращений // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 6-2 (24). С. 174–179.
17. Скуратов И. В. Типологическая характеристика неологизмов в современном разговорном и деловом французском языке: лингвистический и социолингвистический аспекты: дисс. ... докт. филол. наук. М., 2006. 424 с.
18. Скуратов И. В. Усечение как один из способов образования слов в современном французском языке // Лингвостилистический анализ языковых единиц на уровне текста и предложения (синхрония и диахрония): межвузовский сборник научных трудов. М.: Московский педагогический университет, 1996. С. 77–82.
19. Смахтин Н. А. Роль словообразовательной активности усеченных единиц в определении их статуса в современном французском языке // Перевод и межкультурная коммуникация: материалы международной научной конференции. Курск: КГПУ, 2001. С. 117–122.
20. Смахтин Н. А. Усечённые единицы в современном французском языке: сравнительно-сопоставительный анализ: дисс. ... канд. филол. наук. М., 1988. 140 с.
21. Тибилова М. И. Особенности процесса освоения иноязычных аббревиатур // Известия российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 119. С. 242–246.

22. Цыбова И. А. Французский язык. Словообразование. М.: Московский лицей, 1996. 128 с.
23. Эрстлинг Л. В. Телескопные слова во французском языке // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия: Филология. 2010. № 4 (22). С. 132–142.
24. Dubois M.-M. *Télescopes linguistiques // Vie et langage*. 1966. No. 168. P. 156–160.
25. Gaudin M. *Abbréviations et symboles // Vie et langage*. 1971. No. 231. P. 311–319.
26. Sliosbèrg A. *Les abbréviations // Vie et langage*. 1972. No. 239. P. 105–111.

REFERENCES

1. Alekseyev D. I. *Sokrashchennyye slova v russkom yazyke* [Abbreviated words in Russian]. Saratov, Saratov University Publ., 1979. 328 p.
2. Aliyeva G. N. [Abbreviations should be short and euphonious]. In: *Russkaya rech* [Russian speech], 2004, no. 1, pp. 54–56.
3. Blokh M. Ya., Sergeeva T. S. [Abbreviation as productive way of word-formation in history of European languages]. In: *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnyye nauki* [University proceedings. Volga region. Humanities], 2014, no. 1 (29), pp. 186–199.
4. Butskov I. G., Potaluy V. V. [Abbreviations in English military vocabulary]. In: *Mezhdunarodnyy zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya* [International Journal of Experimental Education], 2011, no. 8, pp. 94–95.
5. Valgina N. S. *Aktivnyye protsessy v sovremenном russkom yazyke* [Active processes in modern Russian language]. Moscow, Logos Publ., 2003. 304 p.
6. Vorontsova I. B. *Ocherki po sovremenному frantsuzskomu slovoobrazovaniyu* [Essays on modern French word formation]. Moscow, URSS Publ., 2013. 112 p.
7. Danilin A. S., Mavleev R. R. [Comparative analysis of abbreviation methods in English and Russian military terminology]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnyye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities], 2021, no. 7 (849), pp. 61–75. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_7_849_61.
8. Dyuzhikova E. A. *Abbreviatsiya v sovremenном angliyskom yazyke: (kognitivno-diskursivnyy aspekt)* [Abbreviation in modern English: (cognitive-discursive aspect)]. Odintsovo, Odintsovo Humanitarian Institute Publ., 2013. 319 p.
9. Dyuzhikova E. A. [Functions of abbreviations in the cognitive-discourse paradigm (on the material of English)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyy zhurnal)* [Bulletin of the Moscow Region State University (e-journal)], 2013, no. 3. Available at: <https://www.vestnik-mgou.ru> (accessed: 10.05.2023). DOI: 10.18384/2224-0209-2013-3-697.
10. Zemskaya Ye. A. *Slovoobrazovaniye* [Word formation]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2012. 328 p.
11. Zolotareva T. A. [Structural analysis of telescope neologisms in the modern English language]. In: *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], 2011, no. 2, pp. 91–94.
12. Katagoshchina N. A. *Kak obrazuyutsya slova vo frantsuzskom yazyke* [How words are formed in the French language]. Moscow, KomKniga Publ., 2012. 112 p.
13. Katermina V. V., Vorob'yeva I. V. [Linguistic and stylistic features of the functioning of neologisms-abbreviations in English discourse]. In: *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], 2019, no. 9 (142), pp. 206–210.
14. Makarova A. S. [On the reasons for the emergence and wide distribution of abbreviations (based on the material of the French language)]. In: *Yazyk i kul'tura. K yubileyu professora Emmy Fodorovny Volodarskoy* [Language and culture. For the anniversary of Professor Emma Fedorovna Volodarskaya]. Moscow, Institute of Foreign Languages Publ., 2010, pp. 331–333.
15. Poletayeva Ye. D. [Abbreviation and abbreviation: unus et idem?]. In: *Molodoy uchenyy* [Young scientist], 2016, no. 4 (108), pp. 917–920.
16. Sergeeva T. S. [Abbreviation in system of lexical shortenings]. In: *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2013, no. 6-2 (24), pp. 174–179.
17. Skuratov I. V. *Tipologicheskaya kharakteristika neologizmov v sovremenном razgovornom i delovom frantsuzskom yazyke: lingvisticheskiy i sotsiolingvisticheskiy aspekty: diss. ... dokt. filol. nauk* [Typological characteristics of neologisms in modern colloquial and business French: linguistic and sociolinguistic aspects: D. thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2006. 424 p.

18. Skuratov I. V. [Truncation as one of the ways of forming words in the modern French language]. In: *Lingvostilisticheskiy analiz yazykovykh yedinitz na urovne teksta i predlozheniya (sinkhroniya i diakhroniya)* [Linguistic stylistic analysis of linguistic units at the level of text and sentence (synchrony and diachrony)]. Moscow, Moscow Pedagogical University Publ., 1996, pp. 77–82.
19. Smakhtin N. A. [The role of word-formation activity of truncated units in determining their status in modern French]. In: *Perevod i mezhkul'turnaya kommunikatsiya: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Translation and intercultural communication: proceedings of the international scientific conference]. Kursk, Kursk State Pedagogical University Publ., 2001, pp. 117–122.
20. Smakhtin N. A. *Usechonnnyye yedinitzy v sovremennom frantsuzskom yazyke: sravnitel'no-sopostavitel'nyy analiz: diss. ... kand. filol. nauk* [Truncated units in modern French: comparative analysis : PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, 1988. 140 p.
21. Tibilova M. I. [Foreign abbreviation in the modern Russian language]. In: *Izvestiya rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena* [zvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], 2009, no. 119, pp. 242–246.
22. Tsybova I. A. *Frantsuzskiy yazyk. Slovoobrazovaniye* [French language. Word formation]. Moscow, Moskovskiy litsey Publ., 1996. 128 p.
23. Erstling L. V. [Portmanteau words in the French language]. In: *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya: Filologiya* [St. Tikhon's University Review. Series III: Philology], 2010, no. 4 (22), pp. 132–142.
24. Dubois M.-M. *Télescopes linguistiques*. In: *Vie et langage*, 1966, no. 168, pp. 156–160.
25. Gaudin M. *Abréviations et symboles*. In: *Vie et langage*, 1971, no. 231, pp. 311–319.
26. Sliosbèrg A. *Les abréviations*. In: *Vie et langage*, 1972, no. 239, pp. 105–111.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Комалова Александра Сергеевна – аспирант кафедры романской филологии Государственного университета просвещения;
e-mail: alex.kom1205@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexandra S. Komalova – Postgraduate Student, Department of Romance Philology, Federal State University of Education
e-mail: alex.kom1205@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Комалова А. С. Аббревиатурные неологизмы в современной французской военной терминологии // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 1. С. 127–138.
DOI: 10.18384/2949-5075-2024-1-127-138

FOR CITATION

Komalova A. S. Abbreviation neologisms in modern French military vocabulary. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2024, no. 1, pp. 127–138.
DOI: 10.18384/2949-5075-2024-1-127-138

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА 72.2.020.04 В СВЕТЕ НОВЫХ ТРЕБОВАНИЙ ВАК

SCIENTIFIC ACTIVITY OF THE DISSERTATION COUNCIL 72.2.020.04 IN THE LIGHT OF NEW REQUIREMENTS OF THE HIGHER ATTESTATION COMMISSION

С октября 2022 года диссертационный совет 72.2.020.04 на базе Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Государственный университет просвещения» получил разрешение ВАК проводить защиты докторских и кандидатских диссертаций по научной специальности 5.9.6. – Языки народов зарубежных стран (филологические науки), в частности по германским и романским языкам.

Совет был создан более полувека назад и является одним из старейших среди восьми диссертационных советов, функционирующих при Государственном университете просвещения. Около 50 лет совет возглавляла доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ Наталия Михайловна Васильева, под руководством которой было защищено более 70 диссертаций, включая 4 докторских.

В настоящее время совет продуктивно работает под руководством доктора филологических наук, профессора, Почётного работника высшего профессионального образования РФ Марины Николаевны Левченко.

Высшая аттестационная комиссия при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (ВАК) определила новые критерии оценки ре-

зультативности кандидатов в члены диссертационных советов, согласно которым показатели публикационной активности по филологическим наукам за последние 5 лет должны составлять не менее 8 публикаций в изданиях, отнесённых к категориям К-1 или К-2 из Перечня рецензируемых научных изданий, либо в научных изданиях, индексируемых базой данных RSCI, или в научных изданиях из Q1 и Q2, индексируемых международными базами данных, перечень которых определён в соответствии с рекомендациями ВАК.

Уже с учётом новых рекомендаций ВАК состав совета был изменён, как в количественном, так и в качественном отношении. Членами совета сегодня являются такие известные учёные в области германских и романских языков, как доктор филологических наук, профессора И. Г. Жирова, И. В. Скуратов, Н. Г. Епифанцева, А. Е. Гусева, А. В. Аверина, Е. И. Бойчук, Е. В. Бирюкова, Г. В. Овчинникова, а также молодые исследователи, доктора филологических наук А. А. Боронин, А. А. Балута, А. Ю. Соколова.

По новым требованиям ВАК в совете были успешно защищены уже 2 кандидатские диссертации по германским языкам. Одна диссертация аспиранта Государственного университета просвещения Н. В. Маркарян на тему «Контексту-

альные функционально-семантические характеристики реалий в публицистическом и художественном стилях современного немецкого языка» была подготовлена под руководством д. филол. н., профессора М. Н. Левченко, специалиста в области немецких текстов. В данной работе исследуются семантические и стилистические особенности, а также функциональный потенциал реалий в текстах художественного и публицистического стилей немецкого языка. Автор диссертации доказал, что при определённых условиях реалии трансформируются в понятие культурологического кода, заключающего в себе информацию культурного, исторического, политического, а также экономического характера.

Вторая диссертация «Специфика вербализации произведений изобразительного искусства и их восприятия (на материале англоязычных художественных произведений)» была представлена внешним соискателем Л. Е. Беляевой, преподавателем кафедры зарубежной филологии Ивановского государственного университета. Научным руководителем по данной работе выступила д. филол. н., профессор Карташкова Фаина Иосифовна, специалист в области теории номинации и смысловых отношений в английском языке. Автором работы проведено глубокое разноаспектное исследование специфики вербализации произведений изобразительного искусства и их восприятия посредством изучения цвета, эмоциональных реакций и оценки в англоязычных художественных текстах.

Защищённые диссертационные исследования имеют практическую значимость. Их результаты полезны не только лингвистам, но и специалистам смежных гуманитарных направлений: журналистам, психологам, социологам, рекламодателям и др. Благодаря актуальной тематике и высокому уровню выполнения диссертационные исследования вызвали живой интерес членов совета – обе защиты сопровождались большим количе-

ством вопросов и глубокими научными дискуссиями.

В качестве ведущей организации диссертационные работы рецензировали ФГБОУ ВО «Алтайский государственный педагогический университет» и ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет». Первыми оппонентами по защищаемым диссертациям выступили ведущие специалисты по германским языкам – доктора филологических наук, профессора А. Э. Левицкий (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова) и И. А. Шипова (Московский педагогический государственный университет), вторыми оппонентами – кандидат филологических наук, доцент Петухова Татьяна Ивановна (Санкт-Петербургский государственный университет) и кандидат филологических наук Иванов Владимир Дмитриевич (Национальный исследовательский университет «МЭИ»).

На 2024 год в диссертационном совете 72.2.020.04 уже запланированы защиты в соответствии с новыми рекомендациями ВАК, в том числе работы выпускников аспирантуры факультета романо-германских языков Государственного университета просвещения. Качество и высокий уровень проводимых выпускниками исследований во многом определяется наличием в университете научных школ по германским и романским языкам.

Аспирантам и соискателям, планирующим защиту диссертационных исследований, необходимо теперь учитывать, что с 01 сентября 2023 года вступили в силу новые критерии Высшей аттестационной комиссии, предъявляемые не только к членам диссертационных советов, но и к соискателям учёных степеней кандидата наук.

Количество публикаций, в которых излагаются основные научные результаты диссертации на соискание **учёной степени кандидата наук**, в рецензируемых научных изданиях по филологическим наукам – не менее 3, в числе которых могут быть указаны публикации в научных

изданиях, индексируемых базой данных RSCI, а также в научных изданиях, индексируемых международными базами данных, перечень которых определён в соответствии с рекомендациями ВАК.

Количество публикаций, в которых излагаются основные научные результаты диссертации на соискание **учёной степени доктора наук**, в рецензируемых научных изданиях по филологическим наукам – не менее 15, из которых не менее 5 публикаций должны быть опубликованы в изданиях, отнесённых к категориям

К-1 или К-2 из Перечня рецензируемых научных изданий, либо в научных изданиях, индексируемых базой данных RSCI, а также в научных изданиях, индексируемых международными базами данных, перечень которых определён в соответствии с рекомендациями ВАК.

Ждём новых интересных и актуальных исследований в области германских и романских языков для защиты в диссертационном совете 72.2.020.04 при Государственном университете просвещения.

Левченко Марина Николаевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой германской и романской филологии Государственного университета просвещения, председатель диссертационного совета 72.2.020.04;

Первак Татьяна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры германской и романской филологии Государственного университета просвещения, учёный секретарь диссертационного совета 72.2.020.04.



ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

2024. № 1

Над номером работали:

Литературный редактор М. С. Тарасова
Переводчик А. Ю. Назарова
Корректор М. С. Тарасова
Компьютерная вёрстка – А. В. Тетерин

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.linguamgou.ru

Формат 70x108/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".

Тираж 500 экз. Усл. п. л. 9, уч.-изд. л. 11.

Подписано в печать: 29.02.2024 г. Дата выхода в свет: 09.04.2024 г. Заказ № 2024/02-02.

Отпечатано в ГУП

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А